
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
Том 7. №1

Издательство
«МГИМО-Университет»
2021

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);
Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);
Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);
Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);
Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).
Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);
Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 7. №1 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 155 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов.

Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 7. №1.

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 3.03.2021 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 19,375. Тираж 500 экз. Заказ 307.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аверина А.В. Синтаксис и семантика модальных слов в немецком языке	5
Давлетшина Н.В. Стилистические особенности дипломатических текстов на чешском языке	15
Зимина Е.А., Мюллер Ю.А. Оценочный потенциал антономазии в языке современной немецкоязычной прессы	27
Кукина Н.В. Способы классификации аббревиатур-документонимов (на материале современного немецкого языка)	37
Матвеев М.О., Нистратов А.А., Поликарпов Д.Н., Тарасов Е.Ф. Смысловое восприятие креолизованного текста	45
Михалчева А.В. О прагматических особенностях экспрессивного синтаксиса в текстах англоязычной популярной прессы	60
Мурашова Л.П. Особенности актуализации периферийных зон концептуально-когнитивного фрейма "WOMAN"	68
Принципалова О.В. Модель имиджа в немецком языке: опыт дефиниционного анализа	83
Чурева О.А. К вопросу о минимальной единице театрального текста	91

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е. Интерпретационный фактор в переводе: методический аспект	100
Резвани В. Сопоставление особенностей перевода юридических текстов на базе русского и персидского языков	111

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Багиян А.Ю., Ширяева Т.А. Роль языка в формировании профессиональной идентичности: лингводидактический аспект	119
Елизарьева М.А., Александрова И.В. Сравнительно-сопоставительный подход при обучении немецкому языку как второму иностранному на базе чешского как первого иностранного языка (на примере предложного управления глаголов)	130

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мамедова В.Н. К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков)	140
Сейед Агаи Резаи М.Х. Роль метонимического переноса в образовании выражений, связанных с понятием «СМЕРТЬ»: на материале русского и персидского языков	148

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

A.V. Averina THE SYNTACTIC AND SEMANTIC PROPERTIES OF MODAL WORDS IN GERMAN	5
N.V. Davletshina STYLISTIC FEATURES OF DIPLOMATIC TEXTS IN CZECH.....	15
Evgeniya A. Zimina, Julia E. Müller ESTIMATED POTENTIAL OF ANTONOMASIA IN THE LANGUAGE OF MODERN PRESS	27
Natalia V. Kukina METHODS FOR CLASSIFYING ABBREVIATIONS DOCUMENT NAMES (BASED ON THE MATERIAL OF THE MODERN GERMAN LANGUAGE).....	37
M.O. Matveev, A.A. Nistratov, D.M. Polikarpov, E.F. Tarasov SENSE PERCEPTION OF CREOLIZED TEXT	45
A.V. Mikhhalcheva ABOUT SOME PECULIARITIES OF EXPRESSIVE SYNTAX IN ENGLISH POPULAR PRESS	60
Liudmila P. Murashova ON THE ACTUALIZATION OF PERIPHERAL ZONES OF CONCEPTUAL-COGNITIVE FRAME "WOMAN".....	68
Olga V. Printsipalova IMAGE AS A MODEL IN THE GERMAN LANGUAGE: PRACTICES OF DEFINITIONAL ANALYSES	83
Olga A. Chureyeva TOWARDS THE ISSUE OF THE SMALLEST THEATRICAL TEXT UNIT	91

TRANSLATION SCIENCE

Dilyara K. Davletshina, Marina Ye. Korovkina INTERPRETIVE FACTOR IN TRANSLATION: METHODOLOGICAL ASPECT	100
V. Rezvani COMPARING TRANSLATION PECULIARITIES OF LEGAL TEXTS IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES	111

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Alexander Y. Bagiyan, Tatyana A. Shiryaeva THE ROLE OF LANGUAGE IN PROFESSIONAL IDENTITY FORMATION: LINGUODIDACTIC ASPECT	119
M.A. Yelizaryeva, I.V. Alexandrova COMPARATIVE APPROACH IN TEACHING GERMAN AS THE SECOND AND CZECH AS THE FIRST FOREIGN LANGUAGE: THE CASE OF PREPOSITIONAL GOVERNMENT OF VERBS	130

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

V.N. Mamedova TO THE QUESTION OF LINGUOCOGNITIVE QUALIFICATION OF FOLK RIDDLES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND AZERBAIJAN LANGUAGES).....	140
Mohanna KH. Seyed Agaie Rezaie THE ROLE OF THE METONIMICAL TRANSFER IN THE FORMATION OF EXPRESSIONS RELATED TO THE CONCEPT OF «DEATH» IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES.....	148

THE SYNTACTIC AND SEMANTIC PROPERTIES OF MODAL WORDS IN GERMAN

Anna Averina

Moscow State Region University,
ul. Radio 10A, 105005, Moscow, Russia

Abstract. *The aim of the article is to examine the semantic and syntactic properties of modal words in German. The paper analyzes the types of modal semantics which are encoded in modal words; the peculiarities of the syntactic use of modal words are shown; the relationship between the type of modal semantics and their syntactic use is revealed, and the question which words with evaluative semantics can be classified as modal is considered. The relevance of this kind of work is determined by the following circumstances: firstly, it is necessary to describe the syntax and the semantics of modal words and their grammar features; secondly, it is important to reveal the relationship between modality and evaluativity and, thirdly, to define the conditions under which modal words can encode not one but several modal meanings. By using the transformation method and the method of component analysis the following groups of modal words were identified: modal words with alethic semantics; modal words with epistemic semantics; modal words with evidential semantics. Some modal words build separate groups: The modal word *angeblich* has evidential semantics, because it indicates the third person as a source of information; the modal word *wahrscheinlich* can have epistemic or evidential or alethic and evidential semantics; the modal word *leider* is able to express an emotional attitude of the speaker. The identification of different types of modal words is possible through the research of their syntactic properties, namely: the usage in dependent object clauses with the epistemic and factive predicate in the matrix clause; in conditional sentences as well as the ability to have independent usage as an answer to a question without a question word.*

Key Words: *modal words, alethic modality, evaluation, epistemicity, evidentiality, modal proposition*

For citation: Averina A.V. 2021. The Syntactic and Semantic Properties of Modal Words in German. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 5–14. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-5-14>

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Аверина

Московский государственный областной университет,
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в описании семантических и синтаксических свойств модальных слов в немецком языке. В работе проанализированы виды модальной семантики, передаваемой модальными словами; показаны особенности синтаксического употребления модальных слов; раскрыта взаимосвязь между видом модальной семантики и их синтаксическим употреблением, а также рассмотрен вопрос о том, какие слова с оценочной семантикой можно отнести к разряду модальных. Актуальность работы подобного рода определяется, во-первых, необходимостью описания семантики и синтаксиса модальных слов и, соответственно, их грамматических свойств; во-вторых, потребностью в выявлении соотношения между модальностью и оценочностью; в-третьих, важностью определения условий, при которых модальные слова могут нести не одно, а два модальных значения. Посредством использования метода трансформации и метода компонентного анализа были выделены следующие группы модальных слов: модальные слова с алетической семантикой; модальные слова с эпистемической семантикой; модальные слова с эвиденциальной семантикой. Некоторые модальные слова образуют отдельные подгруппы: модальное слово *angeblich* несёт эвиденциальную семантику, поскольку оно указывает только на 3-е лицо как на источник информации; модальное слово *wahrscheinlich* может иметь эпистемическую, эвиденциальную или алетическую семантику; модальное слово *leider* способно передавать эмоциональную оценку с позиции говорящего. Выявление различных типов модальных слов стало возможным благодаря исследованию их синтаксических свойств, а именно: использование в придаточных объектных при эпистемическом и при фактивном предикате в главном предложении; в придаточных условных, а также способность иметь самостоятельное употребление при ответе на вопрос без вопросительного слова.

Ключевые слова: модальные слова, алетическая модальность, оценочность, эпистемичность, эвиденциальность, модализованная пропозиция

Для цитирования: Аверина А.В. 2021. Синтаксис и семантика модальных слов в немецком языке. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 5–14. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-5-14>

1. Введение

Система частей речи немецкого языка включает в себя такой разряд слов как модальные слова. Для их обозначения используют термины «модальные слова» (*Modalwörter*) [9; 12], «модальные наречия» (*Modaladverbien* [8] или *Modalitätsadverbien* [17]); «наречия, относящиеся ко всему предложению» (*Satzadverbien* [20]). Обращает на себя внимание тот факт, что модальные слова неоднородны по своей семантике, что, в свою очередь, влияет на особенности их синтаксического употребления. Это позволяет говорить о том, что они представляют собой дифференцированный класс слов. Так, если сопоставить возможности их включения в придаточное предложение места (1), то можно заметить, что они обладают различными свойствами – модальное слово *vielleicht* можно рассматривать как синтаксически неподчинимое, в то время как модальное слово *tatsächlich* может иметь место в структуре придаточного предложения:

(1) *Das Öl kommt also genau dorthin, wo es (*vielleicht, +tatsächlich¹) sein soll* [10].

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы описать семантические и синтаксические особенности класса модальных слов в немецком языке. Цель определила следующие задачи: (1) проанализировать виды модальной семантики, передаваемой модальными словами; (2) показать особенности синтаксического употребления модальных слов; (3) раскрыть взаимосвязь между видом модальной семантики и особенностями их синтаксического употребления и (4) рассмотреть вопрос о том, какие слова с оценочной семантикой можно отнести к разряду модальных.

¹ Здесь и далее: знаком (*) обозначены случаи, в которых включение модального слова невозможно, знак (+) служит для того, чтобы обозначить возможные допустимые варианты.

Актуальность настоящей работы определяется, во-первых, необходимостью описания семантики и синтаксиса модальных слов и, соответственно, их грамматических свойств; во-вторых, потребностью в выявлении соотношения между модальностью и оценочностью; в-третьих, важностью определения условий, при которых модальные слова могут нести не одно, а два модальных значения. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из немецкого веб-корпуса DECOW 16A и примеры из немецкой художественной литературы. Выбор художественных текстов объясняется тем, что в некоторых случаях для выявления семантических особенностей модальных слов был необходим анализ более широкого контекста. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров.

2. Семантика модальных слов и их синтаксические свойства

2.1. Модальные слова в системе частей речи

Модальные слова некоторые исследователи относят к разряду наречий [4], однако большинство лингвистов склоняются к тому, что модальные слова отличаются от наречий по следующим параметрам (обзор представлен в [5, с. 426]:

- а) не выступают в качестве отдельного члена предложения [6, с. 367-368];
- б) относятся не к отдельному члену предложения, а ко всему высказыванию в целом [6, с. 368];
- в) могут оформлять общевпросительные предложения (*Kommst du? – Vielleicht*), в то время как наречия могут оформлять только частновпросительные предложения («*Wie singt Klara?*» – «*Schön*») [9, с. 203; 5, с. 426-427].

Перечисленные свойства в разной степени проявляются у модальных слов с различными видами модальных значений. Так, модальные слова, кодирующие эпистемичность, могут выступать в самостоятельном употреблении в роли ответа на вопрос, что нехарактерно для модальных слов с эвиденциальной и алетической семантикой, сравним:

- (2a) *Kommst du? *Angeblich.*
- (2b) *Kommst du? Vielleicht.*
- (2c) *Kommst du? *Tatsächlich.*

В роли самостоятельного ответа на вопрос не может быть использовано и слово с оценочной семантикой *leider*:

- (2d) *Kommst du? *Leider.*

Остановимся подробнее на характеристике типов модальных значений, выражаемых модальными словами.

2.2. Типы модальных значений, передаваемых модальными словами, и критерии их разграничения

Модальная семантика многопланова: в немецких грамматиках принято говорить об эпистемических и не-эпистемических значениях [22, с. 1884-1885]. К не-эпистемическим значениям относят волюнтаривное (3), деонтическое (4), алетическое (5) значения, например:

- (3) *Er will sich Gedanken machen, wie man das lösen könnte* [10] (выражение волеизъявления – волюнтаривная модальность);
- (4) *Da muss man mit der Zeit gehen* [10] (выражение долженствования – деонтическая модальность);
- (5) *Da kann jeder Kundenstimmen abgeben* [10] (выражение потенциальной возможности – алетическая модальность).

К эпистемическим значениям можно отнести семантику предположения и эвиденциальную семантику: речь идёт о пропозициональной установке говорящего / потенциального говорящего, выражаемой по отношению к содержанию высказывания, например:

- (6) *Vielleicht hat er einfach nur seine echte schlechte Laune zur Schau gestellt* [10]. (Выражение предположения, т.е. эпистемическая модальность).

(7) *Es musste altes Militär dabei sein, das durch die Marschmusik angeregt wurde – denn machtvoll erhob sich nach kurzer Zeit das unvergängliche Lied [...] [21].* (Выражение предположения + семантика инференциальности, относящаяся к сфере эвиденциальных значений).

Модальные слова в немецком языке способны передавать эпистемическое, эвиденциальное и алетическое значения, в некоторых случаях одно и то же модальное слово меняет тип модальной семантики в зависимости от контекстуального окружения. Рассмотрим в этой связи примеры, в которых модальное слово передаёт только одно модальное значение:

(8) *Vielleicht* wären 5er Trupps bei Dow stylischer gewesen, andersrum ist es fraglich das es Sinn macht sich im Feld als strikte Größen zu halten [10] – модальное слово *vielleicht* служит для передачи эпистемической семантики;

(9) *Tatsächlich* sind hier nicht einfach ein paar Szenen zugefügt oder entfernt worden, sondern der Film kommt in der überarbeiteten Version extrem deutlich verändert rüber [10] – модальное слово *tatsächlich* служит для передачи алетической семантики;

(10) *Angeblich* wurden keine anderen Fehler gefunden und man geht davon aus daß die Festplatten defekt sind [10] – модальное слово *angeblich* служит для передачи эвиденциальной семантики.

Э. Лайсс обращает внимание на то, что модальные слова не способны передавать два значения одновременно (например, значение эпистемичности и эвиденциальности), как это возможно в случае с модальными глаголами [16]. Она связывает это с тем, что им свойственна меньшая степень грамматикализованности: семантика модального слова может быть интерпретирована вне контекста. Так, например, модальные слова *angeblich*, *scheinbar* и *anscheinend* передают эвиденциальные значения, модальные слова *vielleicht*, *vermutlich*, *wahrscheinlich* и *sicher* – эпистемические. Модальные слова немецкого языка Э. Лайсс интерпретирует как одноплановые дейктики, функция которых состоит в указании на нефактичность ситуации [Там же]. Действительно, модальные слова типа *anscheinend* и *scheinbar* участвуют в передаче эвиденциальных значений, указывая на источник информации, а модальные слова *vielleicht*, *vermutlich* – в выражении эпистемической семантики, сравним:

(11) *Wer weiss, vielleicht* kommts ja noch [10].

(12) *Gardner weiß anscheind selber nicht mehr, wo ihm der Kopf steht* [10].

В некоторых случаях в высказывании с модальными словами сложно определить, идёт ли речь об алетической модальности (потенциальной возможности) или об эпистемической (значении предположения). Так, например, М. Хундт указывает на то, что предложение (13) может иметь двоякое толкование:

(13) *Möglicherweise regnet es heute.*

Оно может быть интерпретировано как предложение с алетико-фактической или эпистемической модальностью: с одной стороны, указывается на возможность того, что пойдёт дождь, с другой стороны, говорящий высказывает своё предположение относительно того, что может пойти дождь [14, S. 252]. Основное отличие между двумя различными интерпретациями состоит в том, что первая предполагает существование двух пропозиций, вторая – существование одной пропозиции и пропозициональной установки [Там же, S. 370]. В первом случае предложение можно парафразировать так: *Ich als Sprecher behauptete, dass folgendes der Fall ist*'. В случае с эпистемической модальностью требуется иная парафраза: *Ich als Sprecher halte es für möglich, dass gilt [...]*' [Там же]. Из этого следует, что в первом случае речь идёт об утверждении (ассерции).

Модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* служат для выражения утверждения, которое имеет не эпистемическую, а алетическую интерпретацию. Это можно проследить на следующих примерах:

(14) *„Er geht an Braumüller ‘ran! Himmelherrgott, heiliger Moses!“ schrie Lenz jetzt, „er ist tatsächlich vorbei und geht an Braumüller ‘ran“* [21] (модальное слово *tatsächlich* служит для утверждения истинности позиции говорящего);

(15) *Aber der Wagen ist wirklich zu teuer* [21] (истинность позиции говорящего передаёт модальное слово *wirklich*).

Рассмотрим модальную семантику слова *wahrscheinlich*. Как показывает анализ фактического материала, оно участвует в передаче эвиденциальных значений, поскольку предположение говорящего базируется на его умозаключении, а выводы, базирующиеся на умозаключении, входят в семантическую зону эвиденциальных значений (см. [7]). Рассмотрим примеры:

(16) *Du musst nur deutlich aufmerksamer und konzentrierter sein. **Wahrscheinlich** hast du keinen Blick auf die Links geworfen* [10].

(17) ***Wahrscheinlich** sind wir da sogar aneinander vorbeigefahren, da ich am selben Tag ebenfalls dort war* [10].

В приведённых высказываниях речь идёт об инференциальной семантике как разновидности эвиденциальных значений. Это позволяет считать, что модальное слово *wahrscheinlich* способно передавать эпистемичность или эвиденциальность.

Заслуживают внимания и такие предложения как:

(18a) *Hier war **wahrscheinlich** die erste Siedlung* [10].

(19a) *Es war **wahrscheinlich** auch Ziel des Varus* [10].

Данные предложения можно интерпретировать как передающие семантику алетической модальности, так и как предложения с эпистемической модальностью. При решении вопроса о целесообразности отнесения модального маркера к сфере эпистемических/эвиденциальных/алетических значений можно воспользоваться критериями, предложенными Д. Лайонзом: (1) проследить совместимость модальных маркеров с фактивными глаголами и (2) проследить способность модального маркера быть в скопсе показателей эпистемической модальности: алетические значения могут быть в скопсе эпистемических² [19].

Согласно этим критериям модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* действительно передают алетическую модальность, поскольку они способны иметь место в объектных придаточных предложениях с фактивными предикатами в главной части, например:

(20) *Er **bezweifelt**, dass der Wagen **TATSÄCHLICH** vorbei ist.*

(21) *Er **bezweifelt**, dass der Wagen **WIRKLICH** zu teuer ist.*

В приведённых высказываниях модальные слова *tatsächlich* и *wirklich* несут фокусный акцент. Как известно, функция фокусного выделения состоит в выражении одной из альтернатив³ [18, S. 102]. Таким образом, модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* можно рассматривать как фокусные экспоненты (в немецкой терминологии – Fokusexponenten), они подчёркивают одну из альтернатив, которая существует в объективной действительности. При этом кодируется контрастивный топик, или Verumfokus (подробнее см. [13]).

Рассмотрим семантику модального слова *wahrscheinlich*. В корпусе не было найдено примеров, на которых можно было бы проследить возможности его включения в придаточное объектное с фактивным предикатом в главной части. По мнению носителей языка, в виде исключения это возможно в том случае, если модальное слово *wahrscheinlich* относится к одному члену предложения, например:

(18b) *Er **bezweifelt**, dass **wahrscheinlich** **HIER** die erste Siedlung war.*

В приведённом высказывании модальное слово *wahrscheinlich* служит для фокусировки наречия места *hier*. Аналогичную ситуацию это можно проследить и на следующем примере:

(19b) *Sie **bezweifelt**, dass es **wahrscheinlich** **AUCH** das Ziel des Varus war.*

Это позволяет заключить, что модальное слово *wahrscheinlich* в определённых условиях может передавать алетическое значение, что нехарактерно для модальных слов *vielleicht*, *vermutlich*, *scheinbar*, сравним:

(18c) *Sie **bezweifelt**, dass (***vermutlich**, ***vielleicht**, ***scheinbar**) hier die erste Siedlung war.*

Перейдём к анализу модальных слов немецкого языка по второму критерию: маркеры алетической модальности находятся в скопсе маркеров субъективной модальности. Модальное слово *wahrscheinlich* вполне может сочетаться с маркерами эпистемической модальности, поскольку обнаруживает сходство с ними. Так, например, оно довольно употребимо в предложениях с частями:

² В оригинале: „Die Objektivierung der epistemischen Modalität ist eine Voraussetzung dafür, dass wir über vergangene oder zukünftige Möglichkeiten (cf. Gestern bestand eine gewisse Möglichkeit, dass es heute regnen würde) reden können und dass eine epistemische Modalität im Skopus einer zweiten auftritt (cf. Es ist möglich, dass es notwendig ist, dass ...)“ [19, S.405].

³ „Sinn der starken Akzentuierung ist dann, vom Kontext her mögliche Alternativen auszuschließen“ [18, S. 102].

(22) *Dass es die SV 650 auch vollverschalt gibt, weißt du ja **wahrscheinlich** ...* [10].

(23) [...] *sie hat **wohl wahrscheinlich** an eine[r] Gardine geknabbert* [10].

Особенность слова *wahrscheinlich* состоит в том, что оно может выступать в роли наречия: перед ним могут стоять усилительные частицы *sehr, ziemlich*, например:

(24) *Mein morgiger Flug von HAM nach MUC wird wohl **sehr wahrscheinlich** nicht stattfinden* [6].

(25) *Das wäre **ziemlich wahrscheinlich** ein wahrer Aussagesatz* [10].

В приведённых высказываниях слово *wahrscheinlich* выступает больше для выражения онтологической возможности.

Итак, анализ фактического материала показывает, что модальное слово *wahrscheinlich* может передавать эпистемическое, эвиденциальное и алетическое значения.

Совершенно однозначно модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* могут быть в скопусе маркеров эпистемической модальности:

(26) *Hier dürfte **wirklich** der Faktor Glück die entscheidene Rolle spielen!!!* [10];

(27) *Es kann aber natürlich auch sein, dass sie **tatsächlich** ein Hinweis auf ganz neue Phänomene sind!* [10].

Это ещё раз подтверждает тот факт, что они передают алетическую семантику.

Особое место в системе модальных слов немецкого языка занимает слово *leider* – оно не относится ни к эпистемическим, ни к эвиденциальным маркерам, ни к показателям алетической модальности. Речь идёт скорее о выражении оценочности. Слова с оценочной семантикой в немецком языкознании не относят к системе модальных значений. Напротив, в отечественных исследованиях оценка зачастую рассматривается как разновидность модальных значений.⁴ Ранее анализ данного вопроса подвёл нас к выводу о том, что оценочность входит в модальную сферу в том случае, если речь идёт о целостном тексте и модальности текста [1, с. 16-17]. Оценочные наречия типа *erstaunlicherweise, erfreulicherweise, interessanterweise* отражают эмоциональное состояние субъекта:

(28a) ***Erstaunlicherweise** unterschied sich die weibliche Kleidung nur geringfügig von der männlichen* [10].

(29a) ***Leider** hat der Film auch eine tragische, sehr traurige Seite* [10].

(30) ***Erfreulicherweise** zog auch bei allen Unternehmen das Neugeschäft an* [10].

Специфика их состоит в том, что они могут относиться к целому предложению, как это видно на примерах (28) – (30). Как показывает трансформационный анализ, некоторые слова с данной семантикой не могут быть в скопусе показателей эпистемической модальности, например:

(28b*) *Er **vermutet**, dass sich (**bedauerlicherweise, erfreulicherweise**) die weibliche Kleidung nur geringfügig von der männlichen unterschied.*

(29b*) *Er **vermutet**, dass der Film **leider** eine tragische, sehr traurige Seite hat.*

Напротив, наречия с семантикой оценки типа *ratsamerweise, sonderbarerweise* могут быть в скопусе показателей эпистемической модальности, сравним:

(31a) *Er **vermutet**, dass der Film **sonderbarerweise** gedreht wurde* [10].

(32a) *Er **vermutet**, dass diese Arbeit **ratsamerweise** zu erledigen ist* [10].

Это может иметь двоякое объяснение: во-первых, они относятся не ко всему предложению, а к какому-либо его компоненту, а, во-вторых, служат не для оценки эмоционального состояния субъекта, а для характеристики какого-либо действия.

Наречия, обозначающие эмоциональное состояние типа *leider, erstaunlicherweise, erfreulicherweise, interessanterweise*, не могут сочетаться с фактивными предикатами (см. (28с) и (29с)), в то время как наречия *ratsamerweise, sonderbarerweise*, указывающие не на эмоциональное состояние субъекта, а на качественную оценку действий / событий / объектов, – могут (см. (33)–(34)), например:

⁴ Так, Е.М. Вольф пишет: «Оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения ... оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания» [3, с. 11].

(28с*) *Er leugnet, dass sich bedauerlicherweise die weibliche Kleidung nur geringfügig von der männlichen unterschied.*

(29с*) *Er leugnet, dass der Film leider eine tragische, sehr traurige Seite hat.*

(31b) *Er leugnet, dass der Film sonderbarerweise gedreht wurde.*

(32b) *Er leugnet, dass diese Arbeit ratsamerweise zu erledigen ist.*

Для того, чтобы точно определить, входит ли семантика слов с оценочной семантикой в пропозициональное содержание, может быть информативным следующий тест: включение их в придаточное условия. По наблюдениям Д. Лайонза, всё, что входит в скопус кондиционального оператора, является частью пропозиционального содержания [19, S. 404-405]. Это позволяет ему объяснить тот факт, почему модальные глаголы теряют вторичное значение в придаточном условном. Это связано, по всей видимости, с тем, что речь идёт об особом типе модальности, кодированном в данном типе предложения – об «условной фактической, нефактической и контрфактической модальности» (М.Л. Котин) („*konditionale faktische, nichtfaktische und kontrafaktische Modalität*“ [15, S. 143]), не совместимой с эпистемическими маркерами. Условные придаточные включают в себя описание не событий, а условий. Как отмечает Т. Фритц, немодализованные, мыслимые факты являются базой для модализованных, утверждаемых фактов [11]. То, что утверждается, нельзя предполагать.

Анализ фактического материала показывает, что модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* могут быть в придаточных предложениях условиях, так как кодируют алетическую модальность, а она входит в пропозицию предложения (речь идёт о модализованной пропозиции – см. Т.В. Булыгина, А.Д. Шмельёв [2]), в то время как модальные слова *vielleicht*, *vermutlich* и т. д. не могут, так как передают эпистемическую семантику, не входящую в пропозициональное содержание, сравним:

(33) *Heizenergie soll dann für den Verbrauch zur Verfügung stehen, wenn sie **tatsächlich** (***wahrscheinlich**, ***vielleicht**, ***vermutlich**, +**wirklich**) benötigt wird* [10].

Модальное слово *angeblich* может быть включено в придаточные условия: как правило, в роли субъекта выступает 3-е лицо:

(34) *Merken Sie eigentlich nicht, wie dumm das ist? Wenn **angeblich** (***scheinbar**, ***anscheinend**) schon die Grundlagen falsch sind, dann können Sie Kapitel 4 gleich mit wegschmeißen* [10].

Вместо модального слова *angeblich* не могут быть использованы слова *scheinbar* и *anscheinend*. По всей видимости, это связано с тем, что *angeblich* указывает на 3-е лицо как на источник информации, что сближает его с пропозициональным содержанием предложения, а не с пропозициональной установкой, в то время как использование *scheinbar* и *anscheinend* предполагает, что в роли источника информации выступает 1-е лицо и предложение приобретает субъективную оценку с позиции говорящего.

Анализ фактического материала показывает, что слово с оценочной семантикой *leider* в большинстве случаев может иметь место в придаточном условия. Если в предложении есть ограничители типа *nur*, *genau*, сужающие скопус этого слова, то его включение в придаточное возможно:

(35) *Aber an dieser Stelle macht Ihr den Fehler, wenn Ihr **leider genau** dieses Modell hattet* [10].

Это возможно и в том случае, если придаточное эллиптически. В корпусе можно встретить примеры типа:

(36) *Wenn **leider** nein, sende ich dir ganz, ganz herzliche Grüße und viel Kraft* [10].

В корпусе есть примеры, демонстрирующие возможность включения слова *leider* в придаточное условия, если оно содержит иные модальные маркеры, например:

(37) *Wenn es **leider** zu solchen Einsätzen kommen sollte, dann haben wir im 1. LF eine Spielzeugkiste wo sich die Kinder dran Austoben können* [10].

В приведённом высказывании модальный глагол *sollen* участвует в передаче деонтической семантики.

В случаях, если сложное предложение содержит объективированное изложение событий, включение слова *leider* в придаточное условное вряд ли будет корректным:

(38) *[...] wenn an einem Unternehmen (?**leider**) viele Menschen beteiligt sind, weckt dies Begehrlichkeiten, Gier und Neid* [10].

В этом смысле слово *leider* проявляет некоторое сходство с модальными словами с эпистемической и эвиденциальной семантикой. Аналогичная ситуация может иметь место со словами *erfreulicherweise* и *bedauerlicherweise*. Тем не менее, их существенное отличие от слова *leider* заключается в способности образовывать словосочетания в комбинации с прилагательными и наречиями, как это можно проследить на следующем примере:

(39) *Erfreulicherweise niedrig war die Zahl der Schulentlassenen ohne Hauptschulabschluss* [10].

Это позволяет заключить, что слова *erfreulicherweise* и *bedauerlicherweise* целесообразно отнести к ряду не модальных слов, а наречий.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Модальные слова представляют собой дифференцированный класс слов. Различия проявляются в видах модальных значений и их синтаксических свойствах, причём модальная семантика влияет на синтаксические свойства модальных слов.

Синтаксические свойства модальных слов определялись по их способности быть в скопуре эпистемических маркеров, фактивных предикатов и условных операторов. Модальные слова с эпистемической (*vielleicht*, *vermutlich*) и с эвиденциальной семантикой, предполагающей, что в роли источника выступает говорящий (*scheinbar*, *anscheinend*), не могут иметь места в придаточных условия и объектных придаточных с фактивными предикатами в главной части. Это свидетельствует о том, что они не влияют на пропозициональное содержание высказывания и относятся к сфере пропозициональной установки. Модальное слово *angeblich* способно иметь место в придаточных условия – это свидетельствует о возможном его вхождении в пропозицию, поскольку оно указывает на некий внешний источник информации. Слово с оценочной семантикой *leider* не способно быть в скопуре фактивного предиката и эпистемического маркера, а также не всегда может иметь место в условном придаточном. На основании перечисленных синтаксических и семантических характеристик можно предложить следующую дифференциацию модальных слов немецкого языка:

- i. Модальные слова с эпистемической семантикой (*vermutlich*, *vielleicht*, *höchstwahrscheinlich*);
- ii. Модальные слова с эвиденциальной семантикой, указывающие на говорящего как на источник информации (*scheinbar*, *anscheinend*);
- iii. Модальные слова, которые способны кодировать алетическую модальность (*wirklich* и *tatsächlich*) и которые можно рассматривать как маркеры фокуса контраста;
- iv. Отдельную группу образуют модальные слова:
  - *angeblich* с эвиденциальной семантикой, поскольку оно указывает исключительно на 3-е лицо как на источник информации;
  - *wahrscheinlich*, способное выражать несколько модальных значений: оно способно иметь эпистемическую или эвиденциальную или алетическую и эвиденциальную семантику;
  - *leider*, передающее эмоциональное состояние говорящего.

В целом можно заключить, что класс модальных слов неоднороден. Общий признак данного класса слов – маркировка отношения говорящего к содержанию высказывания. Синтаксические свойства модальных слов зависят от того, входят ли они в модализованную пропозицию или являются маркерами пропозициональной установки.

© Аверина А.В., 2021

Список литературы

1. Аверина А.В. Модальный синтаксис немецкого языка / А.В. Аверина. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 144 с.
2. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2020. 278 с.

4. Зиндер Л.Р. Современный немецкий язык / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева Т.В. 3-е изд. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1957. 424 с.
5. Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики) / А.Т. Кривоносов. Москва-Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 846 с.
6. Москальская О.И. Грамматика немецкого языка. Теоретический курс / О.И. Москальская. М.: Издательство на иностранных языках, 1956. 394 с.
7. Плуныян В.А. Общая морфология: введение в проблематику / В.А. Плуныян. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
8. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung / W. Abraham // *Modalität und Evidentialität*. Trier: Focus, 2011. S. 125-147.
9. Admoni W. *Der deutsche Sprachbau* / W. Admoni. М.: Просвещение, 1986. 336 с.
10. DECOW 16 A. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.webcorpora.org> (дата обращения: 11.06.2020 – 12.07.2020).
11. Fritz Th. Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren / Th. Fritz // *Worte über Wörter. Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2018. S. 115-130.
12. Helbig G. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* / G. Helbig, J. Buscha. Berlin, München, Wien, Zürich, New York, 2005. 654 S.
13. Höhle T.N. Über Verum-Fokus im Deutschen / T.N. Höhle // *Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. S.112-141.
14. Hundt M. Epistemische Modalität im Deutschen / M. Hundt // *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 31, 2003. S.343-381.
15. Kotin M. Modalitäten / M. Kotin // *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnitwo Uniwersytetu Jagiellonskiego: Jagiellonian University Press*, 2012. S.140-158.
16. Leiss E. Drei Spielarten der Epistemizität, drei Spielarten der Evidentialität und drei Spielarten des Wissens / E. Leiss // *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modaladverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. Tübingen: Stauffenburg, 2009. S. 3-24.
17. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik / E. Leiss // *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag. S.149-169.
18. Lötscher A. Satzakkzent und funktionale Satzperspektive im Deutschen / A. Lötscher. Tübingen: Niemeyer, 1983. 285 S.
19. Lyons J. *Semantik* / J. Lyons. Bd. II, München, 1983. 508 S.
20. Pittner K. Adverbiale im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Stellung und Interpretation / K. Pittner. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1999. 390 S.
21. Remarque E.M. *Drei Kameraden*. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur 1960. 585 S.
22. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. *Grammatik der deutschen Sprache*. Berlin et al.: De Gruyter, 1997. 2570 S.

References

1. Averina, A.V. *Modal'ny sintaksis nemetskogo iazyka* [Modal syntax of the German language] / A.V. Averina. М.: IIU MGOU, 2019. 144 s.
2. Bulygina, T.V. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)] / T.V. Bulygina, A.D. SHmelev. М.: Iazyki russkoi kul'tury, 1997. 576 с.
3. Vol'f, E.M. *Funktional'naiia semantika otsenki* [Functional evaluation semantics]. /E.M. Vol'f. М.: Librokom, 2020. 278 s.
4. Zinder, L.R. *Sovremenny nemetskiy iazyk* [Modern German] / L.R. Zinder, T.V. Stroeва T.V. 3-e izd. М.: Izd-vo lit-ry na inostr. iaz., 1957. 424 s.
5. Krivonosov, A.T. *Sistema klassov slov kak otrazhenie struktury iazykovogo soznaniia (filosofskie osnovy teoreticheskoi grammatiki)* [The system of the word classes as the reflection of the structure of linguistic consciousness (philosophical foundations of theoretical grammar)] / A.T. Krivonosov. Moskva-N'yu-Jork: CHERo, 2001. 846 s.
6. Moskaľskaya, O.I. *Grammatika nemetskogo iazyka. Teoreticheskii kurs* [German Grammar. The theoretical course] / O.I. Moskaľskaya. М.: Izdatel'stvo na inostrannykh iazykakh, 1956. 394 S.
7. Plungyan, V.A. *Obshchaia morfologii: vvedenie v problematiku* [General morphology: an introduction to the problematic] / V.A. Plungyan. М.: Editorial URSS, 2000. 384 с.
8. Abraham, W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung [About Inevitability of modal studies] / W. Abraham // *Modalität und Evidentialität*. Trier: Focus, 2011. S. 125-147.
9. Admoni, W. *Der deutsche Sprachbau* [Language structure of German] / W. Admoni. М.: Prosveshchenie, 1986. 336 s.
10. DECOW 16 A. – www.webcorpora.org (accessed: 11.06.2020 – 12.07.2020).
11. Fritz, Th. Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren [On the semantics, text reference and pragmatics of the conditionally based connectors] / Th. Fritz // *Worte über Wörter. Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2018. S. 115-130.
12. Helbig, G. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* [German Grammar. A handbook for the foreigners' course] / G. Helbig, J. Buscha. Berlin, München, Wien, Zürich, New York, 2005. 654 S.
13. Höhle, T.N. Über Verum-Fokus im Deutschen [About the Verum-Focus] / T.N. Höhle // *Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. S. 112-141.
14. Hundt, M. Epistemische Modalität im Deutschen [Epistemic modality in German] / M. Hundt // *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 31, 2003. S. 343-381.
15. Kotin, M. Modalitäten [Modalities] / M. Kotin // *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnitwo Uniwersytetu Jagiellonskiego: Jagiellonian University Press*, 2012. S. 140-158.

16. Leiss, E. Drei Spielarten der Epistemizität, drei Spielarten der Evidentialität und drei Spielarten des Wissens [Three varieties of epistemicity, three varieties of evidentiality and three varieties of knowledge] / E. Leiss // *Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modaladverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. Tübingen: Stauffenburg, 2009. S. 3-24.
17. Leiss, E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik [Lexical versus grammatical epistemicity and evidentiality: A plea for a clear separation of lexicon and grammar] / E. Leiss // *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag. S. 149-169.
18. Lötscher, A. *Satzakzent und funktionale Satzperspektive im Deutschen* [Sentence accent and functional sentence perspective in German] / A. Lötscher. Tübingen: Niemeyer, 1983. 285 S.
19. Lyons, J. *Semantik* [Semantics] / J. Lyons. Bd. II, München, 1983. 508 S.
20. Pittner, K. *Adverbiale im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Stellung und Interpretation* [Adverbials in German. Investigations into their position and interpretation] / K. Pittner. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1999. 390 S.
21. Remarque, E.M. *Drei Kameraden* [Three comrades] / E.M. Remarque. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur 1960. 585 S.
22. Zifonun, G. *Grammatik der deutschen Sprache* [German Grammar] / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. Berlin et al.: De Gruyter, 1997. 2570 S.

Сведения об авторе:

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии МГОУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика немецкого языка, сравнительная типология немецкого и русского языков. E-mail: av.averina@mgou.ru

About the author:

Anna V. Averina – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of German philology, Moscow Region State University; spheres of research and professional interest: grammar of German, typology of German and Russian. E-mail: av.averina@mgou.ru

* * *

STYLISTIC FEATURES OF DIPLOMATIC TEXTS IN CZECH

N.V. Davletshina

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The current article is devoted to the analysis and description of the language of a modern diplomatic text, which represents a diplomatic substyle of a business style. In the Czech language, which possesses a wide stylistic differentiation, a diplomatic substyle remains insufficiently studied. A diplomatic substyle is an integral part of the language of diplomatic communication, in which the Heads of the State and the Government, the ministers of foreign affairs, and representative institutions are involved. This fact brings it closer to the language of political communication.*

For this reason, the author aims at characterizing the stylistic features of traditional text types in the diplomatic correspondence between the Czech Republic and the Russian Federation, and highlighting their similarities and differences in form as well as in content. By the example of original texts the structure of a diplomatic document is represented: a form of address, protocol forms of courtesy and compliments, its semantic core and the argumentation part as essential parts of a document.

The fore cited analysis of the functional-communicative features of the diplomatic texts lexical composition shows the presence of professional names and terms, idioms and cliché, as well as new lexical units and terms that reflect socio-political changes in the Czech Republic and new geopolitical realities.

Key Words: *the Czech language, diplomatic correspondence, protocol practise, a note verbal, a circular note, personal semi-formal letters and telegrams, new types of diplomatic documents*

For citation: Davletshina N.V. 2021. Stylistic Features of Diplomatic Texts in Czech. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 15–26. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-15-26>

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. Давлетшина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр.Вернадского, 76.

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу и описанию языка современного дипломатического текста на чешском языке, представляющего собой деловой стиль, составной частью которого является дипломатический подстиль. В чешском языке, имеющем широкую смысловую дифференциацию, дипломатический подстиль остаётся недостаточно изученным. Он характерен для языка дипломатической коммуникации как языка официального межгосударственного общения, в котором участвуют главы государств и правительств, министры иностранных дел, представительские учреждения, что сближает его с языком политической коммуникации. Поэтому основное внимание автор уделяет характеристике стилистических особенностей традиционных видов текстов в дипломатической переписке между Чехией и Россией, а также текстов устных выступлений государственных деятелей и дипломатических представителей Чешской Республики, выделяет их общие и отличительные черты как по форме, так и по содержанию. На примере оригинальных текстов представлена структура дипломатического документа: форма обращения, протокольные формулы вежливости и комплименты, его смысловое ядро и аргументационная часть. Приведённый в статье анализ функционально-коммуникативных особенностей лексического состава дипломатических текстов показывает наличие в них профессиональных названий и терминов, фразеологических оборотов и клише, в том числе новых лексических единиц и терминов, отражающих общественно-политические изменения в Чешской Республике и новые геополитические реалии.

Ключевые слова: чешский язык, дипломатическая переписка, протокольная практика, вербальные и циркулярные ноты, личные письма полуофициального характера и телеграммы, новые виды дипломатических документов

Для цитирования: Давлетшина Н.В. 2021. Стилистические особенности дипломатических текстов на чешском языке. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 15–26. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-15-26>

В терминологическом словаре О.С. Ахмановой стиль характеризуется как «одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема со своеобразным словарём, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, ...обычно связанная с определёнными сферами употребления речи [1, с. 455]. Известные чешские лингвисты Ф. Травничек и Б. Гавранек связывали стилевую дифференциацию чешского языка исключительно с текстами на чешском литературном языке, как языке, имеющем общенациональный статус [3, с. 346–347; 17, с. 45–46].

Среди функциональных стилей литературного чешского языка выделяется деловой стиль, основу которого составляют языковые средства, типичные для данной функционально-коммуникативной сферы. Его составной частью является дипломатический подстиль, функционирующий в сфере межгосударственного общения (общественное управление, экономика, судопроизводство и др.). Он характеризуется прежде всего специфическим набором лексических средств, которые состоят из специальных (профессиональных) названий и терминов [8, с. 9].

Определение понятия «дипломатический язык» связано, главным образом, с именами таких видных советских учёных и дипломатов, как Ковалёв А.Н. и Кузьмин Э.Л. Они рассматривали язык дипломатии, на котором ведутся международные переговоры и составляются дипломатические документы, в двух значениях. С одной стороны, это язык официальных дипломатических сношений, с другой – совокупность специальных терминов и фраз, образующая общепринятый в мире дипломатии словарь [5, с. 66; 6, с. 135].

В книге «Энциклопедия дипломатии» чешский исследователь и дипломат В. Губинер рассматривает понятие «дипломатии» в широком смысле как встречи и контакты на международном уровне, а в узком смысле – как осуществление внешней политики государства прежде всего высшими государственными деятелями, внешнеполитическими и дипломатическими учрежде-

ниями. Вместе с тем автор подчёркивает, что дипломатия – это не политика, а инструмент для осуществления политики государства [11, s. 42–43]. Развивая эту мысль, известный чешский профессор В. Оутрата определяет дипломатию как метод внешней политики, направленный на достижение поставленных целей путём переговоров [15, s. 11]. Такую же позицию разделяет О. Крейчи, который в книге «Международная политика» под дипломатией понимает одновременно профессию и инструмент дипломата [14, s. 335]. Из этих определений следует, что в языке дипломатического общения находят своё отражение содержание и сущность дипломатической деятельности государства, которая включает как личные контакты и переговоры, так и обмен дипломатическими документами.

Получателем и отправителем дипломатической корреспонденции может быть глава государства, председатель правительства, министр иностранных дел, представительские учреждения. Учитывая различные формы взаимоотношений между государствами на современном этапе, в дипломатической переписке могут участвовать и другие правительственные органы (министерство обороны, торговли) по согласованию с правительством или министром иностранных дел. Дипломатические тексты в переписке между Чехией и Россией могут быть составлены на чешском или русском языках, но с последующим неофициальным переводом на язык другой страны.

Поскольку дипломатические документы представляют собой официальные документы данного государства, то к языку и стилю дипломатических текстов предъявляются высокие требования: каждая фраза в них должна соответствовать тому содержанию, которое в неё вкладывается. А.Н. Ковалёв справедливо отмечает: «В умении понять других, проникнуть в образ мышления и психологию народа, живущего в иных общественных условиях, – первый залог того, что в дипломатическом документе будет найден общий язык с теми, к кому обращён этот дипломатический документ» [5, с. 113].

Наиболее распространённой формой обращения в чешском языке является *pan, paní* – господин, госпожа. Оно используется как в повседневном общении, так и на официальном уровне. К коллегам по работе принято обращение: *Pane kolego; Paní kolegyně*. В сочетании с ними в деловых письмах обычно употребляется *vážený/vážená* – уважаемый/уважаемая как нейтральная форма вежливости, далее следует имя адресата, его должность или звание.

Составной частью дипломатического этикета является правильное обращение с именами и фамилиями. Некоторые из них имеют схожее звучание и написание, учитывая близость чешского и русского языков как славянских, например: *Bělohlavek a Bělohradek*; есть фамилии односложные со слогообразующим согласным, например: *Chrz, Ot, Trč*; часть фамилий немецкого происхождения пишется по-немецки или имеет чешское правописание, например: *Schwarz* и *Švarc*; встречаются также фамилии словацкого, русского, украинского, русинского, венгерского, польского, французского происхождения¹.

Иностранные имена и фамилии, как правило, сохраняют своё написание на языке оригинала: *Donald Trump, Joe Biden, Boris Johnson, Heiko Maas, Andrzej Duda* и другие.

В зависимости от служебного положения адресата, цели дипломатического документа, сложившихся традиций и уровня отношений между странами в тексте используются и соответствующие социальные нормы общения, выраженные в правилах хорошего тона, дипломатической вежливости и комплиментах. Личные ноты, частные письма полуофициального характера и телеграммы составляются автором от первого лица и начинаются с обращения: *Vážený pane velvyslanče* – Уважаемый господин Посол; *Vážený pane generální konzule* – Уважаемый господин Генеральный консул; *Vážený pane ministře* – Уважаемый господин Министр. Здесь следует отметить, что в чешском языке, в отличие от русского языка, сохранилась особая звательная форма падежа, которая употребляется при обращении. Во множественном числе она совпадает с именительным падежом: *Vážené paní a pánové* – Уважаемые господа.

¹ Наиболее распространёнными фамилиями в Чешской Республике являются *Novák, Novotný, Svoboda, Dvořák, Černý, Kučera, Procházka* [11, s. 282].

В письмах и телеграммах главе правительства, руководителям парламента, министрам и послам, а также главам духовных организаций обращением может служить *Vaše Excellence* – Ваше Превосходительство, к ректорам высших учебных заведений – *Magnificence*, деканам – *Spektabilis*. Использование при обращении слов латинского происхождения связано с тем, что в период основания Карлова Университета в Праге в XIV веке шёл процесс заимствования латинских слов, относящихся к сфере образования, например: *rektor*, *bakalář*, *magistr* и другие [8, с. 305]. Обращением к Папе (Римскому), Патриарху Московскому и всея Руси является *Vaše Svatosti* или *Svatý otče*, кардиналу – *Vaše Eminence* или *Pane Kardinale*, архиепископу (епископу) – *Vaše arcibiskupská (biskupská) milosti*, священнику – *Důstojný pane*, если во главе государства стоит король – *Vaše Veličenstvo* – Ваше Величество. При обращении к президенту страны используется *Vaše Excellence* или *Vážený pane prezidente*. Чтобы придать документу тёплый, дружеский характер и подчеркнуть важность двусторонних отношений, к такому обращению может быть добавлено имя – *Vážený pane prezidente, milý Miloši* – Уважаемый господин Президент, дорогой Милош. Так обратился к чешскому президенту Генеральный секретарь Североатлантического альянса в связи с его избранием на новый срок. Подобное обращение содержится в поздравительной телеграмме французского президента – *Vážený pane prezidente, drahý příteli* – Уважаемый господин Президент, дорогой друг. Такие обращения являются свидетельством более тёплой тональности телеграмм и выражают стремление авторов к дальнейшему укреплению контактов с этой страной.

Адрес в таких посланиях пишется в именительном падеже в левом нижнем углу с указанием ранга: *Mimořádný a zplnomocněný velvyslanec Ruské Federace* – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. В ряде случаев, если в обращении содержится титул, то в адресе перед фамилией лица он также указывается: *Jeho Excellence předseda vlády Ruské Federace* – Его Превосходительство Председатель Правительства Российской Федерации; *Její Excellence předsedkyně Rady federace Federálního shromáždění* – Её Превосходительство Председатель Совета Федерации Федерального собрания.

В заключительной части содержится комплимент: *S úctou, S pozdravem, S přátelským pozdravem*. Письма и телеграммы в связи с траурными событиями в стране заканчиваются выражением соболезнования: *Vaše Excellence, přijměte prosím naši hlubokou/upřímnou soustrast* – Ваше Превосходительство, примите, пожалуйста, наше глубокое/искреннее соболезнование [4, с. 143].

Что касается вербальной ноты, наиболее распространённого вида дипломатической переписки между Чехией и Россией, то она составляется от имени министерства иностранных дел или посольства. В ней излагаются различные вопросы: запрашиваются визы, сообщается о предоставлении агремана, направляется дипломатическая документация, например, консульский патент, информация представительского характера, например, приглашение на официальные приёмы по случаю национальных праздников, сообщения о визитах и поездках дипломатических работников в города и регионы Чешской Республики, об организации встреч с официальными лицами государства, об урегулировании административно-правовых вопросов и другие. Во вступительном комплименте чешских вербальных нот наименование отправителя и получателя указывается полностью: *Diplomatický protokol Ministerstva zahraničních věcí České republiky projevuje úctu Velvyslanectví Ruské federace*.

В отличие от российской практики, в заключении чешских вербальных нот обычно содержится не сокращённое, а полное название: *Diplomatický protokol Ministerstva zahraničních věcí využívá této příležitosti, aby znovu ujistil Velvyslanectví Ruské federace v České republice o své hluboké úctě*. При переводе с русского языка этот комплимент выглядит следующим образом: *Ministerstvo využívá této příležitosti, aby znovu ujistilo Velvyslanectví o své hluboké úctě*.

В ответной ноте министерства указывается ссылка на ноту посольства: *v souvislosti (v návaznosti) s notou č. (datum, měsíc, rok)* – в связи с нотой № (число, месяц, год).

В отличие от вербальной ноты, которая направляется одному адресату, циркулярная нота адресуется министерством иностранных дел всем дипломатическим миссиям, консульским учреждениям и международным организациям, аккредитованным в данной стране. Она может со-

держат информацию об изменениях в организационной структуре или кадровом составе министерства, о назначении на должность новых сотрудников, изменении движения транспорта в связи с государственным визитом или, например, приглашение на презентацию программы председательства Чешской Республики в Вишеградской группе, которую устраивал заместитель министра иностранных дел Чешской Республики [4, с. 119–125]. Циркулярная нота также начинается и заканчивается протокольными формулами вежливости: *Diplomatický protokol Ministerstva zahraničních věcí České republiky projevuje úctu všem diplomatickým misím akreditovaným v Praze; Diplomatický protokol Ministerstva zahraničních věcí České republiky využívá této příležitosti, aby znovu ujistil diplomatické mise akreditované v Praze o své nejhlubší úctě* [12, с. 314].

Как показывают приведённые примеры, комплименты выражают уважение адресату и призваны благожелательно настроить его при ознакомлении с содержанием ноты, которое изложено в смысловой части документа. Это могут быть проблемы двустороннего или многостороннего характера, в том числе связанные с новыми геополитическими реалиями, где позиции сторон не всегда совпадают.

Вместе с тем дипломатическая вежливость требует соблюдения такта и осторожности в оценке происходящих событий, описании фактов и отношения к ним, при согласовании позиций или закреплении договорённостей. А.Н. Ковалёв приводит в этой связи слова известного австрийского дипломата Х. Вильднера о том, что «стиль дипломатических документов должен отличаться прежде всего простотой и ясностью, умением «выбирать для каждого предмета единственное подходящее при данных обстоятельствах слово...», и в этом стиле «должна пульсировать внутренняя жизнь» [5, с. 136].

Язык дипломатических документов – это профессиональный язык, в котором соблюдаются все правила дипломатического этикета, не допускающие неопределённых или двусмысленных формулировок. Это достигается благодаря тому, что в текстах используются:

- нейтральные лексические единицы, лишённые императивной тональности, например: *Uvítáme Vaše sdělení* – Мы будем рады получить от Вас сообщение, вместо *Sdělte nám* – Сообщите нам; *Máme čest požádat o souhlas* – Имеем честь просить согласия, вместо *Žádáme o souhlas* – Просим согласия;

- этикетная лексика, включающая протокольные формулы вежливости и комплименты: *projevit úctu* – свидетельствовать уважение; *ujistit o své úctě* – принять уверения в своём уважении. В составе этикетной лексики встречаются также вышеупомянутые обращения-историзмы: *Vaše Excellence, Jeho Veličenstvo*;

- слова книжного, высокого стиля, которые придают документу торжественное звучание: *ctěná mise* – высокое представительство; *zdvořilostní návštěva* – визит вежливости; *čestná stráž* – почётный караул. При направлении документов, просьб, приглашений, сообщений наряду с выражением *Máme čest* используется *Dovolujeme si (poslat, požádat, pozvat, sdělit)*;

- общепринятые термины и терминологические сочетания, характерные для языка дипломатической коммуникации: *velvyslanec* – посол, *pověření* – аккредитация, *protokolární pořadí* – протокольное старшинство; в том числе термины латинского и французского происхождения: *konzul, konvence, ataše, diplomacie, etiketa*, причём некоторые из них сохранили своё первоначальное написание: *status quo, persona non grata, casus belli, in claris, charge d'affaires*;

- слова общелитературного языка, употребляющиеся в качестве терминов: *protokol, nota, nevtěšování* и другие, в том числе многозначные, например: *pověřit (úkolem)* – доверить, поручить (задание); *pověřit (funkci)* – назначить (на должность); *pověřit (zastupováním u cizí vlády)* – аккредитовать; *přijetí (eura jako cizí měny)* – принятие (евро как национальной валюты); *přijetí (velvyslance)* – приём (посла); *zástupce ředitele* – заместитель директора; *právní zástupce* – юрисконсульт, *státní zástupce* – прокурор, *obchodní zástupce* – торговый представитель, *diplomatický zástupce* – дипломатический представитель;

- чешско-русские паронимы и омонимы («*faux amis*» – *zrádní přátelé* – «ложные друзья переводчика»), которые могут приводить к ошибкам, связанным с лексической интерференцией близкородственных языков, например:

<i>mírový</i> – мирный	мировой – <i>světový</i>
<i>pozdravit</i> – поздороваться	поздравить – <i>poblahopřát</i>
<i>ústava</i> – конституция <i>ústav</i> – институт	устав – <i>řád, stanovy</i> Устав ООН – <i>Charta OSN</i>
<i>řád</i> – правила, распорядок <i>společenský řád</i>	ряд – <i>řada</i> общественный строй
<i>platný</i> – имеющий силу, действующий	платный – <i>placený</i>
<i>slovenský</i> – словацкий	словенский – <i>slovinský</i> славянский – <i>slovanský</i>

– термины, обозначающие государственные символы и национальные памятники чешской культуры: *státní znak* – государственный герб, *státní hymna* – государственный гимн, *státní pečeť* – государственная печать, которая ставится на международных договорах и верительных грамотах, *prezidentská vlajka* – президентский штандарт, *korunovační klenoty* – королевские коронационные регалии;

– лексические единицы, обозначающие названия государственных органов и дипломатических документов: *Poslanecká sněmovna* – Палата депутатов, *diplomatická listina* – список членов дипломатического корпуса, *kabinetní list* – письмо министра иностранных дел, которым аккредитуется временный поверенный в делах;

– названия отделов и департаментов Министерств иностранных дел Чехии и России, перевод которых, как правило, не содержится в двуязычных словарях: *Tiskový odbor* – Департамент информации и печати, *Odbor rozvojové spolupráce* – Департамент сотрудничества в интересах развития и другие.

Из приведённых примеров видно, что многие лексические единицы, обладающие национально-культурной семантикой, содержат в себе не только лингвистическую, но и экстралингвистическую информацию. Для их перевода необходимы фоновые знания, в том числе знания чешских реалий, например, *Listina základních práv a svobod* – Хартия основных прав и свобод. Она была принята как составная часть Конституции в декабре 1992 года накануне распада Чехословацкой Федерации, получившего название „*Sametová revoluce*“ («Бархатная революция»). Этот документ гарантирует экономические, социальные и культурные права и свободы всем гражданам, включая представителей национальных и этнических меньшинств.

Если обратиться к текстам правительственных документов, то здесь наблюдается использование официально-делового стиля литературного языка как языка чешской письменности. Он отличается значительной стабильностью, устоявшимися нормами и структурой. В нём используются лексико-грамматические конструкции, которые являются достоянием книжного языка и в устной речи практически не встречаются, например, деепричастные обороты, формы страдательного залога, некоторые устаревшие предлоги. Это также придаёт документу строгий, официальный характер: *Prozkoumajte tuto smlouvu a vědouce, že Parlament ČR s ní souhlasil...* – Изучив этот договор и принимая во внимание, что Парламент ЧР выражает согласие...; *Ježto má být podepsán Prováděcí protokol...* – Ввиду того, что должен быть заключён Исполнительный протокол... [4, с. 25].

Употребление деепричастий и форм описательного пассива не свойственно и чешскому общо-разговорному языку, однако в дипломатических текстах категории деепричастий настоящего времени используются, главным образом, в преамбулах международных договоров и документов, например, в Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве между Чехией и Россией от 1993 года: *navazujíce na zásady* – опираясь на принципы, *zdůrazňujíce význam* – подчёркивая значение; *řídíce se pravidly* – руководствуясь нормами [4, с. 188]; в Венской конвенции о дипломатических сношениях: *majíce na zřeteli* – принимая во внимание, *věříce* – будучи убеждены, *uvědomujíce si* – сознавая [12, с. 318], а также в уже опоминавшейся Хартии основных прав и свобод: *vkládají naději* – возлагая надежды, *uznávají neporušitelnost* – признавая нерушимость, *vyjadřují vůli* – выражая волю и т.д. [18, с. 200]. Формы страдательного залога используются также в ряде дипломатических документов, например, в экзекватуре: *je udělen souhlas* – дано согласие,

в циркулярной ноте: *byl jmenován na funkci* – был назначен на должность, в консульском патенте: *úkoly byly svěřeny* – задачи были возложены. Кроме того, использование таких грамматических форм характерно при ведении протоколов, записи деловых бесед и переговоров: *otázky byly projednány* – вопросы были обсуждены, *dohoda byla podepsána* – соглашение было подписано.

Следует отметить, что наряду с традиционными формами дипломатической коммуникации широкое распространение приобрели дипломатические документы, не имеющие строгих протокольных правил. Это заявления глав государств и правительств по случаю знаменательных событий, ответы на вопросы представителей общественности и средств массовой информации, выступления на дипломатических приёмах, международных форумах и пресс-конференциях [6, с. 62].

В зависимости от целевой аудитории они начинаются с обращения: *Vážené dámy a pánové, Vážené velvyslankyně a velvyslanci, Vážené kolegyně a kolegové, Excellence*. Здесь проявляется отличительная особенность чешского языка – образование соотносительных по роду пар слов мужского и женского рода, обозначающих профессии, занимаемые должности, выполняемые функции, например *ředitel/ředitelka* – директор (мужчина и женщина), *poslanec – poslankyně* (депутат), *státní tajemník – státní tajemnice* (госсекретарь). Однако в отдельных случаях существительное женского рода может иметь второе значение: *diplomat/diplomatka*: 1) женщина-дипломат, 2) папка, портфель; или только одно значение, которое не соотносится с первым: *státník* – государственный деятель, *státnice (státní zkouška)* – государственный экзамен. Та же родовая дифференциация присуща существительным, обозначающим мужские и женские фамилии: *pan Zeman – paní Zemanová*.

Суффикс *ová* добавляется и к иностранным фамилиям женского рода, например: *kancléřka Angela Merkelová; ministr zahraničí EU, baronka Catherine Ashtonová; politička, předsedkyně Evropské komise Ursula von der Leyenová*.

С началом демократических изменений в общественной жизни страны после 1989 года наблюдается демократизация языка и стиля публичных выступлений, меняется и риторика дипломатического общения. Президент Чехословацкой Республики и первый президент Чешской Республики Вацлав Гавел в своей новогодней речи 1 января 1990 года обратился к гражданам Чехословакии: *Milí spoluobčané* [10, s. 1] – Дорогие сограждане вместо традиционного *Vážené soudružky a soudruzi*, которое обычно использовалось в годы коммунистического правления (слово *soudruh/soudružka* – товарищ воспринималось как обращение к членам Коммунистической партии).

Выступления государственных деятелей и дипломатических представителей, обращённые как к своему народу, так и к народам других стран, характеризуются наличием общественно-политической лексики, профессиональных терминов и клише (*konstruktivní dialog* – конструктивный диалог, *průzkum veřejného mínění* – изучение общественного мнения, *v zájmu stability a bezpečnosti* – в интересах стабильности и безопасности), а также эмоционально окрашенной лексики (*důstojná oslava* – достойное торжество, *trnitá cesta* – тернистый путь, *vzdát čest/hold* – отдать честь, воздать почести). Широко используется в последние годы заимствованная лексика, главным образом из английского языка, а также из некоторых других языков, причём многие заимствования носят интернациональный характер: *leader/lídr, mainstream, médium, manipulace, ratifikace, sankce, pandemie, multilaterální* и другие. Такая лексика семантически однородна и стилистически нейтральна, что позволяет однозначно воспринимать содержащуюся в тексте информацию. Министр иностранных дел Чешской Республики Томаш Петршичек в своей речи при вступлении в должность в октябре 2018 года подчёркивал, что внешняя политика Чехии должна состоять из 3К: *kontinuální, koherentní, konsensuální* [9, s. 1].

Среди морфологических признаков таких текстов можно выделить употребление следующих частей речи:

– отглагольных имён существительных со значением действия: *dodržování (zásad)* – соблюдение (принципов), *šíření (informace)* – распространение (информации), *dosázení (jednoty)* – достижение единства; а также обозначающих абстрактные явления и понятия, как правило, в тех случаях, когда они образованы от глаголов совершенного вида, например: *spiknutí* – заговор, *přesvědčení* – убеждение, *nadšení* – восторг и другие;

- лексических единиц, отражающих важные исторические события (так называемых «событийных слов»): *Mnichovská dohoda, Charta 77, srpnové události, listopadová revoluce*;
- качественных имён прилагательных в превосходной степени: *nejúspěšnější integrační uskupení* – самое успешное интеграционное объединение, *nejakceschopnější organizace* – самая дееспособная организация, *nejvýznačnější předchůdce* – самый выдающийся предшественник;
- инфинитива в различных синтаксических конструкциях: *prohlásit nezávislost* – объявить независимость, *čelit hrozbám* – противостоять угрозам, *prosazovat své zájmy* – отстаивать свои интересы; в том числе в составе будущего времени: *Budeme přispívat/podporovat/usilovat* – Мы будем содействовать/ поддерживать/ прилагать усилия;
- глаголов в 1-м лице множественного числа для выражения позиции, коллективного мнения, побуждения к действиям или оценки происходящих событий: *Pokládáme za nutné* – Считаем необходимым, *Vyzýváme vládu* – Призываем правительство, *Vysoce si vážíme/ceníme* – Мы высоко ценим; при этом местоимение *my* не употребляется, и в подобных словосочетаниях в русском языке оно также не является обязательным и часто опускается;
- предлогов и предложно-падежных форм в составе устойчивых языковых оборотов: *v této souvislosti* – в этой связи, *u příležitosti* – по случаю, *podle ustanovení Smlouvy* – согласно положению Договора, причём семантические объёмы некоторых предлогов в чешском и русском языках не всегда совпадают, сравните: *jmenovat do funkce* – назначить на должность, *odvolat z funkce* – освободить от должности.

Для синтаксической структуры предложений характерно использование сослагательного наклонения для выражения приветствия (*Dovolte, abych Vás přivítal* – Разрешите Вас приветствовать), благодарности, просьбы, пожелания, сообщения: *rád bych poděkoval/poprosil/popřál/oznámil*, а также оборотов типа *jsem rád/jsem velmi rád/jsem nesmírně potěšen*.

Высказывания в таких текстах строятся с ориентацией на 1-е лицо, на говорящего, что обуславливает более широкое использование личных конструкций: *To nesmíme připustit* – Этого нельзя допустить; *Zde si můžete o tom podrobně přečíst* – Здесь можно об этом подробно прочитать. Сочетание модальных глаголов *smět, moci* с инфинитивом означает допустимость и возможность действия.

При выражении различных коммуникативных намерений чехам не свойственны резкие высказывания, громкие призывы, тем более в ультимативной форме. Смягчить категоричный тон призваны личные кондициональные конструкции с использованием модальных глаголов: *Měli bychom se na tom aktivně podílet* – Нам следовало бы/следует в этом активно участвовать. Здесь проявляется сдержанная тональность, которая исключает требование или принуждение, а, напротив, выражает пожелание или рекомендацию. Что касается грамматической категории необходимости и долженствования с модальным глаголом *musit/muset*, то её употребление также определяется целевыми установками. В качестве примера приведём высказывание министра иностранных дел ЧР Томаша Петршичка из выше упомянутой речи в октябре 2018 года.: *“Zahraniční politika musí odrážet naše hodnoty”* – Внешняя политика должна отражать наши ценности. В Европейском союзе *“musíme vystupovat konstruktivně a srozumitelně”*, в Североатлантическом альянсе *“musíme potvrdit roli cenného a důvěryhodného spojence”*, *“transatlantickou vazbu musíme rozvíjet a posilovat”*, *“musíme být aktivní zejména v rámci EU a OSN”* [9, s. 2].

В этих высказываниях утверждаются ценностные ориентиры чешской внешней политики, подчёркивается необходимость совместных действий в рамках ЕС и НАТО, готовность выполнять обязательства, вытекающие из договорных отношений, а неоднократное повторение глагола долженствования оказывает эмоциональное воздействие на слушателей, формируя представление о приоритетных направлениях профессиональной деятельности политиков и дипломатов на ближайшую перспективу.

Иначе воспринимаются побудительные действия, которые выражаются формами повелительного наклонения в 1-м лице множественного числа. Они не являются такими категоричными как приказы, требования, запреты, а содержат побуждение к совместным действиям в виде просьбы, совета, убеждения, призыва. В известном новогоднем обращении Вацлав Гавел выступил с призывом восстановить само понятие политики. При этом он ссылаясь на первого чехословацкого

президента Т.Г. Масарика, который в основе государственной политики видел глубокий духовный и нравственный смысл. *Zkusme obnovit..., učte sami sebe i druhé..., nemylme se...* – Давайте попробуем восстановить..., давайте учиться и учить других..., давайте не будем ошибаться...

В своей речи Вацлав Гавел перефразировал известные слова Отто фон Бисмарка о том, что «политика есть искусство возможного» [2, с. 1]. *Učte sami sebe i druhé, že politika nemusí být jen uměním možného..., ale že může být i uměním nemožného* [10, с. 3]. В первой части предложения содержится утверждение, что политика не должна быть (*nemusí být*) только искусством возможного, а во второй части допускается возможность, что она может быть (*může být*) и искусством невозможного.

Такие стилистические и смысловые оттенки в речи позволяют расставить необходимые акценты и привлечь внимание к содержанию всего выступления, которое и сегодня по-прежнему высоко оценивается современниками экс-президента.

Побуждение, призыв встречается также в описательных конструкциях императива, состоящего из модальной частицы *ať* и презентной формы глагола в 3-м лице единственного числа. Предшественник В. Гавела на посту президента Густав Гусак закончил свою новогоднюю речь 1 января 1989 года словами: *“Ať vzkvétá naše vlast!”* – Пусть процветает наша родина! По такому же грамматическому принципу построено известное в годы социализма воззвание *Ať žije nerozborné přátelství!* – Да здравствует нерушимая дружба!

На приведённых примерах прослеживается существующая в чешском языке закономерность между функциями высказывания и средствами их выражения. Содержание одного и того же дипломатического текста, переданное различными лексико-грамматическими средствами, может восприниматься по-разному, однако изложение фактического материала в нём всегда отличается конкретностью и логической обоснованностью. Так, заместитель председателя Парламента Чешской Республики в своём выступлении на приёме в российском посольстве по случаю Дня России в 2017 году высказал серьёзные возражения в адрес западных СМИ, обвинявших Россию во вмешательстве в выборные процессы ряда стран. Он назвал эти обвинения необоснованными и бездоказательными (*neodůvodněné a nepodložené*), используя при этом выразительное славянское слово с яркой стилистической окраской, не характерное для литературного языка, *balamutit* – баламутить [4, с. 162]. В речи звучали такие лексические единицы, которые выполняли функции информации и убеждения, как, например, *hybridní válka* – гибридная война, *hackerské zásahy* – вмешательство хакеров, *útoky masmédií* – информационные атаки, *protiruské sankce* – антироссийские санкции, что помогало выстроить в языковом сознании слушателей сразу целую цепочку новых понятий о происходящих событиях.

Следует отметить, что в дипломатическом тексте может быть изложена информация, не всегда приятная или даже неприемлемая для принимающей стороны, однако языковые формулы такого послания должны оставаться корректными и уважительными по отношению к представителям другого государства. В качестве примера приведём комментарий российского посольства в Праге в связи с демонтажем памятника советскому маршалу И.С. Коневу, которое произошло в апреле 2020 года. Это, безусловно, вызвало негативную реакцию российского руководства, однако, несмотря на всю остроту сложившейся ситуации, комментарий дипломатического представительства отличался сдержанной тональностью, что никак не могло унижить или оскорбить позицию другой стороны. Чёткое и продуманное изложение доводов сопровождалось использованием эмоционально-экспрессивных лексических средств: *nepřátelský krok* – недружественный шаг, *hluboké rozhořčení* – глубокое возмущение, *porušení závazků Smlouvy* – нарушение обязательств Договора и других. Использование таких формулировок, раскрывающих смысл всего документа, помогло опытным дипломатам сохранить дипломатические приличия и вместе с тем заявить решительный протест – *rázný protest* и предупредить об ответных действиях – *příslušná reakce* [13].

Такое умелое построение текста делает его выразительным и убедительным, что позволяет воспринимать события достоверно и, более того, поддерживать «кредит доверия конкретной дипломатической школы и её представителей» [6, с. 66].

Анализ содержания дипломатических документов показывает, что, наряду с вопросами двустороннего характера, в них затрагиваются и важные международные вопросы, даётся оценка

достигнутого уровня отношений между странами, намечаются перспективы дальнейшего сотрудничества, в том числе в экономической сфере. Особенно это стало заметно после вступления Чехии в НАТО (1999 г.) и Евросоюз (2004 г.), что обусловило новые направления во внутренней и внешней политике страны. Это нашло своё отражение в словарном составе языка. Появились новые лексические единицы и терминологические сочетания, такие как: *unijní stanovisko* – позиция ЕС, *přerozdělovací kvóty* – квоты по распределению мигрантов, *smiřovací snahy* – усилия по примирению, *kybernetické útoky* – кибернетические атаки и другие, которые требуют точной передачи смыслового значения, как и сокращения названий представительств ряда крупных чешских компаний, работающих на российском рынке, например: *CzechTrade* – Агентство по поддержке торговли, *CzechInvest* – Агентство по поддержке иностранных инвестиций.

Интересно отметить в этой связи курьёзный факт, который произошёл в процессе обсуждения проекта новой европейской конституции. При переводе её текста на 9 языков новых государств-членов ЕС возникли разногласия относительно принципов правописания общеевропейской валюты «евро». Согласно Конституции, было установлено только одно единственное название евро, причём отклонения в национальных языках не допускались. В то время как «старые члены» ЕС этому принципу подчинились, некоторые «новые члены» выразили своё несогласие, ссылаясь на то, что в Словении, например, принято название evro, в Литве – euras, в Латвии – eiro, а в Венгрии – euoo. Языковую проблему эти страны возвели на уровень государственного престижа, даже суверенитета, хотя, как отмечает чешский журналист Милан Сыручек, дискуссии о суверенитете могли вызвать другие статьи текста конституции, среди которых вопрос о названии и написании общей валюты казался бы самым простым [16, s. 46].

Это не первый случай, когда неоднозначный перевод вызывал политические дискуссии. Именно на геополитической основе возник в бывшей Чехословакии спор о том, как переводить название Федеративной Республики Германии. Несмотря на то, что это было официальное название государства в чешском переводе Договора о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ от 1973 года, в повседневной жизни его нельзя было употреблять, поскольку оно означало, что Федеративная Республика является государством всей Германии, тогда как в то время существовала и ГДР. Исходя из этих соображений, следовало писать Германская Федеративная Республика, объясняя это с лингвистической точки зрения тем, что чешский язык не использует в подобных наименованиях генитив. Что касается европейской валюты, то венгров, например, возмутил тот факт, что Брюссель пытается им диктовать, как следует на венгерском языке писать слово евро. Ведь греки, по их утверждению, тоже пользуются исключением, хотя бы потому, что они не пишут латиницей [16, s. 47].

Всё это свидетельствует о том, что язык дипломатической коммуникации, подчиняясь определённым закономерностям стиля и правилам дипломатического этикета, не является неизменным, а испытывает влияние тех общественно-политических, экономических, научно-технических, социально-культурных и иных процессов, которые происходят в современном мире. Возрастают требования к профессионализму во всех сферах человеческой деятельности. Это в полной мере относится к языку как средству налаживания и развития контактов с зарубежными партнёрами. Как отмечал постоянный представитель РФ при ООН В.И. Чуркин: «Владение иностранным языком – неперемное условие обеспечения эффективной деятельности любого российского дипломатического представительства, залог успешной работы каждого дипломата» [7, с. 70].

Следовательно, для составления дипломатических текстов на чешском языке и перевода их на русский язык, адекватно отражающего язык оригинала, необходимо овладеть языком и стилем дипломатического общения на профессиональном уровне. Это ставит перед исследователями и преподавателями высшей школы задачу дальнейшего изучения дипломатической стилистики на базе оригинальных текстов, а также правил протокола и этикета межгосударственного общения между Чешской Республикой и Российской Федерацией. Работа в этом направлении позволит продолжить создание современных учебных пособий нового поколения по языку профессии с целью подготовки высококвалифицированных специалистов в этой области.

© Давлетшина Н.В., 2021

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь дипломатических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 606 с.
2. Бисмарк О. Политика есть искусство возможного. М.: Центрполиграф, 2015. 160 с.
3. Гавранек Б.З. Задачи литературного языка и его культура. Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. 412 с.
4. Давлетшина Н.В. Дипломатический протокол и дипломатическая корреспонденция на чешском языке. М.: МГИМО-Университет, 2019. 212 с.
5. Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. М.: Международные отношения, 1984. 246 с.
6. Кузьмин Э.Л. Протокол и этикет дипломатического и делового общения. М.: Юридический колледж МГУ, 1996. 382 с.
7. 195 лет Службы языковой подготовки МИД России. М.: Ключ-С, 2018. 260 с.
8. Широкова А.Г. Чешский язык/ А.Г. Широкова, В.Ф. Васильева, А.М. Едличка А. М.: МГУ, 1990. 314 с.
9. Фонды Посольства РФ в Праге. 2020, 10 с.
10. Havel Václav. Projev k občanům na Nový rok 1.ledna 1990. [Electronic resource] - URL:[http:// www.vaclavhavel.cz](http://www.vaclavhavel.cz). (Дата обращения: 14.12.2020)
11. Hubiner V. Enciklopedie diplomacie. Praha: Libri, 2006. 192 s.
12. Gullová S. Mezinárodní obchodní a diplomatický protokol. Praha: Grada, 2013. 336 s.
13. Komentář Velvyslanectví Ruské federace v České republice v souvislosti s demontáží pomníku maršála I.S.Koněva v Praze. [Electronic resource] - URL: <https://czech.mid.ru/3.04.2020>. (Дата обращения: 24.04.2020)
14. Krejčí O. Mezinárodní politika. Praha: Ekopress, 2007. 752 s.
15. Outrata V. Mezinárodní právo veřejné. Praha: Orbis, 1960. 646 s.
16. Syruček M. Diplomacie v negliže. Praha: Mladá fronta, 2005. 384 s.
17. Trávníček F. O jazykovém slohu. Praha: SPN, 1953. 69 s.
18. Ústava České republiky. Listina základních práv a svobod. Olomouc: Olomouc, s.r.o. 2005. 264 s.

References

1. Akhmanova, O.S. *Slovar' diplomaticheskikh terminov* [Vocabulary of diplomatic terms] Moscow: Sovietskaia entsiklopedia, 1966. 606 p.
2. Bismark, O. *Politika est' iskusstvo vozmozhnogo* [Politics is the art of the possible] Moscow: Tsentrpoligraf, 2015. 160 p.
3. Gavranec, B.Z. *Zadachi literaturnogo iazyka i ego kultura. Prazhskiy lignvisticheskiy kruzhok* [Aims of the literary language and its culture. The Prague linguistic club]. Moscow: Progress, 1967. 412 p.
4. Davletshina, N.V. *Diplomaticheskii protokol i diplomaticheskaiia korrespondentsia na cheshskom iazyke* [Diplomatic protocol and diplomatic correspondence in Czech]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2019. 212 p.
5. Kovaliov, A.N. *Azbyka diplomatii*. [ABC of diplomacy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia, 1984. 246 p.
6. Kuz'min, E.L. *Protocol i etiket diplomaticheskogo i delovogo obshchenia* [Protocol and etiquette of the diplomatic and business communication]. Moscow: Iuridicheskii kolledzh MGU, 1996. 382 p.
7. *195 let sluzhby iazikovoj podgotovki MID Rossii* [195 years to the Language Training Service of the Russian MFA] Moscow: Kliuch-C, 2018. 260 p.
8. Shirokova, A.G., Vasil'eva V.F., et al. *Cheshskiy iazyk*. [The Czech language] Moscow: MGU, 1990. 314 p.
9. *Fondi Posolstva RF v Praze* [The funds of the Russian Embassy in Prague]. 2020, 10 p.
10. Havel Václav. *Projev k občanům na Nový rok 1.ledna 1990*, www.vaclavhavel.cz. (Accessed 25.10.2020)
11. Hubiner, V. *Enciklopedie diplomacie*. Praha: Libri, 2006. 192 s.
12. Gullová, S. *Mezinárodní obchodní a diplomatický protokol*. Praha: Grada, 2013. 336 s.
13. *Komentář Velvyslanectví Ruské federace v České republice v souvislosti s demontáží pomníku maršála I.S. Koněva v Praze*, <https://czech.mid.ru/3.04.2020> (Accessed 24.04.2020)
14. Krejčí, O. *Mezinárodní politika*. Praha: Ekopress, 2007. 752 s.
15. Outrata, V. *Mezinárodní právo veřejné*. Praha: Orbis, 1960. 646 s.
16. Syruček, M. *Diplomacie v negliže*. Praha: Mladá fronta, 2005. 384 s.
17. Trávníček, F. *O jazykovém slohu*. Praha: SPN, 1953. 69 s.
18. *Ústava České republiky. Listina základních práv a svobod*. Olomouc, 2005. 263 s.

Сведения об авторе:

Давлетшина Нелли Васильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы МГИМО-Университета МИД России. Сфера научных интересов: современная языковая ситуация в Чехии, методика преподавания языка профессии, проблемы перевода официальных документов. E-mail: nv109273@icloud.com

About the author:

Davletshina Nelli Vasilievna – Ph.D in Economics, Associate Professor of the languages of the Central and South-West Europe of the MGIMO-University. The area of scientific interests: the current language situation in the Czech Republic, methods of teaching professional language, translation of official documents.

E-mail: nv109273@icloud.com

* * *

ESTIMATED POTENTIAL OF ANTONOMASIA IN THE LANGUAGE OF MODERN PRESS

Evgeniya A. Zimina, Julia E. Müller

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article examines the specific aspects of antonomasia in modern media on the example of online versions of the German-language press: “Süddeutsche Zeitung”, “Bild”, “Die Zeit”. The aim of the study is to identify the pragmatic potential of this type of nomination in the articles on political topics. The relevance of the study is accounted for by contradictory approaches to such a multifaceted linguistic phenomenon as antonomasia within the framework of a pragmatic study of online media discourse. Antonomasia is a means of linguistic nomination, which is realized in speech and performs an evaluative function in the German-language media course, thus causing a special interest of a researcher.*

The main objective of the study is to identify the evaluative and influencing functions of antonomasia, which contribute to the formation of a certain position in the reader. The methods of continuous sampling and semantic analysis are used. The selected examples are divided into the cases of antonomasia of the first type (the transfer of a proper name to other politicians) and the second type (the transfer of mythological and literary characters to famous politicians). A special attention is paid to the analysis of the semantic modification of proper names in online media discourse and the background knowledge required for both “decoding” and translation of antonomasia by a native speaker into other languages. The paper states that antonomasia is always based on a secondary nomination and evaluation, it can also be part of the opposition “we” – “they”. The analysis of the practical material made it possible to reveal the estimated potential of antonomasia. The authors come to the conclusion that the analyzed material testifies to the relevance of antonomasia in the online media discourse on political topics, and its significant impact on the reader’s perception of information.

Key Words: *antonomasia, metaphor, metonymy, category of estimation, and the language of mass media*

For citation: Zimina E.A., Müller J.E. 2021. Sestimated Potential of Antonomasia in the Language of Modern Press. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 27–36. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-27-36>

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТОНОМАЗИИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ

Е.А. Зими́на, Ю.Э. Мю́ллер

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматривается специфика использования антономазии в современных средствах массовой информации на примере онлайн-версий немецкоязычной прессы: „Süddeutsche Zeitung“, „Bild“, „Die Zeit“. Целью исследования является выявление прагматического потенциала данного типа номинации в статьях политической тематики. Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью подходов к пониманию такого многогранного языкового явления как антономазия в рамках прагматического аспекта изучения онлайн-медиадискурса. Антономазия является средством языковой номинации, которое реализуется в речи и выполняет в немецкоязычном медиадискурсе оценочную функцию. Основная задача исследования заключалась в выявлении оценочной и воздействующей функций антономазии, которые способствуют формированию у читателя определённой позиции по отношению к политическим деятелям, партиям и движениям. Были использованы методы сплошной выборки и семантического анализа, а также приём лингвокультурологического описания. Отобранные примеры были разделены на случаи антономазии первого типа (примеры переноса имени собственному на других политиков) и второго типа (примеры переноса мифологических и литературных персонажей на известных политических деятелей). Особое внимание было уделено анализу семантической модификации имён собственных в онлайн-медиадискурсе и необходимости фоновых знаний, отсутствие которых вызывает сложности как «при расшифровке» антономазии носителем языка, так и при переводе подобных наименований на другой язык. В работе отмечается, что антономазия всегда основана на вторичной номинации и несёт в себе оценочную характеристику или может выступать в качестве оппозиции «свой» – «чужой». Анализ практического материала позволил раскрыть оценочный потенциал антономазии. Авторы приходят к выводу, что проанализированный материал свидетельствует о востребованности стилистического приёма антономазии в онлайн-медиадискурсе политической тематики, и оценочный потенциал антономазии оказывает значительное влияние на восприятие читателем информации.

Ключевые слова: антономазия, метафора, метонимия, категория оценки, язык онлайн-СМИ

Для цитирования: Зими́на Е.А., Мюллер Ю.Э. 2021. Оценочный потенциал антономазии в языке современной немецкоязычной прессы. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 27–36. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-27-36>

Эффективные способы выражения категории оценки на материалах немецкоязычного онлайн-медиадискурса и их воздействие на процесс формирования общественного мнения неоднократно становились предметом рассмотрения в новейших исследованиях [7; 8]. Одним из средств выражения оценки является антономазия.

Цель исследования – раскрыть оценочный потенциал антономазии, который должен способствовать формированию у читателя определённой позиции по отношению к политическим деятелям, партиям и движениям.

Материалом для анализа служат онлайн-версии немецкоязычной прессы: „Süddeutsche Zeitung“ [19], „Bild“ [14], „Die Zeit“ [20] за 2016–2019 гг. В данный период в ФРГ разворачивалась предвыборная кампания и прошли выборы в бундестаг (2017), на международной арене важнейшим событием стала победа Д. Трампа на президентских выборах (2016) и начало предвыборной борьбы (2019) в США. Было отобрано 100 статей общим объёмом около 12 п.л., содержащих прецедентные имена, в текстах которых были выявлены случаи использования антономазии.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что данный тип номинации обладает широким прагматическим потенциалом, в то же время отсутствует единый подход к рассмотре-

нию антономазии. Отдельные учёные, в частности, И.Р. Гальперин, А.П. Квятковский, Д. Харьюнг [10; 16; 17] рассматривают антономазию как частный случай метонимии, О.С. Ахманова, напротив, считает, что в основе антономазии лежит метафора [2, с. 50]. Однако следует отметить, что основное отличие антономазии как стилистического приёма от метафоры состоит в том, что приём антономазии соотносится с характеристиками и образами конкретного события, лица или места, в то время как при метафоризации происходит отождествление с объектом на основе признаков, общих или характерных для всего класса.

Обратимся к толкованию термина «антономазия» в словаре иностранных слов Duden, который предлагает следующие определения антономазии:

1. Замещение имени собственного наименованием, которое содержит особенные признаки или качества называемого объекта (например, *der Zerstörer Karthagos* = Scipio; *der Korse* = Napoleon / разрушитель Карфагена = Сципион; корсиканец = Наполеон) – (здесь и далее перевод авторов статьи).

2. Замещение нарицательного существительного именем собственным, одним из типичных представителей этой группы (например, *Krösus* = *reicher Mann* / Крез = богатый человек) [15].

Опираясь на работы отечественных учёных, авторы выделяют следующее определение антономазии А.П. Квятковского: «Антономазия (с греч. «переименование») – вид метонимии, поэтический троп, заключающийся: 1) в замене имени известного лица названием предмета, к нему относящегося, например, ...Или это сказка тупой бессмысленной толпы – и не был убийцею создатель Ватикана? (то есть Микеладжело) (А. Пушкин); 2) в употреблении собственного имени, ставшего нарицательным: Я ускользнул от Эскулапа (то есть от врача), Худой, обритый, но живой (А. Пушкин). Этот троп носит ещё и другое латинское название – прономинация (*pronominatio*)» [10, с. 44-45].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время антономазия рассматривается как сложное и многогранное явление. Так, М.А. Арутюнян определяет антономазию «не просто как стилистический приём, а как процесс и результат номинативной деятельности человека в более широком смысле. Таким образом, явление антономазии изучается не только с точки зрения языка, но и речи» [1]. В своей работе мы основываемся на определении отечественного лингвиста Н.М. Наер: «Антономазия – средство языковой номинации, включающее в себя различные виды одновременной реализации предметно-логического и назывного значений, в результате чего объекту присваивается имя, находящееся на пересечении нарицательного и собственного имён, прямо или косвенно указывающее на свойства объекта и таким образом помимо идентифицирующей функции выполняющее информативную функцию» [11, с. 11].

Исследователи К.Р. Каграманов, Н.М. Наер, М.А. Арутюнян, Д. Харьюнг различают антономазию первого типа и антономазию второго типа [11; 1; 17]. Антономазия первого типа строится на переносном использовании имени собственного, при частичном переходе имени собственного в нарицательное, при этом носителя имени собственного, который известен общественности, отличают присущие ему характеристики. Следует отметить, что для понимания антономазии первого типа необходимы фоновые знания, потому что в самом имени собственном, которое используется во вторичной номинации, не заложена положительная или отрицательная оценка. Антономазия второго типа основывается на переносном использовании в функции имени собственного имени нарицательного, оценка при этом может быть выражена в имени объекта напрямую (эксплицитно).

В данной статье рассматривается антономазия первого типа, когда имя собственное, в нашем случае это имя известного политика, используется как основа для номинации группы людей, придерживающихся сходных политических взглядов. Кроме этого, рассматривается антономазия второго типа, когда мифологический или литературный персонаж используется для характеристики той или иной черты характера человека, о котором идёт речь. Данные группы номинаций рассматриваются с точки зрения речи, авторы анализируют реализацию оценочной функции антономазии. Примеры использования антономазии, встречающиеся в политическом медиаскурсе, обладают эмоциональной насыщенностью и служат для формирования у читателя оценочной позиции.

Автономазия относится к стилистическим приёмам, основывающимся на взаимодействии назывных и предметно-логических значений. Особенно подробно автономазия рассматривалась на материале художественной литературы, в частности на основе такого явления, как «*sprechende Namen*» (говорящие имена). Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что приём автономазии свойственен не только жанру художественной литературы, но и некоторым видам профессионального, в частности медийного дискурса. В нашем исследовании мы рассматриваем автономазию второго типа, то есть «говорящие имена», когда имя собственное, например, *Rumpelstilzchen*, используется в информационных статьях и комментариях в значении нарицательного существительного. Авторы онлайн-изданий из проанализированных примеров используют это имя для характеристики президента США Дональда Трампа. В этом случае имя нарицательное несёт в себе сильную эмоциональную нагрузку, и в «говорящем имени» лексически выражается отрицательная оценка и отношение автора статьи к известному политическому деятелю. Данный факт свидетельствует о том, что автономазия второго типа обладает оценочным потенциалом.

Рассмотрим более подробно семантическую модификацию имени собственного в политическом медиадискурсе. Здесь можно выделить работы следующих отечественных учёных: именами собственными в немецком газетном дискурсе занималась исследователь Ю.А. Блинова [3], возможности применения автономазии в современных массмедиа с целью привлечения внимания читателя и оценочной функции рассматривает в своей работе А.В. Зеленин [6, с. 57], Е.С. Гончарова исследует влияние концептуальной автономазии в прессе Германии на формирование имиджа бывшего федерального канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера [5, с. 94].

Употребление в текстах немецкоязычных онлайн-изданий имён собственных предполагает достаточно лёгкое узнавание и идентификацию реципиентом имени и его носителя, а также основывается не только на лингвистической компетенции, но и на фоновых знаниях читателя. В статье проанализированы примеры, в которых заменяющее слово или словосочетание образовано от имени известного политика или другой известной личности: имя человека (заменяемое) образует пару с производным от имени другого человека или с оборотом речи, включающим такое имя (другого человека). В подобных примерах автономазия строится на переносном значении использования имени собственного, при этом в соответствующем контексте у имени собственного появляется денотативное значение:

Da gibt es die Merz-Freunde, gestützt immer noch von Wolfgang Schäuble, die in den vergangenen Wochen Kritik und Revolte am Wirtschaftsminister und Merkelianer Peter Altmaier schon einmal geübt haben; - Rache dafür, dass der sich im Herbst gegen Merz und für Kramp-Karrenbauer ausgesprochen hatte (SZ, 05.05.2019) [19]. / Там присутствуют «друзья Мерца», которых по-прежнему поддерживает Вольфганг Шойбле, критикующие в последние недели «сторонника Меркель» министра экономики Петера Альтмайера; – мсть за то, что он выступил осенью против Мерца и поддержал Крамп-Карренбауэр (зд. и далее – перевод авторов).

Перевод на русский язык примеров приводится с целью иллюстрации приёма автономазии. Номинация: П. Альтмайер – заменяющее его сочетание: *Merkelianer* (сторонник Меркель); или номинация В. Шойбле и заменяющее его слово *Merz-Freund* (сторонник Мерца). В автономазии первого типа зачастую невозможно определить оценку: *Merkelianer* – это не положительная характеристика, а способ выражения оппозиции «свой – чужой», тип оппозиции «свой» по принципу принадлежности к действующему федеральному канцлеру Германии Ангеле Меркель, это её последователь. Оппозиция «свой – чужой» является концептуально значимой для онлайн-текстов немецких газет, примеры из которых рассматриваются авторами. «Свой» в нашем контексте это «*Merkelianer*», то есть поддерживающий политику А. Меркель и придерживающийся схожих политических взглядов. «Чужой» – это, например, в контексте и в оппозиции с «*Merkelianer*», «*Merz-Freunde*» – представители и последователи политических идей кандидата на пост председателя ХДС Фридриха Мерца.

В примере ниже представлен один из способов словообразования, когда при целенаправленном изменении грамматических признаков имени собственного, а именно прибавления суффик-

сов «-ianer», «-ianerin» в определённом контексте образуются номинации с новым предметно-логическим значением. Так, сторонников федерального канцлера Германии А. Меркель называют в онлайн-изданиях *Merkelianer oder Merkelianerin* / «сторонник или сторонница Меркель», то есть те, кто поддерживает политику А. Меркель. Вице-канцлера (2005 г.) Франца Мюнтеферинга СМИ называют «*Merkelianer*», а действующего председателя ХДС «*Merkelianerin*»:

Wer aber könnte an ihre Stelle treten? Kramp-Karrenbauer ist frische Wahlsiegerin aus dem Frühjahr, sie ist Merkelianerin, also wie ihr Vorbild im Kanzleramt politisch offen, und sie genießt Merkels Gunst (Z, 20.03.2019) [20]. / Но кто же может заступить на её место? Крамп-Карренбауэр – победитель на выборах, состоявшихся весной, сторонница Меркель, которая, как и её образец для подражания в резиденции канцлера, политически открыта и пользуется благосклонностью Меркель?

После выбора Аннегрет Крамп-Карренбауэр новым председателем ХДС в СМИ довольно часто используется имя собственное *Меркель* и производные от этого имени в метафорической и оценочной функции: *So glücklich sie über ihren Wahlsieg zu recht sein wird, so dringend nötig wäre es, ein neuerliches Schisma zwischen den Merkelianern und den Merzianern zu verhindern (SZ, 07.12.2018) [19]. / Так счастлива она будет по праву, одержав победу на выборах, так срочно нужно было предотвратить новый раскол между сторонниками Меркель и единомышленниками Мерца. Антономазия в данных примерах обозначает сторонников А. Меркель или Ф. Мерца.*

Heute gilt der Schatten der Kanzlerin als Kramp-Karrenbauers größtes Hindernis. Als Kramp-Karrenbauer in der CDU-Spitze eintraf, suchte man noch gerne die Parallelen zu Merkel: Machtbewusstsein, Verbindlichkeit, Detailwissen, Selbstbehauptung in einer männlich dominierten Partei. Den Eindruck einer besonders engen Beziehung zu Merkel verstärkte die besondere Distanz von Friedrich Merz zur Kanzlerin. Es war Kramp-Karrenbauer selbst, die gegen den Ruf der «Mini-Merkel» anredete. (SZ, 11.06.2019) [19]. / Сегодня тень канцлера считается самым большим препятствием для Крамп-Карренбауэр. Когда Крамп-Карренбауэр встала во главе ХДС, её всё ещё сравнивали с Меркель: убеждения, ответственность, важность деталей, самоутверждение в партии, где доминируют мужчины. Впечатление о её особенно тесных отношениях с Меркель ещё больше увеличило расстояние Фридриха Мерца до канцлера. Это была сама Крамп-Карренбауэр, которая выступала против репутации «мини-Меркель».

СМИ не случайно называют А. Крамп-Карренбауэр „мини-Меркель“, а немецкие аналитики характеризуют её как кандидата, взгляды которого во многом перекликаются с политикой нынешнего канцлера. Как и Ангела Меркель, Аннегрет Крамп-Карренбауэр (сокр. АКК) является представителем крыла партии, которое поддерживает актуальный курс ХДС на более центристскую и либеральную политику, а также открыта к сотрудничеству с другими партнёрами. Имя собственное «Меркель» используется во вторичной (метафорической или метонимической) номинативной функции.

Следует подчеркнуть, все эти новообразования, употребляющиеся в политическом медиакурсе, связаны со значимой ролью данной личности в жизни страны и ориентированы на носителей языка, которым знакомы конкретные персоналии и актуальные события общественно-политической жизни.

Следующий тип антономазии основывается на коллективной культурной памяти, легендах, библейских и литературных сюжетах. Выразительные и яркие образы создаются путём переосмысления имён персонажей из сказок и мифов. Имя собственное изначально обладает ассоциативным потенциалом, который понимается как «набор стереотипных признаков, свойственных определённому образу в сознании носителей того или иного языка и непосредственно связанных с ним» [12, с. 321]. Получатели информации связывают знание известных им признаков данного человека с его именем.

Rumpelstilzchen

Обратимся к толкованию этого понятия в электронном словаре Duden: «Rumpelstilzchen – zwerghafte Gestalt des Volksmärchens, deren erpresserische Macht über ein mit ihrer Hilfe Königin gewordenen Mädchen nur so lange besteht, bis es ihr ihren Namen nennen kann» [15]. / Румпельштильцхен – карлик из народной сказки, который помог девушке стать королевой и обладает над ней

властью до тех пор, пока она не сможет назвать его имя. В сказке показано, что это злобный, ехидный карлик, легко впадающий в ярость.

*Die USA stecken deshalb in einem Dilemma. Für eine Annäherung ist es wenig hilfreich, mit Kritik das **Rumpelstilzchen** aus Duterte herauszukitzeln. Andererseits ist es für das Ansehen der USA sehr schädlich, wenn Trump keinerlei kritische Worte findet für die Menschenrechtsverletzungen, die der philippinische Präsident ohne jeden Zweifel zu verantworten hat. (SZ, 12.11.2017) [19]. / Поэтому перед США дилемма. Сближения сторон не произойдёт, если, используя критику, пытаются изгнать дух злобного карлика из Duterte. С другой стороны, это очень плохо для репутации США, если Трамп не будет критиковать филиппинского президента за нарушение прав человека, за что он, без всякого сомнения, должен нести ответственность.*

По мнению исследователя Л.М. Щетинина, «каждое литературное имя получает стилистическую нагрузку, которая делает более выпуклой и наглядной фигуру наречённого этим именем героя. Реализация стилистической нагрузки имени возможна через его звучание, морфологическое оформление и значение его основы» [13, с. 126-128].

*Jetzt rächt sich, dass Seehofers CSU auch dann noch wie ein **Rumpelstilzchen** gegen Merks Flüchtlingspolitik gewütet hat, als die Kanzlerin ihren Kurs längst korrigiert hatte. Die CSU hat Merks Vorgehen als «historischen Fehler» gebrandmarkt (SZ, 25.09.2017) [19]. / Теперь расплачиваются за то, что ХСС под руководством Зеехофера негодовал как злобный карлик из сказки из-за политики приёма беженцев Меркель даже тогда, когда канцлер уже давно скорректировала свой курс. ХСС осудил действия Меркель как «историческую ошибку».*

Эта антономазия несёт эмоционально-оценочный характер, поскольку подобное сравнение выражает явную иронию. Основанием же для оценки в данном случае являются собственные свойства предметов и явлений, в данном случае характеристики известного персонажа сказки. С семантической точки зрения в основе любой оценки лежит отличие «хорошего» от «плохого», основанное на имплицитном или эксплицитном сравнении.

Один из комментариев в онлайн-издании „Süddeutsche Zeitung“ имеет заголовок «Trump im **Rumpelstilzchen**-Modus». Речь идёт о действиях и публичном выступлении президента США Д. Трампа в едкой манере известного персонажа из сказки братьев Гримм:

*So viel Gegenwind scheint Trump nicht erwartet zu haben. In seiner Rede giftet er gegen alle, die ihn widerlegt haben. «Die sagen, die Kriminalität ist nicht wegen der Mauer gesunken. – Doch, ist sie!» Beweise liefert er dafür nicht. Ein bisschen sieht er in dem Moment aus wie das **Rumpelstilzchen**, das nicht wahrhaben will, dass die Prinzessin seinen Namen kennt. Im Märchen hat sich das **Rumpelstilzchen** am Ende – je nach Version – vor Wut selbst entzweigerissen. So weit wird Trump nicht gehen (SZ, 12.02.2019) [19]. / Такого встречного ветра Трамп, похоже, не ожидал. В своём выступлении он ругает всех, кто оспаривает его доводы. «Они говорят, что преступность упала не из-за стены. – Нет, из-за неё!» Доказательств он не приводит. В тот момент он немного похож на Rumpelstilzchen, который не хочет осознать, что принцесса знает его имя. В сказке главный герой в конце – в зависимости от версии сказки – разрывает себя от ярости. Так далеко Трамп не зайдёт.*

В приведённых примерах политический лидер США сопоставляется с персонажем известной немецкой сказки. В имени объекта заложена отрицательная оценка, и она выражается эксплицитно. Президента США Д. Трампа онлайн-издание „Süddeutsche Zeitung“ за период 2016-2019 гг. 18 раз называет Rumpelstilzchen. Ассоциативная цепочка приводит читателя к злему гному, герою народной немецкой сказки, который помог девушке и требовал от неё свою награду, он имел власть над ней, пока она не узнала его имени. Сказка заканчивается тем, что злой карлик от ярости разорвал себя пополам. Можно утверждать, что используемые автором газетных новостных статей или комментариев антономазии из примеров выше служат прагматической цели снижения ценности объекта, выражения презрительного отношения к нему. Благодаря ассоциативным связям, включающим в себя важные фоновые знания, интерпретируя имя Rumpelstilzchen, носитель немецкого языка, а также в переводных текстах любой читатель, знакомый со сказками братьев Гримм, может представить себе известного политического деятеля радикальным, импульсивным и отталкивающим от себя человеком.

В одной из статей используется также приём игры слов, когда президента США Д. Трампа автор называет *Трампельштильцхен*, когда к имени *Rumpelstilzchen* прибавляется первая буква фамилии президента – *Trumpelstilzchen*:

Man muss sich selbst gar nicht zum Trumpelstilzchen aufblasen, um die Dürftigkeit der Darbietung in seiner Rede zur Lage der Nation zu schildern (SZ, 31.01.2018) [19].

Spielt „The Donald“ weiter das Trumpelstilzchen oder hat er uns nur tüchtig in den April geschickt? (B, 15.11.2016) [14].

CSU-Lady Aigner bleibt vornehm: „Falsche Entscheidung!“ Journalist Weimar schießt aus allen Rohren: „Trumpelstilzchen! Zappelphilipp! Der erste ADHS-Präsident!“ (B, 31.01.2017) [14]. / Политик ХСС госпожа Айгнер остаётся тактичной: «Неверное решение!» Журналист Ваймар трубит во все трубы: «Трампельштильцхен! Цанпельфилипп! Первый СДВГ-президент!»

Следует отметить, что в этих случаях речь скорее идёт не об антономазии, а о другом стилистическом приёме – языковой игре (нем. *Sprachspiel*): *Rumpelstilzchen / Trumpelstilzchen*, поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом приёме в рамках данного исследования. В последнем примере содержатся кроме новообразованного имени *Trumpelstilzchen* другие примеры антономазии: имя литературного персонажа *Цанпельфилипп*, которое означает *непоседа* или *неугомонный Филипп*, а также антономазия на основе медицинского термина *СДВГ -президент* (*СДВГ – синдром дефицита внимания с гиперактивностью*). В этой статье мы не разбираем подробно имя *Цанпельфилипп*, так как исследователь Ю.А. Блинова в одной из своих работ тщательно анализирует структуру значения этого имени, а также его связь с литературным источником и функционирование в медийном дискурсе [3]. Отметим лишь, что в нашем случае имя собственное переходит в нарицательное и характеризует нашего героя по манере его поведения, вызывая в памяти целостный образ неугомонного Филиппа. Дополняет образ медицинский термин *СДВГ* (*синдром дефицита внимания и гиперактивности*), который подчёркивает заложенную в этой антономазии отрицательную оценку, характеризуя президента страны как очень импульсивного человека.

Антономазия в немецкоязычном политическом медиадискурсе призвана сигнализировать читателю о политико-идеологической позиции газеты. Авторы представляют Дональда Трампа как самого эксцентричного президента США, которого отличает необдуманное и ребяческое поведение, несдержанность и мстительность, он является непредсказуемым холериком, а его непонятные и противоречивые высказывания отражают его умственные способности и рисуют определённый (скорее, негативный) образ у читателя.

Используя имя *Rumpelstilzchen* и игру слов *Trumpelstilzchen*, автор вызывает у читателя определённые ассоциации со злым гномом из сказки Я. Гримм и В. Гримм, выражает свою имплицитную оценку и добивается желаемого воздействующего эффекта. Не вызывает сомнения, что антономазия обладает экспрессивной значимостью и позволяет имплицитно дать оценку действиям главы государства, и этот стилистический приём носит пейоративный (отрицательный) характер, поскольку президент представлен с отрицательной стороны. Автор старается подчеркнуть некомпетентность и непредсказуемость главного лидера страны, а употребляемая антономазия несёт в себе оттенок иронии и порицания, указывает на имеющиеся недостатки.

Авторы статей в онлайн-изданиях, используя приём антономазии, достигают поставленной цели: оказывают на адресатов определённое эмоциональное воздействие и могут манипулировать их мнением. При этом восприятие лексического фона антономазии требует от реципиента наличия достаточных фоновых знаний, знания историко-культурных реалий, идиом, Библии, античной мифологии и произведений классиков. Если же узнавания по причине отсутствия фоновых знаний не происходит, то стилистический приём антономазии, а, следовательно, и прагматическое намерение автора статьи оказывается нереализованным, а значение имени предстаёт в зашифрованном виде.

При переводе подобных наименований на другой язык, в частности на русский, возникают сложности, так как различаются политические реалии и структуры языков, способы словообразования, отсутствуют прямые аналоги. При переводе необходимо учитывать системы, нормы и

стандарты двух языков, а также знания реалий и различия культурных и литературных норм и традиций адресата переводного текста. Так, поисками решения данной переводческой проблемы занимаются С.В. Евтеев, М.А. Чигашева и др. [9; 12].

Исследуя антономазию в современном немецком политическом медиадискурсе, можно прийти к следующему заключению: антономазия строится на приобретении именем собственного денотативного значения. Иными словами, имя собственное частично переходит в имя нарицательное, как с сохранением грамматической формы в результате семантической модификации в контексте, так и с изменением первоначальной грамматической структуры. Другой тип антономазии основан на переносном использовании имени нарицательного, при этом назывное значение возникает в контексте.

Антономазия, имеющая в современной лингвистике статус не просто стилистического приёма, но и процесса и результата номинативной деятельности человека в более широком смысле, репрезентирует эксплицитную или чаще имплицитную форму авторской модальности. В любую эпоху в области средств массовой информации существует необходимое и достаточное количество выделяющихся, запоминающихся имён, которые выполняют оценочную и воздействующую функцию.

Безусловно, употребление в политическом медиадискурсе антономазии как лингвистического приёма обусловлено значимой ролью данной личности в жизни страны и ориентировано на экстралингвистические знания носителей языка, знакомых с конкретными персоналиями и актуальными событиями общественно-политической жизни. Эти политические деятели, сказочные или мифические персонажи хорошо известны целевой аудитории. Поэтому авторы статей, используя антономазию, достигают поставленной цели: оказывают на адресатов определённое эмоциональное воздействие и могут влиять на формирование его мнения в нужном направлении.

Восприятие и выявление иносказательно-дескриптивного компонента антономазии возможно через призму фоновых знаний реципиента, в частности об именах собственных. В этом случае срабатывает и стилистический потенциал антономазии, и заложенное прагматическое намерение автора.

При переводе подобных новообразований на другой язык, в частности на русский, необходимо учитывать системы, нормы и стандарты двух языков, а также знания реалий и различия культурных и литературных норм и традиций адресата переводного текста.

Анализ отобранных примеров наглядно показывает, что антономазия служит для формирования негативного образа современного политика, выявления его отрицательных сторон, для демонстрации злоупотребления своими должностными полномочиями и нарушения общепризнанных норм морали и нравственности.

Как справедливо отмечает немецкий исследователь В. Шульц, «Авторитетные издания освещают политические события, а читатели являются зависимыми от информации, подаваемой в прессе» [18, с. 71]. Нельзя не согласиться с М.Н. Володиной в том, что «Современные средства массовой информации информируют человека о состоянии мира, оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль восприятия и тип культуры сегодняшнего дня» [4, с. 10]. Формированию у читателя оценочной позиции способствуют антономазия и прагматическая направленность публицистического стиля. Антономазия представлена не только в художественной литературе, но и, как показывают приведённые примеры, востребована в языке СМИ. Роль оценки, выраженной антономазией, заключается в оказании воздействия на адресата. Рассмотренные примеры антономазии репрезентируют прагматические намерения автора и представляют собой имплицитную форму авторской модальности.

© Зими́на Е.А., Мю́ллер Ю.Э., 2021

Список литературы

1. Арутюнян М.А. Структура, семантика и прагматика стилистического приема «антономазия» на материалах немецкого языка: Автореф. канд. ...филол. наук. Москва, 2010. 18 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 168 с.
4. Володина М.Н. «Медийная культура»: Pro et contra (с позиции отечественных и зарубежных исследователей) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 10–18.
5. Гончарова Е.С. Роль концептуальной антономазии в формировании имиджа Г. Шредера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-4. С. 94–97.
6. Зеленин А.В. Антономазия в языке современной прессы // Русский язык в школе. 2015. № 9. С. 57–64.
7. Зими́на Е.А. Лексические способы реализации категории оценки в немецкоязычном газетном дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2019. Том 17. № 1. С. 19-25.
8. Зими́на Е.А. Оценочные стратегии информационных статей и комментариев в немецкоязычном газетном дискурсе: Автореф. канд. ...филол. наук. Москва, 2005. 18 с.
9. Евтеев С.В. Перевод: эквивалентно – насколько возможно, и адекватно – насколько нужно // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 262–267.
10. Квятковский А.П. Поэтический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 375 с.
11. Наер Н.М. Структура, семантика и прагматика антономазии (на материале немецкого языка). Москва: Прометей, 2011. 142 с.
12. Чигашева М.А. Ассоциативный потенциал антропонимов в немецком и русском языке // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 319–323.
13. Щетинин Л.М. Слова, имена, вещи. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1966. 222 с.
14. Bild (B) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bild.de> (Дата обращения 27.04.2020).
15. Duden Online. Wörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung> (Дата обращения 16.03.2020).
16. Galperin I.R. Stylistics / I.R. Galperin. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981. 334 S.
17. Harjung Dominik. Lexikon der Sprachkunst. Die rhetorischen Stilformen. Mit über 1000 Beispielen. München, Verlag C.H. Beck, 2000.
18. Schulz W. Wirkungen der Massenmedien. Ergebnisse und Erklärungen / W. Schulz // Politische Bildung, 1988. № 21. S. 59-74.
19. Süddeutsche Zeitung (SZ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sueddeutsche.de> (Дата обращения: 30.08.2019).
20. Zeit (Z) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de/index> (Дата обращения: 18.10.2019).

References

1. Arutiunian, M.A. *Struktura, semantika i pragmatika stilisticheskogo priema «antonomazii» na materialakh nemetskogo iazyka*: Avtoref. kand. ...filol. nauk. [The structure, semantics and pragmatics of the stylistic device «antonomazia» based on the materials of the German language]. Kand. filol. nauk. Avtoref. Moscow, 2010. 18 p.
2. Akhmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]/ O.S. Akhmanova. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1966. 608 p.
3. Blinova, Yu.A. *Precedentnye imena sobstvennye v nemetskom gazetnom diskurse: Dis. ... kand. filol. nauk.* [Precedent proper names in German newspaper discourse]. Kand. filol. nauk. Diss. Samara, 2007. 168 p.
4. Volodina, M.N. «Mediinaia kul'tura»: Pro et contra (s pozitsii otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei) [«Media culture»: Pro et contra (from the perspective of domestic and foreign researchers)] // *Politicheskaiia lingvistika*. 2018. № 1 (67). pp. 10–18.
5. Goncharova, E.S. Rol' kontseptual'noi antonomazii v formirovanii imidzha G. Shredera [The role of conceptual antonomazia in the formation of G. Schroder's image] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 12-4. pp. 94–97.
6. Zelenin, A.V. *Antonomaziiia v iazyke sovremennoi pressy* [Antonomazia in the language of the modern press] // *Russkii iazyk v shkole*. 2015. № 9. pp. 57–64.
7. Zimina, E.A. *Leksicheskie sposoby realizatsii kategorii otsenki v nemetskoiazychnom gazetnom diskurse* [Lexical methods of implementation of the evaluation categories in the german newspaper discourse] // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2019. Tom 17. № 1. pp. 19-25.
8. Zimina, E.A. *Otsenochnye strategii informatsionnykh statei i kommentariiev v nemetskoiazychnom gazetnom diskurse: Avtoref. kand. ...filol. nauk.* [Evaluation strategies for news articles and commentaries in german-language newspaper discourse]. Kand. filol. nauk. Avtoref. Moscow, 2005. 18 p.
9. Evteev, S.V. *Perevod: ekvivalentno – naskol'ko vozmozhno, i adekvatno – naskol'ko nuzhno* [Translation: equivalent - as far as possible, and adequate - as needed] // *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 1 (31). pp. 262–267.
10. Kviatkovskii, A.P. *Poeticheskii slovar'*. [Poetic dictionary] Moskva: Sovetskaia entsiklopediia, 1966. 375 p.
11. Naer, N.M. *Struktura, semantika i pragmatika*, 2011. 142 p. *antonomazii (na materiale nemetskogo iazyka)*. [The structure, semantics and pragmatics of antonomazy (based on the German language)] Moscow: Prometei, 2011. 142 p.
12. Chigasheva, M. *Assotsiativnyi potentsial antroponimov v nemetskom i russkom iazyke* [Associated potential of anthroponyms in German and Russian] // *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 2. P. 319–323.

13. Shchetinin, L.M. *Slova, imena, veshchi*. [Words, names, things] Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1966. 222 p.
14. Bild (B), www.bild.de (Accessed 27 April 2020).
15. Duden Online. *Wörterbuch*. Bibliographisches Institut GmbH, www.duden.de/rechtschreibung (Accessed 16 March 2020).
16. Galperin, I.R. *Stylistics* / I.R. Galperin. Moscow: Vyshsaia Skola, 1981. 334 p.
17. Harjung, Dominik. *Lexikon der Sprachkunst. Die rhetorischen Stilformen*. Mit über 1000 Beispielen. München, Verlag C.H. Beck, 2000.
18. Schulz, W. Wirkungen der Massenmedien. Ergebnisse und Erklärungen / W. Schulz // *Politische Bildung*, 1988. № 21. pp. 59-74.
19. Süddeutsche Zeitung (SZ), www.sueddeutsche.de (Accessed 30 August 2019).
20. Zeit (Z), www.zeit.de/index (Accessed 18 October 2019).

Сведения об авторах:

Зими́на Евге́ния Алекса́ндровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология немецкого языка; политический медиадискурс; ИКТ; проектная работа. E-mail: e.a.zimina@my.mgimo.ru

Мю́ллер Ю́лия Эдуа́рдовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, терминология, онлайн курсы немецкого языка. E-mail: j.mueller@my.mgimo.ru

About the authors:

Zimina Evgeniya Alexandrovna – PhD, Associate Professor of German Language Department MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: lexicology of the German language; newspaper discourse; ICT. E-mail: e.a.zimina@my.mgimo.ru

Müller Julia Eduardovna – PhD, Associate Professor of German Language Department MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: comparative historical, typological and comparative linguistics, terminology, online German courses. E-mail: j.mueller@my.mgimo.ru

* * *

METHODS FOR CLASSIFYING ABBREVIATIONS DOCUMENT NAMES (BASED ON THE MATERIAL OF THE MODERN GERMAN LANGUAGE)

Natalia V. Kukina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *The article offers options for the classification of abbreviations-documentary names on the basis of various characteristics. The following can be selected as the classification criteria: the number of components in an abbreviation, which affects its derivational potential; the structure of the abbreviation, i.e. the division of abbreviations into initial, syllabic and combined; the types of documents, for example: laws, regulations, agreements, et.; the classification on a thematic basis, i.e. in relation to the sphere of management and economics. This classification is mainly based on truncated components, which are more informative than initials. Among document names there are abbreviations consisting of purely German components and abbreviations that are borrowings or consisting of a combination of autochthonous and borrowed components. It is possible to classify documentary abbreviations by the presence of borrowings in their composition. The main attention in the article is paid to the classification by their place in the internal onomastic field. The names of documents used in the common European space and the names of documents with a narrower scope of distribution (Germany as a whole or in specific federal lands) are distinguished, which determines their entry into the nuclear or peripheral zone of the onomastic space. The presence of other onyms in the documentary names, among which toponyms, that characterize the effect of specific legal documents in a certain territory, occupy a special place. It is concluded that abbreviated document names represent a certain field of onomastics, the core of which are global document names, and that they represent a certain system, and not a simple set of abbreviated onyms.*

Key Words: *abbreviation, documentonym, structure, component, subject, thematic, field*

For citation: Kukina N.V. 2021. Methods for Classifying Abbreviations Document Names (Based on the Material of the Modern German Language). *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 37–44. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-37-44>

СПОСОБЫ КЛАССИФИКАЦИИ АББРЕВИАТУР-ДОКУМЕНТОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Н.В. Кукина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье предлагаются варианты классификации аббревиатур-документонимов с учётом различных характеристик. В качестве критериев классификации выбраны: количество компонентов в аббревиатуре, которое влияет на её деривационный потенциал; структура аббревиатуры, т.е. деление аббревиатур на инициальные, слоговые и комбинированные; виды документов: законы, предписания, соглашения и т.д.; классификация по тематическому признаку, т.е. по соотносённости со сферой управления и экономики. Основой классификации по тематическому признаку служат преимущественно компоненты-усечения, которые более информативны по сравнению с инициалами. Среди документонимов существуют аббревиатуры, состоящие из чисто немецких компонентов, и аббревиатуры, представляющие собой заимствования или состоящие из комбинации автохтонных и заимствованных компонентов. Возможна классификация аббревиатур-документонимов по наличию в их составе заимствований. Основное внимание в статье уделяется классификации по месту во внутреннем ономастическом поле, т.е. среди документонимов выделяются наименования документов, использующихся на общеевропейском пространстве, а также документов, имеющих более узкую сферу распространения (ФРГ в целом или конкретные федеральные земли), что определяет их вхождение в ядерную или периферийную зону ономастического пространства. С этим связано наличие в составе документонимов других онимов, среди которых особое место занимают топонимы, характеризующие действие конкретных правовых документов на определённой территории. Делается вывод о том, что документонимы-аббревиатуры представляют собой определённое поле ономастики, ядром которого являются документонимы-глобализмы, а также о том, что они представляют собой определённую систему, а не являются простым набором онимов-сокращений. Для сбора практического материала использовался метод сплошной выборки, при анализе практического материала автор опирался в основном на полевый метод.

Ключевые слова: аббревиатура, документоним, структура, компонент, тематика, поле

Для цитирования: Кукина Н.В. 2021. Способы классификации аббревиатур-документонимов (на материале современного немецкого языка). *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 37–44. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-37-44>

Актуальность данной работы обусловлена тем, что ономастика, возникшая как самостоятельная наука лишь в начале XX века, привлекает внимание всё большего количества лингвистов. Несмотря на то, что в последнее время появляется значительное количество работ, посвящённых периферийным разрядам ономастикона, практически отсутствуют работы, посвящённые комплексному анализу такого вида имён собственных, как документонимы, которые и рассматриваются в нашей статье. В ряде работ, посвящённых вопросам ономастики немецкого языка, документонимы просто упоминаются как один из видов онимов [1], причём не в виде аббревиатур, а в качестве полных наименований [3, с. 15]. Необходимо отметить, что важность документонимов, то есть возможность и необходимость их выбора в качестве отдельного объекта исследования, подчёркивается в работе Х.Л. Ханмагомедова и А.Н. Гебековой, которые выделяют документонимику в отдельную сферу ономастики [8].

Научная новизна работы заключается в том, что в ней проводится анализ документонимов-аббревиатур (на материале современного немецкого языка) с точки зрения их расположения в поле ономастики. Материалом исследования послужили аббревиатурные документонимы, отобранные из немецкой специальной и периодической литературы по экономике и менеджменту, в частности из журналов „Wirtschaftswoche“ и „Manager Magazin“ за 2005-2019 гг., а также из интернет-ресурсов, например: Online Wörterbuch der Fachbegriffe [11]. Общий массив данных составля-

ет 2565 единиц. Предметом исследования являются особенности структуры и возможности классификации аббревиатур-документонимов немецкого языка. Для сбора практического материала использовался метод сплошной выборки, при анализе практического материала автор опирался в основном на полевый метод.

Прежде чем приступать к осуществлению этой задачи, следует подтвердить статус аббревиатур-документонимов в качестве самостоятельных лексических единиц. В одной из статей Т.С. Марковой приводятся доводы в пользу того, что аббревиатуры-эргонимы могут быть отнесены к самостоятельному типу номинаций [5]. Следует отметить, что основная часть приводимых автором доводов относится и к аббревиатурам-документонимам. Им присуща грамматическая оформленность, в частности их способность употребляться в контексте с определённым артиклем, подтверждающим отнесённость аббревиатуры к определённому грамматическому роду, например: «Vertrag über die Arbeitsweise der Europäischen Union (AEUV) – Artikel 290 des AEUV erlaubt es dem EU-Gesetzgeber... [eur-lex.europa.eu › ... › EU law and publications › EUR-Lex]. Следующим доводом в пользу самостоятельности аббревиатур-документонимов является их способность реализовывать свой деривационный потенциал: UAG-Gebührenverordnung (Verordnung über Gebühren und Auslagen für Amtshandlungen der Zulassungsstelle und der Widerspruchsbehörde bei der Durchführung des Umweltauditgesetzes, где UAG – Umwelt-Audit-Gesellschaft (Аудиторская компания по вопросам экологии) – Положение об уплате пошлин и о компенсации расходов на официальные процедуры со стороны аудиторских компаний и ведомств по улаживанию спорных вопросов, связанных с применением закона об аудиторской проверке экологической безопасности (состояния окружающей среды); UAG – ZulassungsVO (Verordnung über das Verfahren zur Zulassung von Umweltgutachtern und Umweltgutachterorganisationen sowie zur Erteilung von Fachkenntnisbescheinigungen nach dem Umweltauditgesetz – Положение о процедуре допуска к работе аудиторов в области экологии, о разрешении функционирования экологических аудиторских компаний и о выдаче удостоверений на право аудиторской проверки согласно закону об аудиторской проверке в области экологии (о проверке состояния окружающей среды). Причём в данных композитах замена аббревиатуры её полным описательным прототипом, невзирая на их семантическую идентичность, невозможна, что также является определённым свидетельством в пользу признания самостоятельности аббревиатуры как лексической единицы. О том, что сама аббревиатура в структурном плане имеет много общего со сложным словом в немецком языке, свидетельствует в частности то, что взаиморасположение компонентов внутри аббревиатуры обычно соответствует расположению компонентов композита, даже если исходным прототипом её является не сложное слово, а словосочетание, то есть на последнем месте в аббревиатуре стоит инициал основного значимого слова, в нашем случае это инициал G (Gesetz) или V (Verordnung).

Далее необходимо определить место аббревиатур-документонимов в общем ономастическом пространстве. Вслед за Г.Б. Мадиевой, О.С. Сапашевым и др. мы признаём, что внутри ономастического поля выделяется ядро, представленное антропонимами, которым в наибольшей степени присущи характеристики имени собственного. Околоядерную зону составляют топонимы, зоонимы и галактонимы. Наконец, к периферийной зоне относятся идеонимы и прагматонимы [4] на том основании, что они имеют ряд характеристик, не свойственных антропонимам. В ряд идеонимов входят рассматриваемые нами документонимы, обладающие характеристиками, присущими идеонимам в целом. Так, они составлены преимущественно из апеллятивов за исключением тех документонимов, которые включают в себя топонимы: BayVerfGE (Sammlung von Entscheidungen des Bayerischen Verfassungsgerichtshofes – Сборник решений конституционного суда земли Бавария), BerlinFG (Gesetz zur Förderung der Berliner Wirtschaft – Закон о содействии развитию экономики Берлина), NSV (Niedersächsische Verfassung – Конституция земли Нижняя Саксония). Скомпонованность из апеллятивов помогает документонимам сохранить внутреннюю форму, то есть доономастическое значение. Поэтому своеобразие документонимов по сравнению с онимами ядерной зоны состоит в том, что наиболее спорный семасиологический вопрос о наличии у них лексического значения требует однозначно положительного ответа. Кроме того, документонимам присуща меньшая стабильность, нежели онимам ядерной зоны. Это выражает-

ся в том, что под влиянием времени, политической и социальной ситуации в документы вносятся изменения, вследствие чего появляются дополнительные акты и соответствующие им документонимы-аббревиатуры, такие как: RVÄndG (Rentenversicherungs-Änderungsgesetz – Закон об изменении системы пенсионного страхования), BNatSchGNeuregG (Gesetz zur Neuregelung des Rechts des Naturschutzes und der Landschaftspflege und zur Anpassung anderer Rechtsvorschriften – Закон о нововведениях в регулировании правовых норм в сфере охраны природы и управлении развитием ландшафта, а также о приведении в соответствие с новыми нормами других правовых предписаний), VermRÄndG (Vermögensrechtsänderungsgesetz – Закон об изменении правовых норм, регулирующих имущественные отношения), VermRAnpG (Vermögensrechtsanpassungsgesetz – Закон о приспособлении правовых норм, регулирующих имущественные отношения, к изменению условий действия закона), ÄndVStVR (Verordnung zur Änderung straßenverkehrsrechtlicher Vorschriften – Положение об изменении правовых норм, регулирующих дорожное движение), GGVSeeÄndV (Verordnung zur Änderung der Gefahrgutverordnung See (See-Gefahrgutänderungsverordnung) – Предписание о внесении изменений в положение о перевозке морским путём грузов повышенной опасности).

Сами документонимы также могут рассматриваться как ономастическое поле, ядро которого составляют документонимы-глобализмы [7], использующиеся достаточно широко, то есть в международном масштабе или на всём европейском пространстве, в том числе документонимы-англицизмы: EURET European research on transport (Spezifisches Programm für Forschung und technologische Entwicklung im Verkehrsbereich – Специальная программа Европейского Сообщества по научным исследованиям и технологическим разработкам в области транспорта), EuRAG (EU-Rechtsanwälte-Gesetz – Gesetz über die Tätigkeit europäischer Rechtsanwälte in Deutschland) – Закон Европейского сообщества об адвокатуре, закон о деятельности адвокатов ЕС на территории Германии). Среди компонентов аббревиатур, свидетельствующих об их принадлежности к ядру ономастического поля, можно указать также компонент I, Int (International – международный). При этом интересно отметить, что в аббревиатурах-англицизмах, отмеченных нами в немецкой литературе, он встречается почти исключительно в виде инициала (ICDP – International Car Distribution Programm / Международная программа развития автомобильного транспорта/). Из 11 сокращений нами отмечен лишь один случай использования усечения: Incoterms – International Commercial Terms (Международные торговые условия (Правила единого толкования общих торговых оговорок и формулировок во внешнеторговых договорах), Инкотермс). В немецких же аббревиатурах этот компонент в виде усечения фигурирует в 4 случаях из 10 (40%), например: IntFamRVG Internationales Familienrechtsverfahrensgesetz (Gesetz zur Aus- und Durchführung bestimmter Rechtsinstrumente auf dem Gebiet des internationalen Familienrechts) – Закон о создании и применении определённых правовых инструментов в области международного семейного права.

Соответственно, к окооядерной зоне можно отнести документы (и их аббревиатуры) общегосударственного значения (GG: Grundgesetz – Основной закон), и, наконец, периферийную зону репрезентируют аббревиатуры законов, действующих на более ограниченной территории: BaySchlG (Bayerisches Schlichtungsgesetz – Баварский закон об обязательном мирном урегулировании споров по гражданским делам и о регулировании внесения изменений в предписания конституционного суда и в судоустройство).

Важной нам представляется классификация аббревиатур-документонимов по тематическому признаку, поскольку это продолжает тему полевой подходы. В 2008 году был издан словарь прилагательных, в нём прилагательные были распределены по 30 сферам менеджмента, которые можно рассматривать как макрополя, входящие в состав мегаполя менеджмента [6]. Документонимы также могут быть распределены по отдельным макрополям менеджмента, поскольку система законов в Германии весьма развита и охватывает самые разные сферы управления. Так, имеются профильные законы, регулирующие финансовый рынок, инвестиционную деятельность, инновационное развитие. Существует также образовательное законодательство, охватывающее школы, высшее образование, образование взрослых. Разумеется, основой для распределения до-

кументонимов-аббревиатур по отдельным сферам менеджмента является полный исходный прототип аббревиатуры, так как именно расшифровка аббревиатуры раскрывает полное содержание закона или иного документа. Однако и в составе аббревиатуры могут содержаться компоненты, дающие основание для отнесения документа к конкретной сфере экономики или управления. В основном такими компонентами являются усечения, в меньшей степени каркасные усечения, поскольку именно эти аббревиатурные морфемы содержат информацию в достаточно узнаваемой форме.

Перечислим некоторые из них: Ausl(and), Wi(rtschaft), Dev(isen) – управление внешнеэкономической деятельностью; Bk (Bank), Sch(eck), Hyp(othek) – банковский менеджмент; Ber(atung) – консалтинговый менеджмент; Arch(iv), Sig(natur) – управление документообеспечением; At(om), En(ergie) – управление энергетической отраслью; Bi(lanz), Fin(anz), Kap(ital) – финансовый менеджмент; Part(ner), Gem(einschaft), Vb (Verband) – управление деловыми связями; Apo(theke), Pharm(akologie), Chem(ie) – управление химической и фармакологической отраслью; Ausk(unft), Info(rmatik), Dat(en) – информационный менеджмент; Gen, Erf(indung), Tech(nik) – инновационный менеджмент; Kult(ur) – межкультурный менеджмент; An(lagen), Inv(estition), Akt(ie), Wp(Wertpapier) – инвестиционный менеджмент; Fo(rum), Vers(ammlung) – управление общением; sch(iedlich), Schl(ichter), wid(rig) – конфликтный менеджмент; Ko(sten), Deck(ung), Beitr(ag) – менеджмент затрат; Ins(olvenz), Gef(ahr) – антикризисный менеджмент; Agr(ar), Fo(rst), Pfl(anze), La(nd) – управление сельским и лесным хозяйством; Ma(rkt), Prod(ukt), Rab(att), Wa(re) – маркетинговый менеджмент; St(off), Ein(gang) – управление материально-техническим снабжением; Ausl(and), Auf(enthalt), Flü(chtling), Pass – управление миграционными процессами; Verw(altung), Vollstr(eckung) – управление процессами организации; Bi(ldung), Ber(uf), Sch(ule), prof(essionell) – педагогический менеджмент; Ang(estellte), Präm(ie), Betr(ieb), Pers(onal), Lohn, Mitbest(immung) – управление персоналом; Arb(stätt(Arbeitsstätte) – управление производством; Bau, Wo/Wohn(ung) – проектный менеджмент и управление строительством; Klasse, Prüf(ung) – управление качеством; Ri(chter), Ent(lassung) – правовой менеджмент; Kat(astrofhe) – управление рисками; Bed(arf), Arb(eit), Leist(ung), Kind, Vorm(und) – управление в социальной сфере; Beamt(e), Min(isterium) – государственное-муниципальное управление; Stat(istik), Konj(unktur) – управление статистическими данными; St(euer), Bew(ertung) – налоговый менеджмент; Gast, Reise – управление в гостинично-туристском бизнесе; Str(aße), Verk(ehr), BinSch (Binnenschiffahrt) – управление транспортом; Öko(logie), Nat(ur), Wa/Was(ser) – управление экологической безопасностью; Treuh(and), Verm(ögen) – управление имуществом; V/Vers(icherung) – управление в страховой сфере; Fr(ist), Zeit – управление временными параметрами; Zoll – таможенный менеджмент. Таким образом, аббревиатурные морфемы определённым образом выражают принадлежность документонима к определённой сфере экономики и управления, поскольку сокращения в виде усечений сохраняют своё морфемное значение [2] и содержание их прозрачно в той мере, чтобы носить информационный характер.

Помимо полевой организации существуют и другие параметры, по которым можно классифицировать документонимы-аббревиатуры, в частности классификация их по количеству компонентов, по наличию заимствований иных разрядов онимов, что мы предполагаем более подробно рассмотреть в рамках другой статьи.

В отношении наличия в составе аббревиатур-документонимов компонентов, представляющих собой онимы других разрядов, следует отметить следующее: значительная часть документонимов содержит в своих сокращённых формах топонимы, причём как в полной форме (HaagKindEÜbk.), так и в виде инициала (HZPÜ – Haager Übereinkommen über den Zivilprozeß), слога (OSPAR – Oslo Paris Convention 1992) или усечения (HessBG Hessisches Beamtenengesetz). Чаще всего в документонимах присутствует в той или иной форме сокращение топонима Европа (23 документонима), что свидетельствует о том, что данные документы действуют на всей территории ЕС, например: EPÜ – Europäisches Patentübereinkommen, EuHbG – Europäisches Haftbefehlsgesetz и т.д. В 10 аббревиатурах данный компонент отмечен в составе эргонима EG (Europäische Gemeinschaft – Европейское сообщество), как правило, в графических аббревиатурах, где он отделён от остальной части аббревиатуры дефисом, например: EG-BeitrG – EG-Beitreibungsgesetz (Закон ЕС о взимании нало-

гов), что помогает не только лучшему пониманию смысла аббревиатуры, но и снятию омонимии, например: EGBGB - Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuch (Закон о введении в действие Гражданского уложения), EGScheckG - Einführungsgesetz zum Scheckgesetz (Вводный закон к закону о чеках), поскольку EG расшифровывается также как Einführungsgesetz (вводный закон).

К числу международных документов (и, следовательно, документонимов) относятся документонимы, включающие компонент Хаг (или его инициал Н), так как в Гааге расположены крупные международные правовые органы: Международный суд ООН, Международный уголовный суд, Международный арбитражный суд и другие, например: HUVÜ - Haager Übereinkommen über die Anerkennung und Vollstreckung von Entscheidungen auf dem Gebiet der Unterhaltspflicht, HaagEntmündAbk - Haager Abkommen über die Entmündigung (всего девять документонимов-аббревиатур). Далее по значимости следуют названия законов, предписаний и положений, действующих на территории ФРГ, на что указывает входящий в их состав компонент D (сокращение от deutsch / Deutschland - Германия): DBG - Deutsches Beamten-gesetz, DRiG - Deutsches Richter-gesetz (всего 13 аббревиатур-документонимов) или В (Bund - государство, федерация).

Названия документов, действующих на территории конкретной федеральной земли, содержат в сокращённой форме название соответствующей земли, чаще всего в виде каркасной аббревиатуры (5 аббревиатур), или в виде усечения (11 аббревиатур), например: VerfGGBbg - Gesetz über das Verfassungsgericht des Landes Brandenburg (Закон о конституционном суде земли Бранденбург), Nds.SOG - Niedersächsisches Sicherheits- und Ordnungsgesetz (Закон о безопасности и охране общественного порядка земли Нижняя Саксония), BaySchlG - Bayerisches Schlichtungsgesetz (Bayerisches Gesetz zur obligatorischen außergerichtlichen Streitschlichtung in Zivilsachen und zur Änderung gerichtsverfassungsrechtlicher Vorschriften - Баварский закон об обязательном мирном урегулировании споров по гражданским делам и о регулировании внесения изменений в предписания конституционного суда), HbgVerf - Verfassung der Freien und Hansestadt Hamburg (Конституция федеральной земли Гамбург), VerfGGBbg - Gesetz über das Verfassungsgericht des Landes Brandenburg (Закон о конституционном суде земли Бранденбург), ThürWG - Thüringisches Wassergesetz (Закон об использовании, охране и содержании водоёмов земли Тюрингия). В отдельных случаях топоним приводится в полной форме: BerlinFG - Gesetz zur Förderung der Berliner Wirtschaft (Закон о содействии развитию экономики Берлина).

Инициалы в аббревиатурах-документонимах используются обычно как сокращения многокомпонентных топонимов, например: NKFG NRW - Gesetz über ein Neues Kommunales Finanzmanagement für Gemeinden im Land Nordrhein-Westfalen, WGLSA - Wassergesetz für das Land Sachsen-Anhalt, хотя в 12 случаях инициал N применяется для обозначения земли Niedersachsen (Нижняя Саксония), например: NSpG - Niedersächsisches Sparkassengesetz (Закон о сберегательных кассах земли Нижняя Саксония), NStrG - Niedersächsisches Straßengesetz (Закон о дорогах земли Нижняя Саксония).

Подводя итог изложенному в статье, следует отметить, что собранный материал достаточно обширен для выделения различных групп аббревиатур-документонимов. Их классификации возможны на основе различных параметров, например, по количеству компонентов, структуре аббревиатур, принадлежности к определённому тематическому полю, наличию в составе заимствований, отличительных и обязательных компонентов [10], а также других видов онимов. Однако в первую очередь нас интересует принадлежность данного разряда онимов к ядерной или периферийной зоне, а также способность документонимов-аббревиатур формировать собственное ономастическое поле, в котором выделяются ядро, окооядерная и периферийная зоны. Это позволяет сделать вывод о том, что аббревиатуры-документонимы являются не просто набором соответствующих онимов, а представляют собой определённую систему, определённое поле онимов. Перспективным представляется в дальнейшем более подробное рассмотрение иных способов классификации аббревиатур-онимов, в частности их классификация по числу компонентов, которая рассматривается в работе П. Чесноковой, но понимается автором лишь как формальная сложность номинации [9].

© Н.В. Кукина, 2021

Список литературы

1. Антышев А.Н. Формирование и развитие антропонимической системы немецкого языка. / Дисс. канд. филол. наук. А.Н. Антышев Москва, 2001, 256 с.
2. Крюкова И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук / И.В. Крюкова. Волгоград, 1993. 19 с.
3. Кургузова Е.В. Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: Автореф. дис. канд. филол. наук / Е.В. Кургузова. Смоленск, 2009, 22 с.
4. Ономастическое пространство современного Казахстана: ядерно-периферийная структура / Г.Б. Мадиева, О.С. Сапашев, Б.Н. Бияров и др. / [Электронный ресурс] – URL: http://www.elarna.com/kitap_kk.php?id=5855&oku=40121#ixzz4ju4N6Tus (Дата обращения: 05.07.2017 г.)
5. Маркова Т.С. Функции аббревиатур-эргонимов тематического поля менеджмента (на материале современного немецкого языка) // European science and technology. Materials of the VI International research and practice conference. Munich, Germany 2013. Vol. II, p. 132-136.
6. Миляева Н.Н. Мини-словари прилагательных по сферам менеджмента. / Н.Н. Миляева М.: Изд. ГУУ, 2008, 153 с.
7. Фоменко О.С. Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика. / Дисс. канд. филол. наук. О.С. Фоменко Волгоград, 2009, 209 с.
8. Ханмагомедов Х.Л. Современная ономастика, её развитие, структура, направления как науки. // Перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 28 февраля 2015 г. Часть 3. Тамбов: / Х.Л. Ханмагомедов, А.Н. Гебекова ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. 163 с. С. 134-142.
9. Чеснокова П. Поле названий праздников: структура и компонентный состав (на материале чешского и русского языков) / П. Чеснокова, Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2011, № 1 (13). С.236-239.
10. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты / Автореф. дис. канд. филол. наук. Н.В. Шимкевич, Екатеринбург, 2002. 22 с.
11. Abkürzungen und Akronyme. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ats-group.net/woerterbuecher/woerterbuch-abkuerzungen4.html> (Дата обращения: 05.07.2017 г.)

References

1. Antyshev, A.N. *Formirovanie i razvitie antroponimicheskoi sistemy nemetskogo iazyka* [Formation and development of the anthroponymic system of the German language.] Diss. ... Cand. philol. sciences. Moscow, 2001, 256 p.
2. Krjukova, I.V. *Pogranichnyye razriady onomastiki v sovremennom russkom iazyke* [The boundary discharges of onomastics in modern Russian]: Author. dis. ... Cand. philol. sciences. Volgograd, 1993. 19 p.
3. Kurguzova, E.V. *Imena sobstvennyye nemetskoi kul'tury v istoricheskom fragmente normativno-nauchnoi kartiny mira* [The proper names of German culture in the historical fragment of the normative-scientific picture of the world.] Author. dis. ... Cand. philol. sciences. Smolensk, 2009, 22 p.
4. Madieva, G. B., Sapashev, O.S., Bijarov et al. Onomasticheskoe prostranstvo sovremennogo Kazahstana: iaderno-periferiinaia struktura [Onomastic space of modern Kazakhstan: nuclear-peripheral structure], www.elarna.com/kitap_kk.php?id=5855&oku=40121#ixzz4ju4N6Tus (accessed 05.07.2017).
5. Markova, T.S. *Funktsii abbreviatur-ergonimov tematiceskogo polia menedzhmenta (na materiale sovremennogo nemeckogo iazyka)* [Functions of abbreviations ergonyms of the thematic field of management (on the material of the modern German language)] European science and technology. Materials of the VI International research and practice conference. Munich, Germany 2013. Vol. II, p. 132 – 136.
6. Miliaeva, N.N. *Mini-slovari prilagatel'nykh po sferam menedzhmenta* [Mini-dictionaries of adjectives by area of management]. M.–Ed. GUU, 2008, 153 p.
7. Fomenko, O.S. *Pragmatonimy-globalizmy: lingvisticheskii status i funktsional'naiia spetsifika* [Pragmatonyms-globalisms: linguistic status and functional specificity]: diss. ... Cand. philol. sciences. Volgograd, 2009, 209 p.
8. Hanmagomedov, H.L., Gebekova, A.N. *Sovremennaia onomastika, ee razvitie, struktura, napravleniia kak nauki* [Modern onomastics, its development, structure, directions as a science.] Prospects for the development of science and education: a collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference on February 28, 2015. Part 3. Tambov: LLC «Consulting company Ucom», 2015. 163 p. P. 134 - 142.
9. Chesnokova, P. Pole nazvanii prazdnikov: struktura i komponentny sostav (na materiale cheshskogo i russkogo iazykov) [Field of Holiday Names: Structure and Component Composition (on the Material of Czech and Russian Languages)] *Vestn. Volgogr. state un-t. Ser. 2, Linguistic. 2011, No. 1 (13).* p.236 – 239.
10. Shimkevich, N.V. *Russkaia kommercheskaia ergonimii: pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. [Russian commercial ergonymy: pragmatic and cultural linguistic aspects]: Author's abstract. dis. ... Cand. philol. sciences. - Ekaterinburg, 2002. - 22 p.
11. Abkürzungen und Akronyme. [Abbreviations and acronyms.] [Electronic resource], <http://www.ats-group.net/woerterbuecher/woerterbuch-abkuerzungen4.html> (accessed 05.07.2017).

Сведения об авторе:

Кукина Наталья Владимировна – Старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). E-mail: Nataliya-vl@mail.ru

About the author:

Natalia V Kukina – Assistant Professor at the German Language Department MGIMO University.
E-mail: Nataliya-vl@mail.ru

* * *

SENSE PERCEPTION OF CREOLIZED TEXT

M.O. Matveev

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia,
119454, Russia, Moscow, prospekt Vernadskogo, 76

A.A. Nistratov

Lomonosov Moscow State University,
Russia, 125009, Moscow, st. Mokhovaia, 11/9

D.M. Polikarpov

National Research Center “Kurchatov Institute”,
123182, Moscow, pl. Ak. Kurchatova, 1

E.F. Tarasov

Institute of Linguistics RAS, Russia,
125009, Moscow, Bolshoi Kislovsky per., 1, building 1

Abstract. *The article deals with the problem of semantic perception of a creolized text consisting of an image and a word denoting the depicted cultural object. The experiment is aimed at solving the problem of the influence of the non-speech component on the understanding of a speech message. In the course of the experiment carried out using Ch. Osgood's method of semantic differential, the subjects recorded the results of the experiment using questionnaires, in which they reflected their mental images formed during the semantic perception of the creolized text. The study showed that the content of the creolized text differs from the content of both the image and the word denoting it. These differences arise due to the functional and substantial qualities of the depicted cultural objects, since the content of these objects is the content of the words themselves that denote them. Consequently, CT has an enriched content that is different from the content of the object's image and its verbal designation.*

Key Words: *creolized text, cultural object, verbal model of the object's image, images of consciousness, functional and substantial qualities of cultural objects*

For citation: Matveev M.O., Nistratov A.A., Polikarpov D.M., Tarasov E.F. 2021. Sense Perception of Creolized Text. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 45–59. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-45-59>

СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА¹

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РНФ 2018-2020 №18-00-00575 (К).

М.О. Матвеев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

А.А. Нистратов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11/9

Д.М. Поликарпов

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»,
123182, Москва, пл. Ак. Курчатова, 1

Е.Ф. Тарасов

Институт языкознания РАН, Россия,
125009, Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр.1

Аннотация. В статье анализируется проблема смыслового восприятия креолизованного текста (КТ), состоящего из изображения и слова, обозначающего изображённый культурный предмет. Эксперимент нацелен на решение проблемы влияния неречевого (невербального) и вербального компонентов на понимание речевого сообщения и всего КТ. В ходе эксперимента, проведённого по методу семантического дифференциала Ч. Осгуда, испытуемые фиксировали результаты эксперимента при помощи анкет, в которых они отображали содержание своего сознания, формируемого при смысловом восприятии креолизованного текста.

Исследование показало, что содержание креолизованного текста отличается от содержания как изображения, так и слова, его обозначающего. Эти различия обусловлены функциональными и субстанциональными качествами изображённых культурных предметов, так как изображённые предметы и слова, обозначающие эти предметы, имеют идентичное значение.

Ключевые слова: креолизованный текст, культурный предмет, вербальная модель образа предмета, образы сознания, языковой знак, неязыковой знак, тема знака

Для цитирования: Матвеев М.О., Нистратов А.А., Поликарпов Д.М., Тарасов Е.Ф. 2021. Смысловое восприятие креолизованного текста. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 45–59. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-45-59>

Введение

Предлагаемая статья посвящена анализу процесса смыслового восприятия креолизованного текста (КТ). Термин КТ предложил Ю.В. Кнорозов для описания текстов древних майя, содержащих кроме графем также и графические изображения людей, птиц и животных [7; 8]. КТ, по Ю.В. Кнорозову, это текст, состоящий из вербальных и невербальных знаков. Эту закономерность можно перенести на любое человеческое общение, которое, строго говоря, всегда обслуживается языковыми и неязыковыми знаками. Позднее появился термин «мульти-модальный текст», где модальность понималась по аналогии с психологической модальностью сенсорных данных, привязывающих эти данные к органам чувств: зрительная модальность, осязательная модальность и т.п. [13].

Введение КТ в объектную область лингвистики означает, что в лингвистике формируется более адекватный объект исследования. Известно, что языковые средства устной речи (языковые

знаки в устной форме) создаются в процессе производства и восприятия речевого сообщения при помощи человеческого голоса, тембр, сила и скорость которого не имеют отношения к семантической стороне речи, хотя и образуют её неязыковой контекст [11; 12]. Просодия, формирующая семантику высказывания, не имеет отношения к таким характеристикам голоса, как тембр, сила, скорость.

Письменная речь, как известно, обладает языковым контекстом, который создаётся письменными знаками, имеющими разное происхождение: латиница, кириллица, еврейское письмо, арабская вязь, иероглифика и т.д.

После того, как увеличился поток речевых сообщений по телевидению, появились работы, в которых объектом исследования стали КТ [1; 2; 14; 15; 16; 3; 4].

Некоторые аспекты сочетания (в смысловом восприятии) иконических и вербальных знаковых средств при искусствоведческой интерпретации изобразительных произведений, существующей в вербальной форме, стали объектом анализа в когнитивной психологии, которая анализирует образные явления, обозначаемые как ментальные или мыслительные образы [5].

При формировании вербальных текстов, содержащих интерпретацию произведений изобразительного искусства, перед исследователем встаёт задача адекватности / неадекватности вербального моделирования (обозначения в речи) изобразительной основы, манифестируемой иконическими знаками, которые более гомогенны по отношению к реальным объектам, чем абстрактные языковые знаки [5, с. 5].

Смысловое восприятие объектов реальной действительности и их изображений приводит к формированию образов восприятия в сознании наблюдателя. Эти образы и их функционирование в различных познавательных системах изучает когнитивная психология [15].

Наибольшую известность в решении проблемы функционирования образов сознания приобрели работы А. Пэйвио, создавшего так называемую «теорию двойного кодирования», согласно которой при запоминании используются и образы, и вербальные знаки [18; 19; 20; 21; 22].

В конечном итоге, многочисленные эксперименты, осуществлённые в рамках «теории двойного кодирования», позволили А. Пэйвио сделать вывод, что запоминание стимульного материала лучше происходит при увеличении степени его образности [18].

Цель нашего исследования установить характеристики и параметры влияния вербальной и невербальной частей КТ на содержание всего КТ, так как содержание речевой и неречевой частей изменяет содержание всего КТ.

Рис. 1-10. Изображения-стимулы (с подписями «нож», «мишка», «часы», «кошелек», «джинсы», «ложка», «яблоко», «чашка», «стол» и «роза»)

В нашем экспериментальном КТ присутствует иконический знак, тело которого есть изображение некоторого предмета, а также языковой знак в функции вербальной модели образа этого же предмета, репрезентированного во внешней форме в виде иконического знака, то есть изображения. Содержание КТ, как и содержание любого текста, предметно в том смысле, что за текстом мы представляем себе реальный мир, отображённый при помощи знаков. Именно этот реальный мир позволяет нам рассматривать тела языкового и неязыкового знаков как семиотически

идентичные квазипредметы, репрезентирующие образы предметов реального мира. (Предметы в функции тел знаков потеряли все свои качества и благодаря этому для них стал возможен семиозис – способность указывать на другие предметы.)

Объектом анализа является процесс смыслового восприятия коннотативного содержания КТ, то есть изображения предмета и подписи под ним.

Выбор этих предметов обусловлен тем, что они знакомы в равной степени всем испытуемым и не будут вызывать трудностей при смысловом восприятии.

Процесс смыслового восприятия КТ «чашка»

Как показывают эксперименты по восприятию плаката [10], первый взгляд наблюдателя падает на самый яркий фрагмент, которым здесь, без всякого сомнения, является изображение предмета, затем взгляд наблюдателя переходит на подпись «чашка», так как другие объекты отсутствуют в поле восприятия наблюдателя [9].

Движение глаз наблюдателя обусловлено только этими двумя объектами. Как показали эксперименты по восприятию плаката, взгляд наблюдателя может перемещаться между объектами многократно.

Далее мы имеем дело со следующей феноменологией.

Восприятие рисунка «чашка»

1. Обнаружение и сенсорное восприятие изображения чашки приводит к формированию следа на сетчатке глаза, так называемой сенсорной массы, что давно является общим местом в работах по психологии смыслового восприятия [22; 23; 24].

2. Эти следы на сетчатке опознаются при помощи перцептивного эталона в форме чувственной модели чувственного образа воспоминания, сформированного ранее при восприятии подобных рисунков и самих изображённых предметов или при помощи образа слова «чашка».

3. Чувственный образ фотографии «чашки» при помощи перцептивных эталонов в форме образов воспоминания о подобных предметах или при помощи образа слова «чашка» опирается на образ сознания «чашка», то есть опознается сущностно.

Восприятие вербального обозначения «чашка»

1. Обнаружение и восприятие слова «чашка» приводит к формированию следа на сетчатке глаза.

2. Эти следы на сетчатке глаза, то есть чувственный образ опознаётся при помощи перцептивного эталона в форме чувственной модели слова в графической форме «чашка», хранящейся в памяти в виде образа воспоминания.

3. Чувственный образ слова «чашка» опознаётся при помощи перцептивных эталонов в форме образов воспоминания о слове «чашка», обозначающем предмет, при помощи которого пьют чай, то есть слово понимается сущностно, как предмет, ассоциированный с некоторой деятельностью, распространённой в современном обществе.

Предметом нашего исследования является анализ зависимости смыслового восприятия КТ от его вербальной и невербальной частей.

Материал исследования – это процесс смыслового восприятия десяти КТ испытуемыми, которые фиксировали результаты своего смыслового восприятия в самоотчётах при помощи анкет. В общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева было показано, что сознание-процесс и сознание-образ – это превращённые формы одной и той же сущности, так как сознание-образ содержит в себе в «свёрнутом» виде внешнюю познавательную деятельность [25]. Поэтому мы изучаем процесс смыслового восприятия КТ (сознание-процесс) на основе анализа сознания-образа, который овнешняется в анкетах испытуемых.

Целесообразно для дальнейшего изложения подчеркнуть, что мы изучаем процесс смыслового восприятия знаковых сообщений. Термин «смысловое восприятие речевого высказывания», введённый И.А. Зимней [6], указывает на то, что восприятие речевой цепи включает в себя не только перцептивное восприятие тел языковых знаков (в звуковой или графической форме), но и конструирование содержания мысли, отображённое в сознании реципиента в форме образов сознания тех предметов, которые во внешней речи были обозначены при помощи вербальных

моделей (слов, словосочетаний, предложений). Хотя реципиенту для восприятия предъявлялось только грамматически оформленное тело языкового знака (то есть только часть слова, только его субстанция, находящаяся в межсубъектном пространстве), он из образов своего сознания, ассоциированных с телами языковых знаков, образующих речевое сообщение, конструировал свою мысль как содержание воспринятого тела знака, которая соотносилась с мыслью говорящего только как её вариант. Поэтому содержание, ассоциированное с идентичными телами языкового знака, не является полностью идентичным у разных носителей языка: значения слов у носителей языка постоянно развиваются в зависимости от степени их участия в совместной деятельности с другими членами этноса.

Вернёмся к смысловому восприятию КТ. Как объект восприятия КТ представляют собой изображение предмета, снабжённое словом, обозначающим этот же предмет. Изображение в качестве предмета восприятия при помощи сетчатки глаза наблюдателя вызывает возникновение сенсорной массы, которая идентифицируется как изображение некоторого предмета при помощи перцептивного эталона, в роли которого выступает образ воспоминания, сформированный ранее при восприятии подобных предметов. В качестве перцептивного эталона может выступать не только образ воспоминания, но и языковой знак в виде образа тела языкового знака и ассоциированного с этим телом образа предмета (явления, действия), осмысливаемого как значение языкового знака. Использование как образа воспоминания в виде образа предмета, так и использование тела языкового знака, ассоциированного с образом предмета (значение), есть процесс категоризации, то есть подведение образа воспринимаемого предмета под класс образов предметов, выступающих перцептивными эталонами, или подведение под класс образов тел языковых знаков.

Итак, процесс восприятия любого предмета реальной действительности предполагает наличие следующей феноменологии:

- *предмет в виде изображения*, зрительное восприятие которого приводит к образованию в сетчатке глаза наблюдателя сенсорного отклика (*сенсорной массы*), позволяющего видеть в зрительном образе сам наблюдаемый предмет;
- *образ предмета восприятия*, формируемый в результате сравнения образовавшейся сенсорной массы с сенсорной массой образов сознания, хранящихся в сознании наблюдателя в качестве образов воспоминания с функцией перцептивного эталона;
- *перцептивный эталон*, в функции которого выступает образ предмета (как образ воспоминания), или образ тела языкового знака.

В КТ, смысловое восприятие которых экспериментально исследуется в нашей работе, в качестве вербального текста фигурирует слово, имеющее функции текста, так как оно, сопровождаемое изображением предмета, обозначенного словом, соотносит весь КТ с реальной действительностью. Смысловое восприятие каждого КТ приводит к формированию значения слова в виде образа предмета, обозначенного словом, и после этого образ служит перцептивным эталоном при восприятии изображённого предмета.

Тело каждого вербального знака в любом нашем КТ дано в виде графемы русского современного языка, восприятие которой приводит к накоплению сенсорной массы в органах зрительного восприятия, опознаваемой при помощи образов воспоминания о ранее воспринятых подобных графемах. После опознания графемы, входящей в состав изучаемых КТ, реципиент вызывает из памяти образ предмета (в качестве значения), ассоциированный с опознанной графемой.

При смысловом восприятии КТ, изучаемых в нашем экспериментальном исследовании, опознанная и понятая графема выступает дублёром слова, использованного ранее в сознании наблюдателя в качестве перцептивного эталона для идентификации образа изображённого предмета, однозначно определяя его, даже если при первичном формировании образа изображённого предмета в качестве перцептивного эталона использовался только образ воспоминания, в виде образа аналогичных, ранее воспринятых предметов. Подчёркнём, что образ слова сначала использовался в сознании наблюдателя на этапе чувственного восприятия в ходе категоризации для себя, а затем образ этого же слова использовался для построения вербальной модели в речевом высказывании

другому, то есть реципиенту. Иначе говоря, КТ, содержащий изображение некоторого предмета и графему, значение которой дублирует значение изображения, создаёт предпосылку для однозначного понимания содержания КТ.

Эксперимент

Эксперимент осуществлялся при помощи семантического дифференциала Ч. Осгуда [17].

Испытуемые (28 студентов московского вуза, в возрасте от 19 до 23 лет обоого пола) получали для смыслового восприятия 10 изображений, а также 10 КТ и 10 текстов (то есть три различных вида текстов) с задачей просмотреть их и зафиксировать результаты своего восприятия в анкете, в которой предлагалось оценить каждый объект по биполярным шкалам, содержащимся в анкете.

Анкета

Инструкция: оцените по шкале от -3 до 3, насколько каждое из предложенных Вам качеств характеризует данные ценности.

Пол: Возраст   Дата: Место: Специальность:

	-3 -2 -1 0 1 2 3												
1	Неприятный – приятный												
2	Темный – светлый												
3	Безобразный – красивый												
4	Пассивный - активный												
5	Медленный – быстрый												
6	Хаотичный - упорядоченный												
7	Изменчивый - устойчивый												
8	Неподвижный – движущийся												
9	Простой – сложный												
10	Таинственный - обычный												
11	Маленький – большой												
12	Слабый – сильный												
13	Легкий - тяжелый												
14	Опасный - безопасный												
15	Мягкий – твердый												
16	Грубый - нежный												

Рис.11. Образец анкеты

Факторы, образованные биполярными шкалами

- 1. Активность** (неподвижный – движущийся, медленный – быстрый, пассивный – активный, опасный – безопасный)
- 2. Оценка** (неприятный – приятный, безобразный – красивый, грубый – нежный)
- 3. Сила** (маленький – большой, лёгкий – тяжёлый, слабый – сильный)
- 4. Обычность** (таинственный – обычный, тёмный – светлый, простой – сложный)
- 5. Упорядоченность** (хаотичный – упорядоченный, мягкий – твёрдый, изменчивый – устойчивый)

Три семантических пространства, образованные разными факторами, демонстрируют взаимное расположение вербальных и невербальных компонентов КТ и собственно КТ.

Рис. 2-4. Семантическое пространство

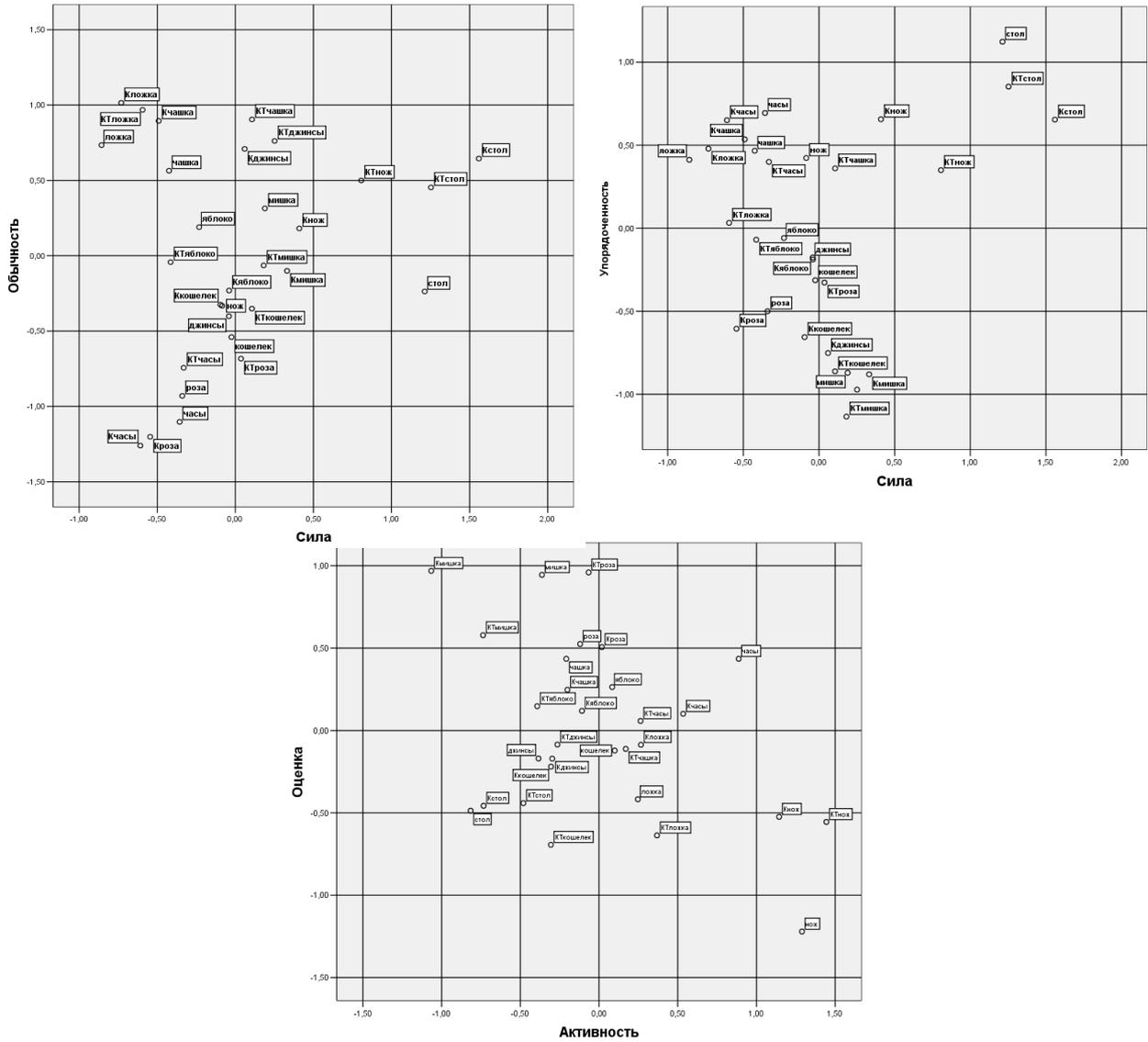

Рис. 12-14. Семантические пространства

Далее показаны диаграммы, в которых ранжированы все экспериментальные объекты:

Активность (неподвижный – движущийся, медленный – быстрый, пассивный – активный, опасный – безопасный)

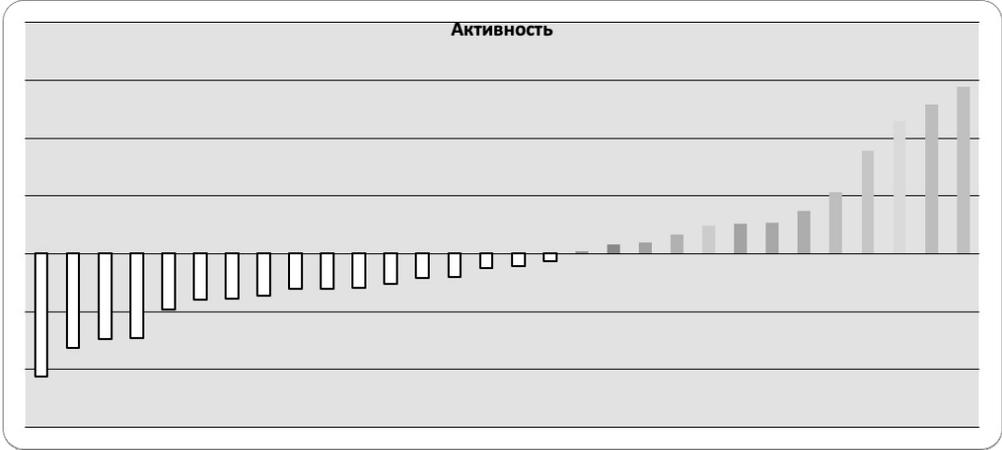

Рис.15. Диаграмма «Активность»

Как видно по диаграмме рис.1, по фактору **Активность** наибольшее значение имеет *нож* во всех трёх вариантах предъявления. Однако креолизованный вариант воспринимается как более активный. Далее следует значение по этому фактору для вербального варианта и затем картинка с этим предметом. То, что нож воспринимается как наиболее активный предмет среди этого набора, вполне ожидаемо. Следующий объект в пространстве этого фактора – *часы*, причём наибольшее значение имеет вербальный вариант. Картинка и КТ имеют значительно меньшие и равные значения. Если *нож* оценивается как опасный, то *часы* оцениваются противоположным образом.

На другом полюсе этого фактора картинка *мишка* (детская игрушка), КТ *мишка*, а также слово *стол*, картинка *стол* и КТ *стол*. Вполне очевидно, что объекты не воспринимаются как активные и опасные.

Оценка (неприятный – приятный, безобразный – красивый, грубый – нежный)

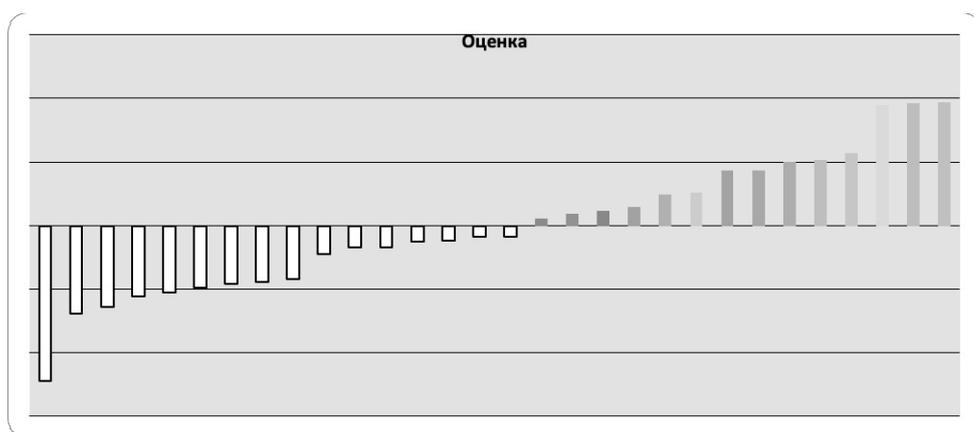

Рис.16. Диаграмма «Оценка»

По фактору **оценка** наибольшие значения имеют объекты *мишка* и *роза* во всех трёх вариантах представления: картинка, текст и КТ. *Часы* и *чашка* в вербальном варианте также имеют достаточно большие значения. Часы на картинке и креолизованный вариант оцениваются значительно ниже. Вероятно, на картинке *часы* недостаточно привлекательны, что и повлекло снижение оценки КТ.

На противоположном полюсе *нож* имеет самое большое значение. Затем следуют *кошелёк*, *ложка*, *нож* в креолизованном варианте, но в виде изображения и названия эти предметы имеют более высокую оценку.

Сила (маленький – большой, лёгкий – тяжёлый, слабый – сильный)

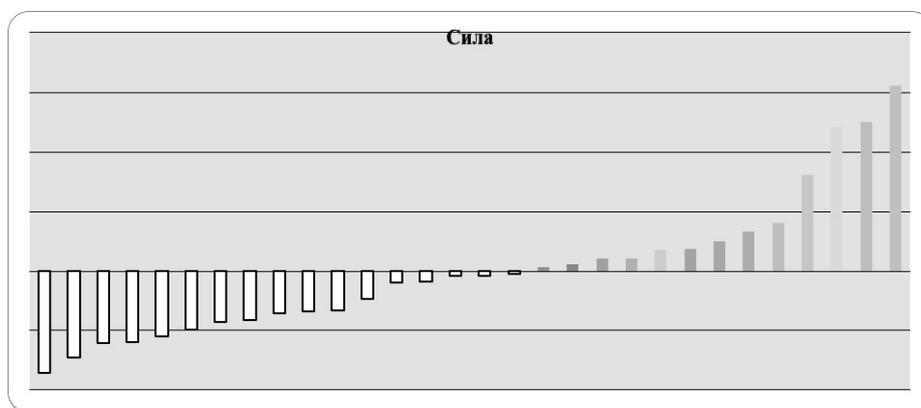

Рис.17. Диаграмма «Сила»

По фактору **сила** больше всего выделяется *стол*. Все три варианта предъявления этого объекта имеют близкие значения, но вариант картинки несколько больше. *Нож* как КТ по этому фактору имеет значение немного меньше. Надо отметить, что вербальный вариант переходит в область другого полюса этого фактора.

Ложка, часы, роза, чашка находятся на другом полюсе этого фактора. Можно отметить, что креолизованный вариант *розы* по этому фактору имеет оценку выше, чем картинка и вербальный вариант. То же самое можно сказать и про *часы, ложку и чашку*. Можно предположить, что изображение объекта поляризует восприятие этого объекта.

Обычность (таинственный – обычный, тёмный – светлый, простой – сложный)

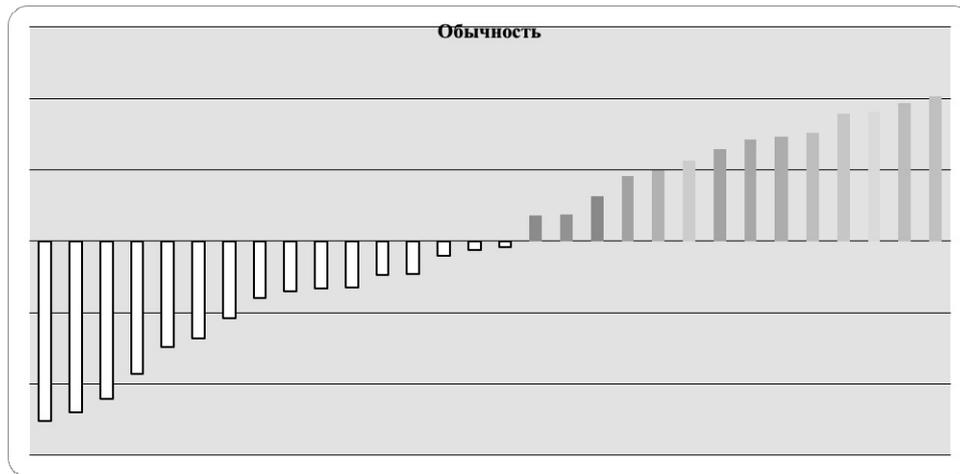

Рис.18. Диаграмма «Обычность»

По фактору **Обычность** наибольшие значения имеют предметы домашнего обихода, что вполне ожидаемо. В вербальном варианте эти же объекты воспринимаются как более необычные. Как необычные воспринимаются *часы, роза, кошелёк*.

По фактору **Упорядоченность** *стол* имеет максимальное значение, так как по шкалам упорядоченный, твёрдый, устойчивый имеет достаточно большие оценки. *Часы* ассоциируются с упорядочением времени и также находятся близко к этому полюсу. На противоположном полюсе предметы, которые воспринимаются как мягкие, изменчивые: *мишка, роза, кошелёк, джинсы*. Причём объекты, содержащие изображения этих предметов, имеют большее значение неупорядоченности (хаотичности).

Упорядоченность (хаотичный – упорядоченный, мягкий – твёрдый, изменчивый – устойчивый)

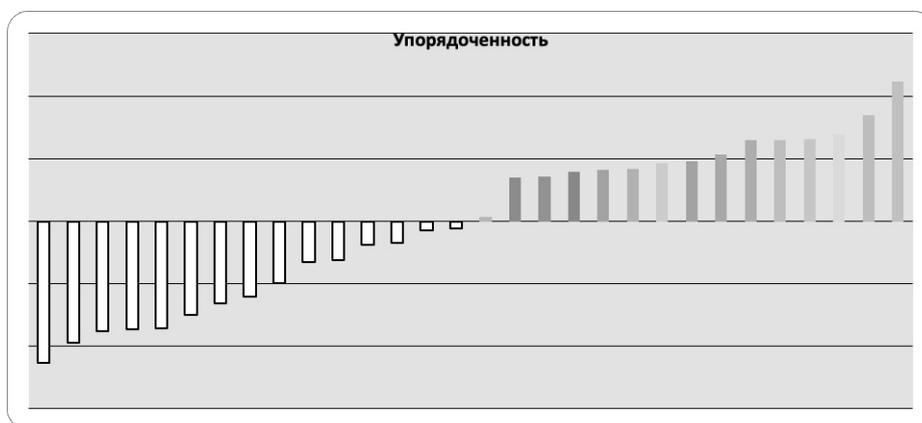
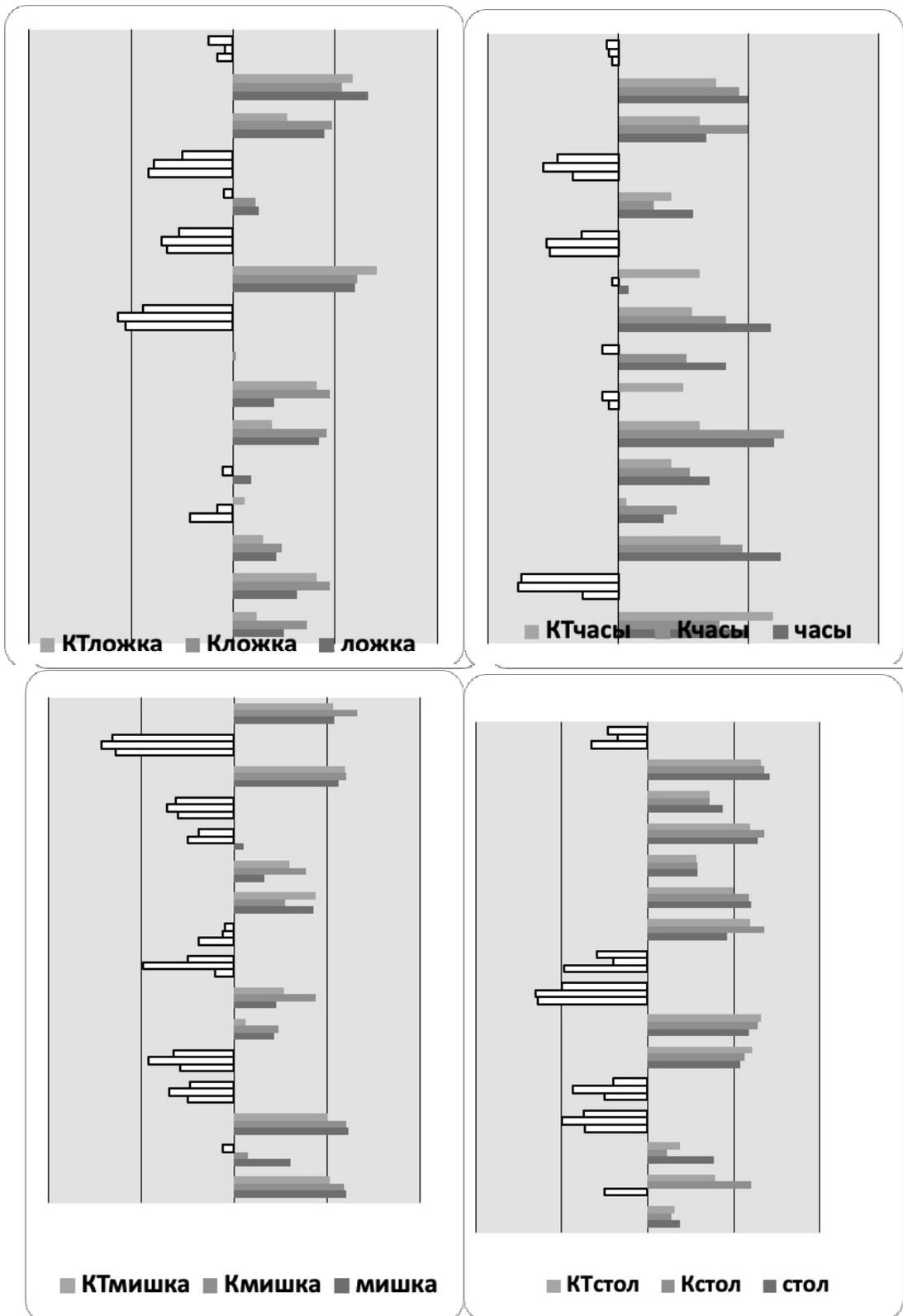
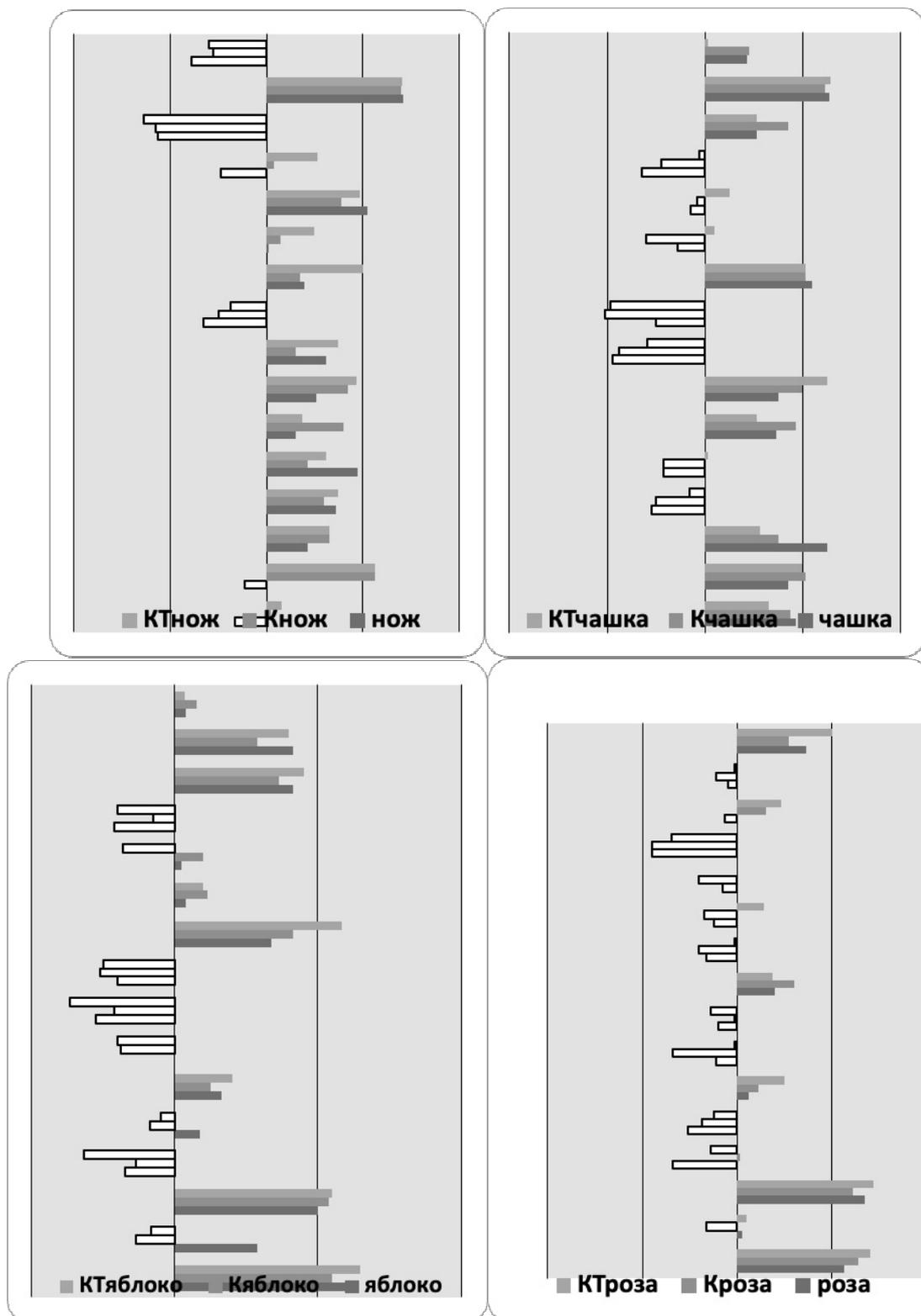

Рис.19. Диаграмма «Упорядоченность»

На приведённых ниже графиках показаны шкальные оценки каждого экспериментального объекта, данного в трёх формах: в виде изображения, слова и КТ:

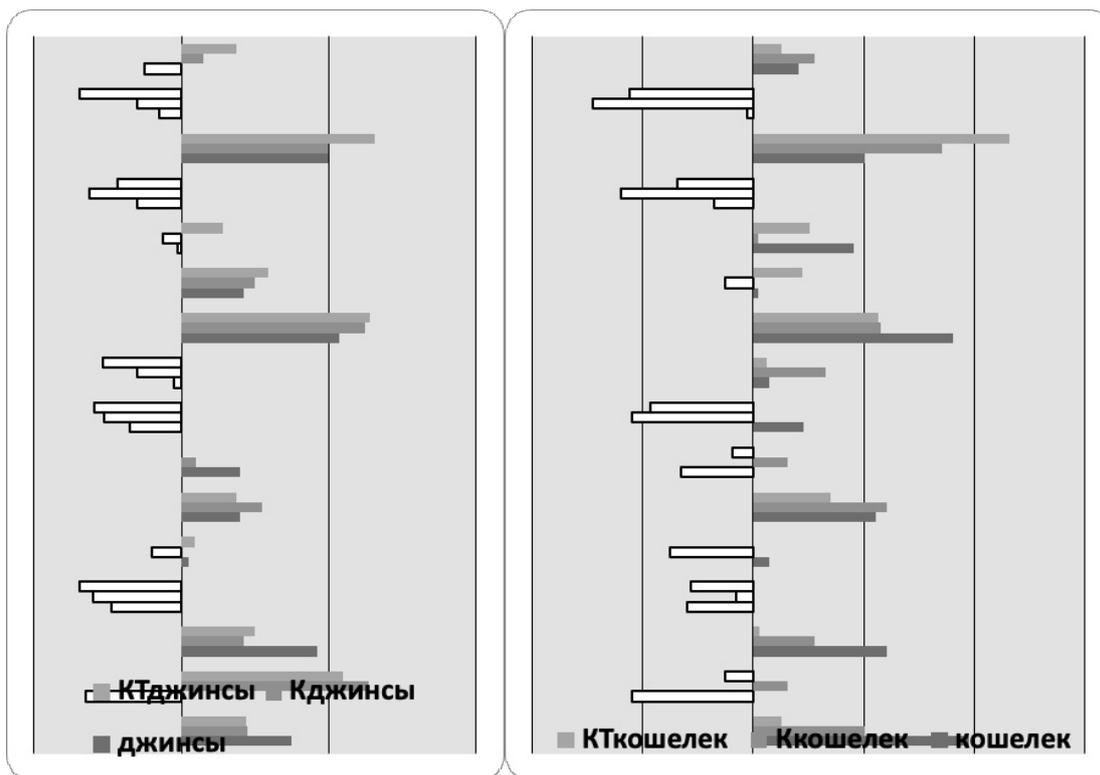

Рис. 20-29. Оценки предъявленных объектов

Графики 1-10 показывают шкальные оценки, данные испытуемыми каждому из десяти экспериментальных объектов, существующих в виде:

1. КТ;
2. изображения;
3. названия предмета, выраженного словом.

Эти графики дублируют характеристики десяти экспериментальных объектов, показанных в семантических пространствах, что делает представление о них более наглядным.

Выводы

1. Семантический дифференциал Ч. Остуда можно считать адекватным инструментом для анализа процесса смыслового восприятия КТ, так как он позволяет вскрыть различия в смысловом восприятии образов сознания, отображающих КТ, предмет и слово.
2. Результаты анализа адекватно, но с разной степенью достоверности могут быть представлены в виде семантических пространств, диаграмм, ранжирующих объекты по одному критерию, графиков, отображающих шкальные оценки экспериментальных объектов.
3. Сопоставительный анализ смыслового высказывания собственно КТ, его вербального (слово) и невербального компонентов (цветные изображения) показал, что смысловое восприятие некоторых культурных предметов в виде изображений и в виде слов в структуре КТ обладают синергетическим эффектом.
4. Главным выводом, который можно сделать на основе проведённого анализа результатов экспериментального восприятия, это то, что значение слов, использовавшихся в эксперименте в качестве вербальной части КТ, трансформирует своё содержание (значение) за счёт привлечения знаний о субстанции предметов, обозначенных словом. Это изменение фиксируют шкалы, входящие в фактор «оценка». Иначе говоря, можно утверждать, что происходит повышение уровня сознания качества предметности объектов, воспринимаемых в эксперименте. Когда реципиент пытается понять КТ, он, в конечном итоге, формирует в сознании некоторый образ предмета, ре-

презентированного в КТ. Субъект речевого воздействия предъявляет реципиенту КТ, в котором уже репрезентирован этот образ в виде рисунка предмета. Рисунок ограничивает вариативность построения образа предмета реципиентом, «подсказывая» ему образ, который он должен сформировать в своём сознании.

© Матвеев М.О., Нистратов А.А., Поликарпов Д.М., Тарасов Е.Ф., 2021

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. Иностран. яз. вузов / Е.Е. Анисимова. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
2. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста / К постановке проблемы / Е.Е. Анисимова. // Филологические науки. 1996. С. 74-85.
3. Бехтель Э. Контекстуальное опознание / Э. Бехтель, А. Бехтель. СПб., 2005. 336 с.
4. Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: дисс. ... докт. фил. наук. / И.В. Вашунина. М.: ИЯз РАН, 2009. 511 с.
5. Головина Л.В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста / Л.В. Головина. Автореф. дис. к. филол. н., М., 1986. 21 с.
6. Елина Е.А. Изобразительное искусство в интерпретациях (лингво-семиотический взгляд) / Е.А. Елина. Саратов: Наука, 2012. 160 с.
7. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения / И.А. Зимняя. М., 1976. С. 5-33.
8. Кнорозов Ю. В. Письменность древних майя : Опыт расшифровки / Ю. В. Кнорозов. М. Советская этнография, 1955. С.94–125.
9. Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя / Ю.В. Кнорозов. М. 1955. 96 с.
10. Кудин П.А. Психология восприятия и искусство плаката / П.А. Кудин, Б.Ф. Ломов, А.А. Митькин. М.: «Плакат», 1987. 208 с.
11. Леонтьев А.Н. Философия психологии / А.Н. Леонтьев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 287 с.
12. Морозов В.П. Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования / В.П. Морозов. М. «Когито-Центр», 2017. 528 с.
13. Морозов В.П. Язык эмоций и эмоциональный слух, Избранные труды. / В.П. Морозов. М., Когито-Центр, 2017. 560 с.
14. Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций / С.Э. Поляков. СПб.: Питер, 2011. 688 с.
15. Ричардсон Д. Мысленные образы. Когнитивный подход / Д. Ричардсон. Litres, 2019. 365 с.
16. Сонин А.Г. Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов / А.Г. Сонин, П.Н. Махнин // Вопросы психолингвистики, 2003(1), с. 43-56.
17. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания, 2005(6), с. 115-123.
18. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов // Вопросы психолингвистики, 2004 (2), с. 77-90.
19. Allport F.H. Theories of Perception and the concept of structure. N.Y., Wiley, 1955, ch.3, pp.58-66.
20. Osgood, C.E. Semantic differential technique in the comparative study of cultures. // American Anthropologist, 66(3),1964. Pp. 171-200.
21. Paivio A. Chapter 11 – The relationship between verbal and perceptual codes // Perceptual Coding / ed. E. C. Carterette, M. P. Friedman.: Academic Press, 1978. pp. 375-397.
22. Paivio A. Imagery and synchronic thinking // Canadian Psychological Review/Psychologie canadienne. 1975. T. 16. № 3. pp. 147-163.
23. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. : Psychology Press, 2013. 609 p.
24. Paivio A. Mental comparisons involving abstract attributes // Memory & Cognition. 1978. T. 6. № 3. pp. 199-208.
25. Paivio A. Mental Representations: A Dual Coding Approach. : Oxford University Press, 1990. 338 p.

References

1. Anisimova, E.E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov)*: Ucheb. posobie dlia stud. fak. inostr. iaz. vuzov [Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts): Textbook manual for stud. fac. foreign lang. universities] / E.E. Anisimova. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2003. 128 s.
2. Anisimova, E.E. O tselostnosti i sviaznosti kreolizovannogo teksta / K postanovke problem [On the integrity and coherence of the creolized text / On the problem statement] / E.E. Anisimova. // *Filologicheskie nauki*. 1996. S. 74-85.
3. Bekhtel', E. *Kontekstual'noe opoznanie* / E. Bekhtel', A. Bekhtel'. SPb., 2005. 336 s.
4. Vashunina, I.V. *Vzaimovliianie verbal'nykh i neverbal'nykh (ikonicheskikh) sostavliaiushchikh pri vospriatii kreolizovannogo teksta*: diss. ... dokt. fil. nauk. [Mutual influence of verbal and non-verbal (iconic) components in the perception of creolized text: diss. ... doct. phil. sciences.] / I.V. Vashunina. M.: IIAz RAN, 2009. 511 s.

5. Golovina, L.V. *Vzaimovliianie ikonicheskikh i verbal'nykh znakov pri smyslovom vospriiatii teksta* [The mutual influence of iconic and verbal signs in the semantic perception of the text] / L.V. Golovina. Avtoref. dis. .k. filol. n., M., 1986. 21 s.
6. Elina, E.A. *Izobrazitel'noe iskusstvo v interpretatsiakh (lingvo-semioticheskii vzgliad)* [Visual arts in interpretations (linguistic and semiotic view)] / E.A. Elina. Saratov: Nauka, 2012. 160 s.
7. Zimniiaia I.A. *Smyslovoe vospriiatie rechevogo soobshcheniia* [Semantic perception of a speech message] / I.A. Zimniiaia. M., 1976. S. 5-33.
8. Knorozov, Iu. V. *Pis'mennost' drevnikh maiia : Opyt rasshifrovki* [Ancient Maya Writing: An Experience of Decoding] / Iu. V. Knorozov. M., Sovetskaia etnografiia, 1955. S.94-125.
9. Knorozov, Iu.V. *Sistema pis'ma drevnikh maiia* [Ancient Maya writing system] / Iu.V. Knorozov. M., 1955. 96 s.
10. Kudin, P.A. *Psikhologiya vospriiatii i iskusstvo plakata* [Perceptual psychology and poster art] / P.A. Kudin, B.F. Lomov, A.A. Mit'kin. M.: «Plakat», 1987. 208 s.
11. Leont'ev, A.N. *Filosofia psikhologii* [Philosophy of Psychology] / A.N. Leont'ev. M.: Izd-vo Mosk, un-ta, 1994. 287 s.
12. Morozov, V.P. *Neverbal'naiia kommunikatsiia. Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniia* [Non-verbal communication. Experimental Psychological Research] / V.P. Morozov. M. «Kogito-Tsentr», 2017. 528 s.
13. Morozov, V.P. *Iazyk emotsii i emotsional'nyi slukh, Izbrannye Trudy* [The language of emotions and emotional hearing, Selected works] / V.P. Morozov. M. Kogito-Tsentr, 2017. 560 s.
14. Poliakov, S.E. *Fenomenologiya psikhicheskikh reprezentatsii* [The phenomenology of mental representation] / S.E. Poliakov. SPb.: Piter, 2011. 688 s.
15. Richardson, D. *Myslennye obrazy. Kognitivnyi podkhod* [Mental images. Cognitive approach] / D. Richardson. Litres, 2019. 365 s.
16. Sonin, A.G. *Obshchepsikhologicheskie i kognitivnye mekhanizmy ponimaniia mul'timediinykh tekstov* [General psychological and cognitive mechanisms of understanding multimedia texts] / A.G. Sonin, P.N. Makhnin // *Voprosy psikhologingvistiki*, 2003(1), s. 43-56.
17. Sonin, A.G. *Eksperimental'noe issledovanie vospriiatii izobrazitel'no-verbal'nykh reklamnykh tekstov* [An experimental study of the perception of visual-verbal advertising texts] // *Voprosy psikhologingvistiki*, 2004 (2), s. 77-90.
18. Sonin, A.G. *Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniia* [Experimental study of polycode texts: main directions] // *Voprosy iazykoznaniiia*, 2005(6), s. 115-123.
19. Allport, F.H. *Theories of Perception and the concept of structure*. N.Y., Willey, 1955, ch.3, pp.58-66.
20. Osgood, C.E. *Semantic differential technique in the comparative study of cultures*. // *American Anthropologist*, 66(3), 1964. Pp. 171-200.
21. Paivio, A. Chapter 11 – The relationship between verbal and perceptual codes // *Perceptual Coding* / ed. E. C. Carterette, M. P. Friedman: Academic Press, 1978. pp. 375-397.
22. Paivio, A. *Imagery and synchronic thinking* // *Canadian Psychological Review/Psychologie canadienne*. 1975. T. 16. № 3. pp. 147-163.
23. Paivio, A. *Imagery and Verbal Processes* : Psychology Press, 2013. 609 p.
24. Paivio, A. *Mental comparisons involving abstract attributes* // *Memory & Cognition*. 1978. T. 6. № 3. pp. 199-208.
25. Paivio, A. *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. : Oxford University Press, 1990. 338 p.

Сведения об авторах:

Матвеев Михаил Олегович – преподаватель кафедры английского языка №2 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, переводоведение. E-mail: mike-matveev@mail.ru

Нистратов Александр Алексеевич – научный сотрудник факультета психологии МГУ. Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, математика. E-mail: a.nistratov@mail.ru

Поликарпов Дмитрий Михайлович – инженер-исследователь национального исследовательского центра «Курчатовский институт». E-mail: polikarpovdm@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович – доктор филологических наук, зав. отделом психолингвистики ИЯз РАН. Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика. E-mail: eft35@mail.ru

About the authors:

Matveev Mikhail O. – Lecturer of the Department of English Language No. 2 at MGIMO (Russia, Moscow). Sphere of scientific and professional interests: psycholinguistics, translation studies. E-mail: mike-matveev@mail.ru

Nistratov Alexander A. – Research Fellow, Department of Psychology, Moscow State University. Sphere of scientific and professional interests: psycholinguistics, mathematics. E-mail: a.nistratov@mail.ru

D.M. Polikarpov – Researcher at National Research Center «Kurchatov Institute». Sphere of scientific and professional interests: psycholinguistics, mathematics. E-mail: polikarpovdm@mail.ru

Tarasov Evgeny F. – Head of the Department of Psycholinguistics, INL RAS. Sphere of scientific and professional interests: psycholinguistics. E-mail: eft35@mail.ru

* * *

ABOUT SOME PECULIARITIES OF EXPRESSIVE SYNTAX IN ENGLISH POPULAR PRESS

A.V. Mikhailcheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Lenin prospect, Tula, 300026, Russian Federation

Abstract. *The article is devoted to the problems of expressive syntax and its role in transmitting the author's communicative intentions. According to the dominating cognitive-discourse paradigm at present, scientists are interested in researching the manifestations of the author's perception of transmitted information and their impact on the form of its presentation. Due to the dominating role of mass media in the contemporary world, it seems of great importance to reveal the way they influence the collective mind of the readers. In this connection expressive syntax plays a very important role in the process of communication via media text. The main aim of the research is to analyze functional and linguistic peculiarities of expressive syntax in media texts as a means of the author-reader interaction. In this article the research of the expressive syntax means is conducted on the basis of two English magazines. The topics and cognitive peculiarities of the readers play a great role in choosing proper expressive means and are required to be considered as a system. The results of the analysis show that the main means of expressive syntax in popular press is a parenthetical phrase serving to give the author's comments, define terms and toponyms, or add extra information, satisfying the readers' curiosity. The result also shows that due to different cognitive attitudes, types of creation (individual or collective) and segments of its targeted audience, National Geographic articles, unlike The Economist ones, contain more variable means of expressive syntax.*

Key Words: *expressivity, expressive syntax, media discourse, media text, popular press, and parenthetical phrase*

For citation: Mikhailcheva A.V. 2021. About Some Peculiarities of Expressive Syntax in English Popular Press. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 60–67. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-60-67>

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ПРЕССЫ

А.В. Михалчева

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
300026, г. Тула, пр. Ленина, 125

Аннотация. *Статья посвящена проблемам экспрессивного синтаксиса и роли данной категории в передаче коммуникативных интенций автора. Согласно главенствующей когнитивно-дискурсивной парадигме исследований в настоящее время интерес учёных привлекает проявление авторского восприятия передаваемой информации и его влияние на форму изложения материала. В связи с доминирующей ролью средств массовой коммуникации становится необходимым выявление способов воздействия автора на коллективное сознание реципиентов. Особую роль в данном способе управления разумом читателей играют механизмы экспрессивного синтаксиса, выступающие ключевым звеном в передаче как объективной, так и субъективной информации. Целью исследования является выявление функционально-лингвистических особенностей экспрессивного синтаксиса, используемого для речевого взаимодействия автора и реципиента посредством медиатекста. В рамках данной статьи проводится исследование двух англоязычных изданий, в которых с помощью метода сплошной выборки были выделены механизмы передачи категории экспрессивности на синтаксическом уровне. Для проведения системного исследования приёмов экспрессивного синтаксиса было необходимо определить особенности как самих изданий, их тематики и когнитивных установок, так и ключевые характеристики читательской аудитории, которые необходимо учитывать при выборе экспрессивных синтаксических средств. Основным приёмом экспрессивного синтаксиса в обоих изданиях, относящихся к популярной прессе, является парентетическая конструкция, используемая как для авторского комментария и раскрытия значения терминов или топонимов, так и для сообщения дополнительной информации. Исследование также показало, что в связи с разными когнитивными установками, типом создания (авторский или корпоративный) и сегментами целевой аудитории в журнале National Geographic, в отличие от The Economist, присутствует большее разнообразие применяемых средств экспрессивности.*

Ключевые слова: *экспрессивность, экспрессивный синтаксис, медиадискурс, медиатекст, популярная пресса, парентетическая конструкция*

Для цитирования: Михалчева А.В. 2021. О прагматических особенностях экспрессивного синтаксиса в текстах англоязычной популярной прессы. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 60–67. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-60-67>

Введение

Изучение категории экспрессивности является одним из ключевых направлений в современной лингвистике. Такой интерес учёных обосновывается важностью данной категории в трансляции субъективной стороны речи и во влиянии на сознание адресата сообщения. И.В. Арнольд определяет экспрессивность как свойство текста, передающее смысл с «увеличенной интенсивностью» [4, с. 206]. Учёный считает, что результатом проявления экспрессивности выступает эмоциональное или логическое усиление, которое может быть образным, как в случае с использованием стилистических фигур, так и необразным, подразумевая грамматические средства интенсификации. Особую значимость в прагматическом воздействии на реципиента имеют экспрессивные синтаксические конструкции, поскольку именно единицы синтаксиса играют огромную роль в построении высказывания и передаче закладываемой объективной и субъективной информации, непосредственно соотносясь с мыслительным и коммуникативным процессами [7]. Основной целью данного исследования является описание механизмов экспрессивного синтаксиса и заложенного в них прагматического потенциала, благодаря которому становится возможным не только речевое взаимодействие автора и реципиента в рамках медиатекста, но и воздействие на сознание последнего.

Экспрессивный синтаксис можно определить как «учение о построении выразительной речи, предметом изучения которой являются лингвистические основы экспрессивной речи» [2, с. 7].

Основы теории экспрессивного синтаксиса заложены в работах таких учёных как Г.Н. Акимова, О.В. Александрова, Э.М. Береговская и др. Г.Н. Акимова утверждает, что синтаксический уровень языка выступает наиболее продуктивным в передаче экспрессии, ключевой характеристикой выражения которой она называет повышение выразительности за счёт присутствия стилистического эффекта и нарушения стандартного строя предложения [1]. Ведущим приёмом экспрессивного синтаксиса учёный называет конструкции расщеплённого синтаксиса, нарушающие привычный порядок слов и изменяющие просодический рисунок высказывания, делая его экспрессивным.

О.В. Александрова считает, что ключевым моментом изучения экспрессивного синтаксиса является рассмотрение синтаксических связей как в предложении, так и в их взаимодействии в рамках сверхфразового единства, благодаря чему учёный выделяет несколько уровней синтаксической экспрессии. В зависимости от возникающей между элементами синтаксической связи, учёный выделяет уровень словосочетаний, уровень компонентов актуального членения предложения и уровень базовых и парентетических конструкций [2]. Несмотря на разные синтаксические связи и разную роль в предложении, О.В. Александрова доказывает, что выделяемые уровни существуют в комплементарности, то есть дополняют друг друга в процессе их реализации в речи.

Э.М. Береговская в рамках экспрессивного синтаксиса уделяет особое внимание изучению пунктуации и конструкций, образованных по принципу симметрии/асимметрии, к которым она относит хиазм, зевгму и градацию [5]. Учёный отмечает, что необходимо проводить анализ не только формы экспрессивных синтаксических фигур, но и учитывать их семантику, которая может оказаться ключом к правильному пониманию транслируемой фактической и прагматической информации.

Материалом исследования вышеупомянутых подходов выступали тексты художественного стиля. В рамках установившейся в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы [3] изучение экспрессивного синтаксиса получает новые черты. Объектом исследования становится не текст, а дискурс во всех особенностях его функционирования. В последние десятилетия огромное внимание стало уделяться изучению именно дискурса СМИ или медиадискурса.

Т.Г. Добросклонская проводит масштабные исследования текстов англоязычных СМИ с целью определения ключевых особенностей выделяемого ею медиадискурса, к которым она относит размытие стилевых границ, распространение норм устной речи и тиражирование ошибок. Ключевой особенностью медиатекста Т.Г. Добросклонская выделяет отражение самых незначительных изменений речепотребления и их распространение из-за охвата огромной аудитории и проникновения в практически любую сферу деятельности человека [6].

Методы исследования

В связи с увеличивающейся ролью и воздействием средств массовой информации на жизнь людей и развитие литературного языка становится очевидным, что необходимо проследить, каким образом медиадискурс воздействует на сознание реципиента, с помощью каких средств автору удаётся задействовать когнитивную и эмоциональную сферы личности своих читателей. Именно поэтому в данной статье будет произведена попытка комплексного анализа конструкций экспрессивного синтаксиса и их роль в воздействии на реципиента. В качестве материала исследования были использованы статьи англоязычных журналов National Geographic и The Economist, объединённые общей темой «Экология». Основными применяемыми методами исследования были выбраны метод сплошной выборки, позволяющий выделить в тексте приёмы экспрессивного синтаксиса, метод контекстологического анализа, благодаря которому становится возможным понять влияние контекста на раскрытие прагматического смысла экспрессивной синтаксической конструкции, и метод сопоставительного анализа, с помощью которого будет произведено сравнение применяемых средств экспрессивного синтаксиса в двух изданиях. Перечисленные методы позволяют не только выделить приёмы экспрессивного синтаксиса, но и проследить закономерность их применения, раскрыть их прагматический потенциал, а также выявить коммуникативные интенции автора.

Когнитивные установки анализируемых изданий

Прежде чем перейти к непосредственному анализу конструкций экспрессивного синтаксиса, выбранных методом сплошной выборки, необходимо кратко охарактеризовать исследуемые издания и их читательскую аудиторию. Журнал National Geographic является официальным изданием Национального географического сообщества. Издание совмещает в себе развлекательную и просветительскую деятельность, повествуя как о достижениях науки и интересных фактах о нашей планете, так и о печальных последствиях тяжёлых военных конфликтов или противостояний между различными национальностями. Лингвистическое наполнение статей дополняют различные визуальные средства: схемы, диаграммы, графики, отражающие основные этапы развития описываемых в статье событий. Огромную роль в издании играют фотографии, которые важны как в передаче эмоций главных героев статей, так и в создании эстетического эффекта для читателей. К целевой аудитории данного журнала относятся обычные люди, которые интересуются окружающим миром и достижениями науки, имеющими важное значение для жизнедеятельности человека. Удовлетворяя познавательный интерес своих читателей, авторы статей воздействуют на их сознание, провоцируя деятельность или хотя бы размышления о том, как сделать наш мир лучше.

Издание The Economist изначально было создано для оппозиции государственной политике. В современном виде в журнале освещаются мировые экономические и политические события. Аналитика в этих журналах содержит не только проверенные факты и цитаты довольно значимых в своей сфере деятельности людей, но и отражает общую для редакции точку зрения, передаёт их мнение и оценку. В отличие от National Geographic, где иллюстрации занимают большое место в общем объёме каждого выпуска, в журнале The Economist визуальным средствам уделяется достаточно скромная роль: в статьях представлен либо карикатурный образ описываемых событий, либо проиллюстрирован предмет, имеющий особое значение в раскрытии смысла статьи. Целевой аудиторией издания являются люди, деятельность которых связана с экономической и политической сферой, бизнесмены, и все читатели, интересующиеся мировыми событиями. Большая часть выпуска посвящена информационно-аналитической справке, но выделяются две рубрики (Science and Technology и Books and Arts), которые так же, как и National Geographic, освещают актуальное развитие научных достижений или отражают состояние современных культурных мероприятий и событий.

Как видно из характеристики двух англоязычных изданий, в них отражаются разные когнитивные установки, они ориентированы на определённую целевую аудиторию. Более того, можно утверждать, что доминирующей функцией текстов The Economist является информирование читателей, в то время как статьи National Geographic направлены как на информирование, так и на воздействие на своих реципиентов, что реализуется различными средствами трансляции информации: не только лингвистическими, но и визуальными. Именно благодаря выделению таких различий, необходимо проследить, посредством каких средств происходит воздействие на читателей, как авторы используют средства языка для прагматического влияния на читателя.

Функционально-лингвистический анализ приёмов экспрессивного синтаксиса

Проанализируем две статьи, объединённые темой «Экология». В журнале National Geographic была выбрана статья «Last Ice». В статье автор пытается привлечь внимание общественности к проблеме таяния ледников вследствие глобального потепления. Автор на примере изменения внешнего вида ледников Арктики пытается донести до читателей неизбежный печальный конец, если не будут предприняты действия со стороны правительств разных государств и международных организаций по защите окружающей среды. Рассмотрим, посредством каких экспрессивных

средств синтаксиса автор пытается воздействовать на читателя и передать своё видение сложившейся ситуации.

Стоит отметить, что доминирующим приёмом синтаксической экспрессивности в данной статье выступает использование парентетического внесения.

1. *They've just jumped into a lead – a long fissure of open water in the frozen sea [8, с. 98].*
2. *For reasons that scientists don't yet understand, marine mammals have tended to retain the same number of chromosomes—a key requirement for hybridization – as they diverged into different species and even genera [8, с. 109].*
3. *Right now, for example, Siberian ice contaminated with nickel and lead from the Russian industrial city of Norilsk – one of the world's most polluted places – sometimes drifts into the Canadian Arctic. There it poisons the food web as it melts [8, с. 109].*

В данных примерах автор использует парентезу для раскрытия определённых терминов (1), внесения дополнительных специальных знаний (2) и объяснения топонима (3). В первом примере вставная конструкция раскрывает понятие 'lead', что направлено на расширение кругозора читателей и их словарного запаса, так как данная лексическая единица является полисемантической. Во втором примере вставная конструкция содержит дополнительные данные, комментарии автора, в котором он указывает на важность информации для дальнейшего развития событий. В третьем примере парентеза не только раскрывает смысл топонима, но и объясняет выбор автором именно данного города для иллюстрации тяжёлых последствий загрязнения окружающей среды и подчёркивания их интернационального масштаба.

С помощью парентетической конструкции автор также создаёт визуальный и акустический образы описываемых явлений:

4. *Then, with a frenzied whine, the helicopter's rotor blades break the spell, and we lift off, veering southwest toward our campsite on the northernmost tip of Baffin Island, Canada, about 700 miles north of Hudson Bay [8, с. 98].*
5. *Since then more than a million square miles has been lost – an area roughly the size of Alaska, Texas, and California combined [8, с. 98-100].*

В примере (4) автор с помощью вставной конструкции описывает звук вертолёта (with a frenzied whine), что даёт читателю возможность представить себя на месте автора, почувствовать его ощущения. Предоставленная возможность сближает читателя и автора, способствует дальнейшему их общению посредством текста, усиливает прагматический потенциал статьи в целом. В (5) примере для описания масштаба экологической катастрофы, размеров растаявших ледников Антарктики, автор, ориентирующийся в основном на американских читателей, предлагает сравнить площадь повреждения поверхности с площадью нескольких американских штатов вместе взятых. Такая апелляция к воображению читателей, к визуализации карты США позволяет передать трагическое состояние ледников и призывает к действиям по прекращению пагубного воздействия человечества.

6. *As the planet heats up, the summer sea ice and all the superbly adapted life it supports – the bears, the seals, the walruses, the whales, the Arctic cod, the crustaceans, the ice algae – may well vanish around Baffin [8, с. 98].*

7. *As we fly over the vast frozen expanse, it almost strains belief to think that we're witnessing – and with the rest of humanity, helping to cause – its demise [8, с. 98].*

8. *The ice that does remain in the Arctic may provide a stable environment, albeit a compact one, for organisms that depend on ice [8, с. 108].*

9. *An aarluk – “kills everything” – is a killer whale; a tingugliktuq – “bad liver, don't eat” – is a horned lark. But some animals, such as robins, are so new to the Arctic that Ikummaq, at least, doesn't know names for them [8, с. 108].*

Данные примеры направлены на передачу последствий невмешательства человека в развитие экологической катастрофы. В (6) примере автор намеренно перечисляет все виды животных, которые могут вымереть, если лёд продолжит таять. Данное перечисление, во-первых, помогает читателю представить данных животных и растения, оценить масштаб катастрофы, а во-вторых,

вызывает эмоциональный отклик читателя, так как некоторые из животных хорошо ему знакомы. Автор называет семь видов, чтобы передать масштаб проблемы и дать возможность читателям осознать, что это коснётся всех обитателей планеты, в том числе и их самих. В следующем примере автор во вставной конструкции акцентирует внимание читателя на общей роли человечества в разрушении окружающей среды, тем самым ещё раз побуждает читателя задуматься и постараться уменьшить своё влияние любыми доступными способами. В примере (8) автор прибегает к употреблению интенсификатора (does) и уточнения благодаря парентезе (albeit a contrast one), выражая надежду на то, что, несмотря на разрушительный характер развивающейся экологической катастрофы, некоторые животные смогут адаптироваться к новым условиям жизни в новом, но достаточно маленьком по сравнению с нынешним, мире. В девятом примере автор приводит названия животных на языке эскимосов. Это делается не только для того, чтобы расширить кругозор читателей и познакомить их с другим языком. Автор поясняет, что из-за глобального изменения климатических условий уже сейчас многие животные, обитающие в других климатических зонах, переселяются в нехарактерные для них места обитания. Это свойственно и для обитателей Арктики, где неизвестные для коренного населения названия птиц (зарянки), проживающие в средней полосе, из-за изменения климата стали появляться в нехарактерных для их среды обитания местах. Это даёт читателям основание задуматься о дальнейших последствиях глобального потепления.

10. *Bowheads can live 200 years or more. (One way their age has been determined is by carbon-dating old harpoon points embedded in their bodies.)* [8, с. 109].

В приведённом примере вставная конструкция примечательна тем, что носит дополнительный, познавательный характер. Автор удовлетворяет любопытство читателей, рассказывая о способе измерения продолжительности жизни гренландских китов. Автор как бы отступает от основного повествования и сообщает информацию, которая не относится к теме статьи, но удовлетворяет любопытство читателей, расширяет их знания о природе.

Помимо парентетических конструкций в статье также присутствует неполный синтаксический параллелизм:

11. *It's a cold and foggy June afternoon; the inlet we're walking along is still frozen. Clouds have covered the sun for days now* [8, с. 108].

12. *The sun is out, the weather has finally lifted, and there's barely any wind* [8, с. 109].

Данные предложения выделяются из общего потока речи в статье как своим содержанием, так и структурой. В отличие от основной линии повествования, освещающей проблемы последствий глобального потепления и таяния ледников, данные предложения описывают погоду в дни пребывания автора в Арктике. Автор намеренно выделяет их с помощью параллелизма, чтобы читатели поняли, как проходило исследование, в каких условиях живут обитатели Арктики. Эти предложения, основанные на синтаксическом параллелизме, сближают читателей и автора, помогают им представить себя на месте журналиста.

Проанализировав приёмы экспрессивного синтаксиса в данной статье, можно сделать вывод об их использовании автором для акцентирования внимания своей читательской аудитории на возможных плачевных последствиях невмешательства в разрушение окружающей среды, для побуждения их к активным действиям и осознания своей роли в нынешнем экологическом состоянии планеты.

Перейдём к рассмотрению приёмов синтаксической экспрессивности, применяемых в издании *The Economist*. Статья «Climate Blame Game» затрагивает проблемы глобального потепления, причиной которого становятся парниковые газы. Основным приёмом синтаксической экспрессии в статье является использование парентетических конструкций.

1. *At the top of Mont Blanc, Western Europe's highest mountain, instruments recorded 7 C (the normal June temperature would be below freezing)* [9, с. 58].

В этом примере парентеза используется для уточнения информации, благодаря которой читателю предоставляется возможность сравнить обычную температуру с аномальной. Такие факты помогают понять, что глобальное потепление влияет на самые высокие уголки планеты. Также

вставная конструкция используется для раскрытия значения топонима (Mont Blanc) – чтобы сориентировать читателя в географии и подчеркнуть значимость такого температурного скачка для жизни читательской аудитории.

2. *The question on many people's minds is whether these changes, and specific events like this week's temperatures in America and Europe, are caused by greenhouse gases accumulating in the atmosphere [9, с. 58].*

Во втором примере вставная конструкция используется автором, чтобы провести аналогию с общими фактами о глобальном потеплении и примерами недавних событий, играющих непосредственную роль в жизни читателей. Благодаря обращению к реальным фактам, автор увеличивает воздействующий эффект статьи, соединяя теоретические рассуждения и реальные факты, известные читателям из средств массовой информации.

3. *Since then, research of this sort, intended to study how climate change is already promoting extreme weather, has grown rapidly [9, с. 58].*

Данное предложение иллюстрирует применение не только парентетической конструкции, но и использование инверсии – вынесение обстоятельства перед предикативной основой для акцентуации внимания читателей на отправной точке проведения исследований глобального изменения климата. В парентетической конструкции автор ещё раз уточняет цели исследования для облегчения понимания читателями содержания статьи.

Анализ приёмов синтаксической экспрессивности показал, что основным механизмом создания экспрессии в данной статье выступает парентетическая конструкция. Автор использует синтаксическую экспрессию в основном для уточнения какой-либо специфической информации, необходимой для раскрытия содержания статьи: раскрытия значения топонимов, соотнесения с реальными событиями, непосредственно влияющими на жизнь читателей, или повторения ранее приведённой информации.

Вывод

Согласно проведённому анализу когнитивных установок журналов, становится возможным сделать вывод о их принадлежности к серьёзной популярной прессе, предназначенной не только для информирования читателей, но и прагматического воздействия на сознание реципиентов. В связи с их нацеленностью на разные группы читателей авторы применяют различные механизмы экспрессивного синтаксиса для максимального воздействия на конкретный сегмент целевой аудитории журналов. Общим приёмом экспрессивного синтаксиса, представленным в анализируемом материале, является парентетическая конструкция, используемая для уточнения фактов или предоставления дополнительной информации. Журналы затрагивают серьёзные темы, используют сложный терминологический аппарат или описывают явления, понятные лишь специалистам конкретной сферы деятельности. Применение парентезы облегчает общее понимание специализированной лексики, раскрывая смысл терминов, топонимов, персоналий. Парентетическая конструкция также используется для передачи авторского комментария, отражения его восприятия информации или же дополнительных фактов, необходимых для понимания заложенного в статье смысла. Тем не менее, в связи с разными когнитивными установками изданий приёмы экспрессивного синтаксиса выполняют разные прагматические функции. Тексты журнала National Geographic направлены на воздействие на когнитивную сферу читателей, передают визуальные образы описываемых событий и явлений, предоставляют читателям возможность почувствовать своё присутствие и непосредственное участие в происходящем. Издание удовлетворяет интересы достаточно разнообразной читательской аудитории, отличающейся по возрастным и интеллектуальным показателям, поэтому авторам необходимо использовать такие механизмы экспрессивного синтаксиса, которые смогут оказать максимальный прагматический эффект на разный сегмент целевой аудитории. В связи с этим в статьях присутствует большее разнообразие экспрессивных средств синтаксиса, по сравнению с текстами The Economist, направленными на воздействие на более однородную аудиторию: представителей определённого круга профессий и

имеющих общие знания и когнитивный опыт. Из этого следует, что выбор экспрессивных средств зависит не только от желаний автора как можно точнее передать своё восприятие описываемых фактов, но и от ключевых характеристик издания и его читательской аудитории.

© Михалчева А.В., 2021

Список литературы

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. М.: Высш. шк., 1994. 168 с.
2. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале английского языка / О.В. Александрова. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. 216 с.
3. Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике [О.В. Александрова, Е.С. Кубрякова] // Доклады VIII Международной конференции Структура и семантика художественного текста / Под ред. Н. В. Смирнова. Спортакдемпрогресс, 1999. С. 186-197.
4. Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигания и проблема экспрессивности // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 202-211.
5. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э.М. Береговская. М.: Рохос, 2004. 208 с.
6. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т.Г. Добросклонская. 2014. 288 с.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. М.: Наука, 1973. 352 с.
8. Climate Blame Game // *The Economist*. Vol. 432. №9153. PP. 58-59.
9. Folger T. Last Ice // *National Geographic*. Vol. 233. №1. PP. 90-109.

References

1. Akimova, G.N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo iazyka* [New in the syntax of the modern Russian language] / G.N. Akimova. M.: Vyssh. shk., 1994. 168 p.
2. Aleksandrova, O.V. *Problemy ekspressivnogo sintaksisa: Na materiale angliyskogo iazyka* [On the problem of expressive syntax: based on the English language] / O.V. Aleksandrova. M.: Knizhny dom «LIBRIKOM», 2009. 216 p.
3. Aleksandrova, O. V., Kubryakova, E. S. O konturakh novoi paradigmy znaniia v lingvistike [On the contour of new paradigm of knowledge in linguistics] // *Doklady VIII Mezhdunarodnoj konferencii Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta* [Presentations at the V111 International Conference Structure and Semantics of a Literary text] / Pod red. N. V. Smirnova. Sportakademprogress, 1999. P. 186-197.
4. Arnold, I.V. Interpretatsia hudozhestvennogo teksta: tipy vydvizheniia i problema ekspressivnosti [The interpretation of fiction: types of foregrounding and the problem of expressivity] // *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': Sbornik statej*. [Semantics. Stylistics. Intertextuality. Collection of articles] SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. P. 202-211.
5. Beregovskaya, E.M. *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* [Essays on expressive syntax] / E.M. Beregovskaya. M.: Rohos, 2004. 208 p.
6. Dobrosklonskaya, T.G. *Voprosy izucheniia mediatekstv (opyt issledovaniia sovremennoy angliiskoi mediarechi)* [Studying media texts (experience of contemporary English media language study: monograph)] / T.G. Dobrosklonskaya. 2014. 288 p.
7. Zolotova, G.A. *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo iazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language] / G.A. Zolotova. M.: Nauka, 1973. 352 p.
8. Climate Blame Game // *The Economist*. Vol. 432. №9153. PP. 58-59.
9. Folger, T. Last Ice // *National Geographic*. Vol. 233. №1. PP. 90-109.

Сведения об авторе:

Михалчева Анастасия Витальевна – ассистент кафедры английской филологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика английского языка, категория экспрессивного синтаксиса, медиадискурс. E-mail: anastasia-mikhailcheva@rambler.ru

About the author:

Anastasia V. Mikhailcheva – Assistant of the Department of English Philology in Tula State Lev Tolstoy Pedagogical university (Tula, Russia). Spheres of research and professional interest: English language grammar, the category of expressive syntax, media discourse. E-mail: anastasia-mikhailcheva@rambler.ru

* * *

ON THE ACTUALIZATION OF PERIPHERAL ZONES OF CONCEPTUAL-COGNITIVE FRAME “WOMAN”

Liudmila P. Murashova

Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia

Abstract. *The relevance of this article is determined by the increasing interest of linguists in the results and principles of actualization of gender-inclusive concepts. Theoretical basis of the study of conceptual-frame mapping of knowledge, the structure of the conceptual cognitive frame “WOMAN” and its peripheral zones: subframes “Mother”, “Wife”, “Girl”, “Daughter”, “Sister” have been outlined in this article. Each subframe has been considered separately with the reliance on the analysis of narrow distribution of taxon lexemes of conceptual-cognitive subframes as a part of collocation models with prepositive and postpositive adjuncts taken by continuous sampling from the British National Corpus of the English language. Three semantic categories in the frame structure have been distinguished in the process of the categorization of data taken by continuous sampling: physical, mental, and social parameters. A number of subcategories has been identified in each category: physical parameters – age, physical conditions and abilities; appearance, mental parameters – character, behavior, knowledge, mental abilities, emotions and feelings, sociocultural parameters – origin, nationality, race, etc. Taking into consideration their density, we were able to find out what information is prominent in the consciousness of native speakers when peripheral zones of the frame are activated. The summary data of the analysis allow us to present a general picture of actualization of the peripheral zones in the conceptual-cognitive frame “WOMAN”.*

Key Words: *frame theory, conceptual-cognitive frame, peripheral zones, subframe “Mother”, subframe “Wife”, subframe “Girl”, subframe “Daughter”, subframe “Sister”*

For citation: Murashova L.P. 2021. On the Actualization of Peripheral Zones of Conceptual-Cognitive Frame “Woman”. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 68–82. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-68-82>

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЗОН КОНЦЕПТУАЛЬНО-КОГНИТИВНОГО ФРЕЙМА «WOMAN»

Л.П. Мурашова

Кубанский Государственный Технологический Университет,
г. Краснодар, Московская, д. 2, 350072

Аннотация. Актуальность данной статьи определяется всевозрастающим интересом лингвистов к результатам и принципам актуализации гендерно маркированных концептов. В статье мы обозначили теоретические основы исследования концептуально-фреймового отображения знаний, структуру концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN» и его периферийных зон: субфреймов «Mother», «Wife», «Girl», «Daughter», «Sister». Каждый субфрейм в статье рассмотрен отдельно с опорой на данные анализа ближайшего окружения таксонных лексем концептуально-когнитивных субфреймов в составе словосочетательных моделей с препозитивными и постпозитивными адъюнктами. Материалом послужила сплошная выборка из BNC (Британский национальный корпус). В результате категоризации данных сплошной выборки нами было выделено три семантические категории в структуре фреймов: физические, психические и социальные параметры. В каждой категории был выделен ряд субкатегорий: физические параметры – возраст, физические состояния и способности; внешность, психические параметры – характер, поведение, знания, умственные способности, чувства и эмоции; социокультурные параметры – национальность, локативная принадлежность, религия и др., по представленности которых мы смогли сделать вывод о выделенности определённой информации в сознании носителей языка при активации периферийных зон фрейма. Сводные данные анализа позволяют представить общую картину особенностей актуализации периферийных зон в концептуально-когнитивном фрейме «WOMAN».

Ключевые слова: фреймовая теория, концептуально-когнитивный фрейм, периферийные зоны, субфрейм «Mother», субфрейм «Wife», субфрейм «Girl», субфрейм «Daughter», субфрейм «Sister»

Для цитирования: Мурашова Л.П. 2021. Особенности актуализации периферийных зон концептуально-когнитивного фрейма «Woman». *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 68–82. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-68-82>

Когнитивное исследование гендера на материале языка – плодотворный междисциплинарный подход к анализу одного из сложнейших явлений социально-биологической природы: гендера. Гендер при этом рассматривается сквозь призму когнитивной лингвистики – молодого и перспективного направления современной науки, принесшего значительные плоды при изучении различных аспектов языка.

Когнитивная парадигма позволяет изучать гендер одновременно как ментальное, языковое и социальное явление, то есть с позиции его всех основных проявлений. Теории и подходы, разработанные в этой парадигме, в данном случае применяются при анализе гендера как элемента действительности, структурированного сознанием.

Одной из наиболее релевантных теорий когнитивной лингвистики, применённых нами при анализе гендера, является теория фреймов.

Основоположителем фреймовой теории представления знаний во второй половине двадцатого века стал американский лингвист Ч. Филлмор. Исследованием законов фреймовой репрезентации концептуального знания занимались многие видные отечественные и зарубежные учёные, например, Ч. Филлмор [17; 19], Т.А. Ван Дейк [6], Б. Аткинс [19], М. Минский [13], а также отечественные учёные: А.П. Бабушкин [4], З.Д. Попова и И.А. Стернин [15], Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков [12] и другие.

Такой живой интерес учёных к проблеме теории фреймов предопределил революцию данного понятия и породил различия в трактовках, а также в подходах к его описанию. Даже в работах одного и того же учёного разного времени понятие трактуется различно. Так, в работах Ч. Филлмора, основателя теории фреймов, изначально данное понятие было введено при исследовании дистрибутивных свойства глаголов, затем при описании падежных фреймов, и только в поздних работах – использовано в качестве инструмента описания ментальных структур, закреплённых через язык [16; 17; 18].

Позднее понятие «фрейм» расширялось и уточнялось. Так, в трактовке М. Минского он представляется в виде смысловых узлов верхнего и нижнего порядка, связанных между собой. Верхние и нижние узлы представлены понятиями, релевантными конкретной ситуации. Узлы верхнего порядка заполняются понятиями неизменно имманентными ситуации, узлы нижнего порядка – переменными понятиями [13]. Таким образом, в трактовке Минского фрейм предстаёт как относительно стабильная структура, рамка-ситуация, однако кажущаяся на первый взгляд очевидной ограниченность структуры, на наш взгляд, может быть нарушена вариативностью узлов нижнего порядка. Схожей трактовки понятия придерживается и Т.А. Ван Дейк, считая фрейм «пакетом» информации о стереотипной ситуации [6], и З.Д. Попова, И.А. Стернин [15], и Н.Н. Болдырев [5].

Помимо вышеописанной существует схожая, но несколько иная трактовка сущности фрейма как структуры ограничивающей, но не исключающей. Такая трактовка впервые представлена в работах Э. Рош и К. Мервис. Учёные рассматривают фреймы как аналоговые единства, которые часто имеют размытые границы [23]. Данные структуры формируются в сознании индивида на основании сходства с идеальным членом категории – прототипом.

На наш взгляд, аналоговый подход как нельзя лучше отражает суть структур сознания как таковых, потому что нам представляется весьма сложным ограничить ментальную структуру непреложными границами, как биологическую клетку оболочкой. Поэтому мы предлагаем рассматривать фрейм как ментальное пространство без чётких границ, которое представляет собой систему связанных концептов, отображающих единый фрагмент картины мира, иными словами, гиперконцепт. Это ментальная сложная многоуровневая категория, в большинстве случаев получающая языковое выражение. Исключением являются языковые лакуны, которые языкового выражения не получают. Языкового выражения могут не получать также образы, образные схемы и гештальты.

В то же время трактовка фрейма как аналогового единства с размытыми границами требует осторожного и вдумчивого подхода со стороны исследователя, поскольку не в меру вольное «размытие границ» может привести к потере смысла применения самого понятия «фрейм», которое изначально вводилось, в том числе чтобы обозначить границы структур сознания. Размытые края фрейма как ментальной структуры предполагают в нашем понимании не отсутствие границ, а возможность его расширения за счёт обогащения ассоциативного поля таксонной лексемы, а также возможности его развития.

На наш взгляд, ментальное отображение сложных и объёмных явлений действительности, каковыми являются гендерно маркированные концепты, должно рассматриваться с опорой на достижения и методы когнитивной науки в рамках теории концептуальных фреймов. Концептуально-когнитивный фрейм был определён нами как отображённая ментально структурированная категория высокого порядка, включающая систему связанных концептов, представляющих единый фрагмент картины мира. В рамках сложной структуры фрейма субфреймы, представляющие различные состояния и ситуации, реализующиеся в определённом фрагменте картины мира, упорядочены согласно внутренней иерархии [14]. Концептуально-когнитивный фрейм отличается от других когнитивных категорий, таких как «сценарий», «схема», «концепт», «скрипт», «идеализированная когнитивная модель» и «прототип» тем, что он является самой объёмной схемой ментального пространства, способной включать более мелкие концептуальные единицы.

На данный момент гендерно маркированные концепты, в том числе концепт «женщина», привлекает в качестве объекта исследования внимание многих учёных, в том числе Дж. Лакоффа,

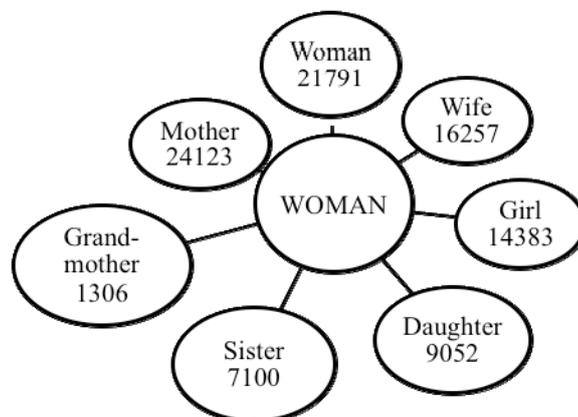
А. Пруденса и Н. Столяр [20; 22; 24], и особенно отечественных учёных, например, В.В. Васюк, О.В. Великородных, И.В. Голубевой [7; 8; 9] и других.

Концепт «женщина» в современной отечественной лингвистике также исследуется с различных позиций: исследованию подлежит, например, вербализация концепта «женщина» в разных языках в работах Л.В. Адониной, А.А Альварес Солер, А.А Аминовой и А.Н. Махмутовой [1; 2; 3], а также в лингвокультурах и социумах в трудах О.В. Великородных, И.В. Голубевой и А.В. Коногоровой, [9; 10; 11]. В отечественной гендерной лингвистике проводятся психолингвистические, социолингвистические и концептуальные исследования категории «женщина».

Структуру и центральный субфрейм концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN» на материале текстов BNC (Британский национальный корпус) мы уже проанализировали ранее в нашем диссертационном исследовании в 2011-2018 гг. В данной статье мы предлагаем подробно остановиться на характеристиках субфреймов, представляющих ближнюю, среднюю и дальнюю периферию концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN». Приведём, однако, некоторые данные относительно общей структуры концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN», которые оказываются релевантными материалу данной статьи.

Фреймообразующим субфреймом концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN» является субфрейм «Woman». Совпадение неслучайно. При восприятии женщины (woman) в сознании актуализируется всё, что связано с женщиной в принципе, безотносительно к какой-либо определённой ипостаси: матери (mother), жены (wife), девочки (girl), дочери (daughter) и т.д. Субфреймы мать (mother), жена (wife), девочка (girl) являются периферийными. Внутри концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN» все субфреймы подчинены иерархии в соответствии с выделенностью (важностью) заполняющей их информации. В виде схемы данная информация может быть представлена следующим образом:

Схема 1. Структура концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN» в соответствии с удалённостью субфреймов от ядра (радиальный/горизонтальный срез)

Итак, остановимся в данной статье на рассмотрении структуры и особенностей периферийных зон концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN». Ближнюю, среднюю и дальнюю периферию представляют субфреймы «Mother», «Wife», «Girl», «Daughter», «Sister» и др. При помощи метода сплошной выборки из текстов BNC (Британский Национальный Корпус английского языка) мы извлекли определённое количество атрибутивно-номинативных словосочетаний с таксонными лексемами для каждого субфрейма: Girl 6742 (примеров), Mother 2662, Wife 1710, Daughter 1488, Sister 985 и др.

Каждый субфрейм, как и ядерный фреймообразующий субфрейм «Woman», внутренне структурирован. Каждая единица информации в рамках субфреймов занимает определённое место («слот»). Наиболее важная информация актуализируется быстрее периферийной.

Положение слота относительно ядра определяется степенью важности актуализируемой информации. Ещё А. Партингтон и М. Стаббс в работах, посвящённых роли корпусной лингвистики

в исследовании языковых моделей, отмечали, что степень выделенности информации и, соответственно, положение актуализирующего её слота относительно ядра определяются с учётом частотности активирующих данный слот простых и сложных единиц языка [21; 25]. Иными словами, чем чаще определённая лексема встречается в сочетании с таксонной лексемой в текстах и речи, тем более важна (выделена) информация ею актуализируемая для говорящего, поскольку, как известно, речь – это отражение мыслей, причём в данном случае понятие «речь» может быть использовано применительно как к устной, так и к письменной речи. Как нельзя более полную информацию относительно частотности различных коллокаций с таксонной лексемой может дать корпус текстов языка, в нашем случае Британский национальный корпус английского языка.

Опираясь на теоретические разработки предшествующих учёных, подвергая анализу частотность коллокаций с таксонными лексемами периферийных субфреймов концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN», мы определим в данной статье положение периферийных субфреймов относительно ядра, а также степень выделенности информации, актуализируемой различными лексемами в коллокациях. При этом именно дистрибутивная частотность является наиболее важным для нас показателем в ходе анализа, определяющим в том числе и его целесообразность.

Существует несколько вариантов схематического представления структуры фреймов. Она может быть представлена в виде сети сочленившихся на основании фамильного сходства узлов, как у позднего Л. Виттгенштейна [26] и М. Минского [13], или в виде четырёхмерной градуальной непрерывной сетки (с вертикальной и горизонтальной плоскостями), как в теории Э. Рош [23], или же в форме радиальных моделей, как у Дж. Лакоффа [20] – сути самого явления это не изменит, однако модель схематизации должна выбираться учёным изначально с учётом свойств рассматриваемого явления, поскольку многомерные объекты действительности могут быть полноценно рассмотрены, на наш взгляд, только с применением многомерного моделирования.

Так, например, Э. Рош рассматривает в вертикальной плоскости категории базового, высшего и низшего уровней, а также списки атрибутивных единиц [23], однако наше исследование рассмотрением свойств атрибутивных единиц не заканчивается. Атрибутивно-номинативные словосочетания для нас служат лишь средством описания многомерной структуры и свойств периферийных зон концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN», которые потому и могут считаться периферийными, что в разной степени удалены от ядра. Учитывая вышеизложенное, считаем радиальную схему, предложенную Дж. Лакоффом, наиболее приемлемой для рассматриваемого нами явления, не исключая, однако, целесообразность промежуточного задействования модели градуальной сетки с учётом большего/меньшего количества вхождений лексем в Британский национальный корпус английского языка на этапе анализа атрибутивно-номинативных словосочетаний. Таким образом, схему нашего анализа условно можно считать радиально-градуальной, четырёхмерной.

Итак, объектом исследования в данной статье являются лексические единицы английского языка, актуализирующиеся в рамках словосочетательных моделей с таксонными лексемами, которые составляют ядро подфреймовых структур. Данные модели в качестве абстрагированных схем коллокаций были задействованы нами с целью структуризации анализируемых данных. Они могут быть представлены следующим списком: N. + N., Adj. + N., Part. I + N, Part. II + N (для адьюнктов в препозиции) и N. + Adj., N. + Prep. + N, N. + Part. I и N. + Part. II (для постпозитивных адьюнктов).

Помимо вышеперечисленных, существуют и другие препозитивные адьюнкты: Possessive pronoun, Possessive Noun и Numeral, однако они не являются показательными в семантическом плане, поскольку словосочетания, сформированные по данным моделям, имеют единичные вхождения в Британский национальный корпус и по сравнению с тысячами вхождений примеров других словосочетаний, не смогут составить существенную аналитическую погрешность при общем описании свойств периферийных зон. Поэтому в данной работе они не описаны.

Итак, рассмотрим словосочетательные модели с таксонными лексемами. Для каждой таксонной лексемы мы будем приводить только те семантические категории, для которых в Британском

Национальном Корпусе представлены многочисленные примеры. Они и являются показательными в семантическом плане, однако отметим, что анализу подлежали абсолютно все примеры. Категории с большим количеством примеров получают более детальную семантическую классификацию, чем те, в которых количество примеров не превышает нескольких сотен.

При анализе характеристик периферийных субфреймов мы будем систематически сравнивать данные с аналогичными показателями для ядерного фреймообразующего субфрейма «Woman», данные по которому приведены в нашем диссертационном исследовании [14].

Таксонная лексема «girl» концептуально когнитивного субфрейма

«Girl» в составе словосочетательных моделей

Girl с препозитивными адъюнктами

Физические параметры

1. Возраст

модель Adj. + N.: [young; little; old; big; teenage; younger; small; X-year-old; older; eldest и т.д.] girl;
модель N + N.: [infant; baby и т.д.] girl (всего 2213 примера, что составляет 34,44% от общего числа).

2. Внешность

2.1 наружность, оценочные параметры

модель Adj. + N.: [lovely; pretty; attractive; plain; beautiful; prettiest; ugly; handsome; elegant; naked и т.д.] girl;

2.2. особенности телосложения, рост

модель Adj. + N.: [fat; tiny; slim; tall; thin; slender; wee; plump и т.д.] girl;

2.3. цвет волос, цвет и форма лица, наличие растительности

модель Adj. + N.: [pale; blonde; blond и т.д.] girl;

модель Part. II + N.: [freckled; whey-faced; soft-faced; red-haired; fair-haired; auburn-haired; dark-haired; dark-eyed и т.д.] girl.

3. Физические способности, физические состояния

модель Adj. + N.: [ick; anorexic; deaf; unconscious; dead; blind; strong; virgin; pregnant и т.д.] girl;

модель Part. I + N.: [watching; trembling; sleeping; reading и т.д.] girl;

модель Part. II + N.: [handicapped; murdered; injured и т.д.] girl.

Психические параметры

1. Характер, поведенческие параметры

модель Adj. + N.: [strange; brave; quiet; bubbly; naughty; kind; fair; innocent и т.д.] girl;

модель Part. II + N.: [wicked; well-brought-up и т.д.] girl.

2. Знания, умственные способности

модель Adj. + N.: [reasonable; clever; wise; sensible; capable; resourceful; silly; mad; stupid; crazy; foolish и т.д.] girl.

3. Чувства и эмоции

модель Adj. + N.: [happy; nervous; jolly; desperate; sad и т.д.] girl;

модель Part. II + N.: [frightened; disturbed; wretched и т.д.] girl.

Социокультурные параметры

1. Национальность, локативная принадлежность, религия, раса

1.1. Национальность и локативная принадлежность

модель Adj. + N.: [French; English; Indian; American; local; Jewish; Irish; German и т.д.] girl;

1.2. раса

модель Adj. + N.: [black; white; dark и т.д.] girl;

1.3. религия

модель Adj. + N.: [Muslim; Catholic; Christian и т.д.] girl.

2. Отношение общества, общественное положение, статус

2.1. наличие пары, матримониальный статус, дети

модель Adj. + N.: [lonely; single; family; и т.д.] girl;

модель Part. II + N.: [unmarried и т.д.] girl.

2.2. финансовое положение

модель Adj. + N.: [rich; poor; penniless и т.д.] girl.

2.3. наличие работы, классовая принадлежность, отношение общества

модель Adj. + N.: [popular; golden; favourite; respectable и т.д.] girl;

модель N. + N.: [slave; orphan; glamour; working-class; и т.д.] girl;

модель Part. II + N.: [adopted и т.д.] girl.

3. Профессия, занятие

модель Adj. + N.: [best; busy и т.д.] girl;

модель N. + N.: [servant; tiller; shop; school; career; и т.д.] girl;

модель Part. I + N.: [working; serving; hard-working и т.д.] girl.

Другие параметры

1. Общая оценка

модель Adj. + N.: [funny; nice; wonderful; good; bad; dear; darling и т.д.] girl.

2. Другое

модель Adj. + N.: [different; new; unknown и т.д.] girl.

Отношение количества примеров с описываемой таксонной лексемой к общему количеству исследованных примеров приведено в следующей таблице:

Таблица 1

1. Физические параметры (количество примеров 2846)	
1.1 Возраст	2213 / 34,44%
1.2 Внешность	494 / 7,69%
1.2.1 наружность, оценочные параметры	307 / 4,78%
1.2.2 особенности телосложения, рост	81 / 1,26%
1.2.3 цвет волос, цвет и форма лица, наличие растительности	106 / 1,65%
1.3 Физические способности, физические состояния	139 / 2,16%
2. Психические параметры (количество примеров 301)	
2.1 Характер, поведенческие параметры	181 / 2,82%
2.2 Знания, умственные способности,	72 / 2,68%
2.3 Чувства и эмоции	48 / 0,75%
3. Социокультурные параметры (количество примеров 1230)	
3.1 Национальность, локативная принадлежность, религия, раса	604 / 9,40%
3.1.1 национальность и локативная принадлежность	482 / 7,50%
3.1.2 раса	94 / 1,46%
3.1.3 религия	28 / 0,44%
3.2 Отношение общества, общественное положение, статус	226 / 3,52%
3.2.1 наличие пары, матримониальный статус, дети	26 / 0,40%
3.2.2 финансовое положение	136 / 2,12%
3.2.3 наличие работы, классовая принадлежность, отношение общества	64 / 1,00%
3.3 Профессия, занятие	400 / 6,23%
4 Другие параметры (количество примеров 850)	
4.1 Общая оценка	720 / 11,21%
4.2 Другое	130 / 2,02%

Логико-семантический анализ препозитивных адъюнктов лексемы «girl» (девочка, девушка), показал наиболее значимые характеристики для девочки (девушки) в языковом сознании англоговорящих – возраст: 2213 примера (34,44% от общего количества примеров) и внешность: 494 (7,69%). При этом характеристика внешности для девочки (девушки) чуть менее выделена, чем для женщины, ср.: 494 (7,69%) и 723 (11,63%) примеров. Также выделенными являются такие субкатегории, как «национальность и локативная принадлежность» с 482 примерами, что составляет 7,50% от общего числа и «общая оценка»: 720 примеров (11,21%) от общего числа. Отметим, что семантическая группа «Социокультурные параметры» осталась невыделенной, поскольку для девочки неважен матримониальный статус.

Girl с постпозитивными адьюнктами

Примеры словосочетаний с адьюнктами в постпозиции с таксонной лексемой «girl» настолько немногочисленны, что проводить их подробную семантическую классификацию не имеет смысла. Отметим лишь, что наиболее представленными категориями являются «Физические способности, физические состояния» с 239 примерами, которые составляют 74, 22%, что характерно для словосочетаний с адьюнктами в постпозиции, и «Национальность и локативная принадлежность», в которой насчитывается 18 примеров (5,59%). Остальные семантические категории насчитывают в лучшем случае по несколько примеров и не являются показательными.

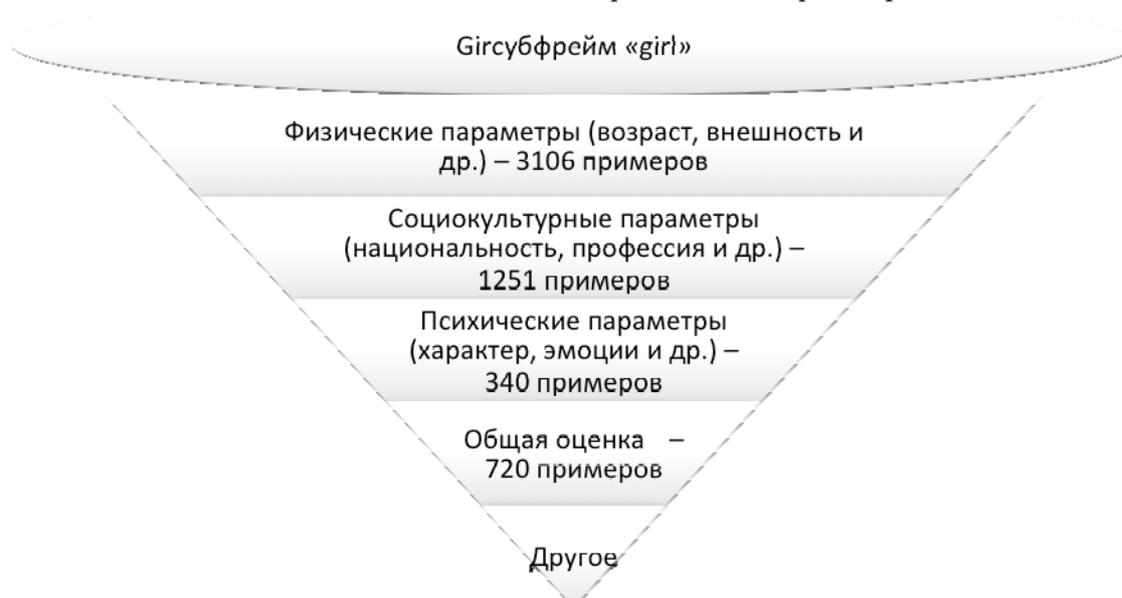
Проанализировав количественные данные о парадигматической репрезентации модификаторов таксонной лексики «girl» концептуально когнитивного субфрейма в текстах BNC, мы получили возможность представить в качестве примера первый градуальный/вертикальный срез радиально-градуальной модели концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN». Поскольку радиально-градуальная модель является четырёхмерной, на плоскости она может быть представлена в двух срезах: радиальном/горизонтальном (в соответствии с удалённостью субфреймов от ядра – см. схему 1) и градуальном/вертикальном (в соответствии с количественными данными о парадигматической репрезентации модификаторов таксонных лексем концептуально-когнитивных субфреймов в текстах BNC). Количественные данные о репрезентации препозитивных и постпозитивных модификаторов таксонной лексики «girl» в текстах BNC представлены в следующей таблице:

Таблица 2

Семантическая категория	Количество примеров
физические параметры	3106
психические параметры	340
социокультурные параметры	1251
общая оценка	720
другое	278

С учётом выделенности информации, соответствующей представленности модификаторов таксонной лексики «girl» в текстах BNC, градуальный срез субфрейма «girl» может быть представлен следующим образом:

Схема 2. Градуальный срез субфрейма «girl» с учётом данных логико-семантической классификации модификаторов

Как отражено на схеме градуального/вертикального среза субфрейма «girl», выделенные категории находятся ближе к «поверхности» и актуализируются в сознании чаще, чем менее выделенные. Подобная система схематизации может быть применена и к данным других периферических субфреймов концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN», формируя части общей четырёхмерной модели. Итоговая четырёхмерная модель концептуально-когнитивного фрейма «WOMAN», безусловно, содержала бы и данные о представленности категорий центрального субфрейма, однако целью данной статьи является изучение периферии.

Отметим, что подобное представление вертикального среза мы не считаем единственно возможным, поскольку определённые субкатегории внутри категорий являются более представленными, чем иные. Так, субкатегория «Национальность, локативная принадлежность, религия, раса» (622 примера для препозитивных и постпозитивных модификаторов), относящаяся ко второй по представленности категории «Социокультурные параметры», является более представленной, чем субкатегория «Внешность (494 примера), относящаяся к первой по представленности категории «Физические параметры». В то же время выполненная нами классификация препозитивных и постпозитивных адъюнктов является логико-семантической, отражающей представленность различных групп параметров, а не просто количественной, поэтому приведённую схему вертикального среза мы считаем наиболее логичной.

Таксонная лексема «mother» концептуально когнитивного субфрейма «Mother»
в составе словосочетательных моделей
Mother с препозитивными адъюнктами
Физические параметры

1. Возраст

модель Adj. + N.: [old; young; elderly; teenage; older и т.д.] mother;
модель Part. II + N.: [aged; middle-aged и т.д.] mother.

2. Внешность

2.1. наружность, оценочные параметры
модель Adj. + N.: [ugly; beautiful и т.д.] mother.
2.2. особенности телосложения, рост
модель Adj. + N.: [little; large; big и т.д.] mother.

3. Физические способности, физические состояния

модель Adj. + N.: [expectant; pregnant; dead; sick; late; phallic; deaf; blind; ill; virgin и т.д.] mother;
модель Part. II + N.: [deceased; exhausted; infected и т.д.] mother.

Психические параметры

1. Характер; поведенческие параметры

модель Adj. + N.: [proud; stern; dominant; just и т.д.] mother;
модель Part. I + N.: [loving; caring; doting и т.д.] mother;
модель Part. II + N.: [devoted; wicked и т.д.] mother.

2. Знания, умственные способности

модель Adj. + N.: [reasonable; mad; wise и т.д.] mother.

3. Чувства и эмоции

модель Adj. + N.: [distracted; frantic; anxious; tearful; irate; hysterical и т.д.] mother;
модель Part. I + N.: [grieving; sorrowing и т.д.] mother;
модель Part. II + N.: [bereaved; worried; surprised и т.д.] mother.

Социокультурные параметры

1. Национальность, локативная принадлежность, религия, раса

1.1. Национальность и локативная принадлежность
модель Adj. + N.: [English; Irish; British; Jewish и т.д.] mother;
1.2. раса
модель Adj. + N.: [white; black и т.д.] mother;
1.3. религия
модель Adj. + N.: [holy; divine; catholic и т.д.] mother.

2. Отношение общества, общественное положение, статус

2.1. наличие пары, матримониальный статус, дети

модель Adj. + N.: [lone; single; loneliest; adoptive; step; legal; biological; genetic; natural; foster; surrogate и т.д.] mother;

модель Part. II + N.: [married; unmarried; divorced; adopted; widowed; estranged; unsupported и т.д.] mother.

2.2. финансовое положение

модель Adj. + N.: [poor; rich и т.д.] mother.

2.3. наличие работы, классовая принадлежность, отношение общества

модель Adj. + N.: [famous; important и т.д.] mother;

модель N. + N.: [queen; lady и т.д.] mother.

3. Профессия, занятие

модель Part. I + N.: [working; weaving; nursing; nurturing и т.д.] mother.

Другие параметры

1. Общая оценка

модель Adj. + N.: [bad; wonderful; good; great; dear; perfect; darling; dearest и т.д.] mother;

модель Part. II + N.: [beloved и т.д.] mother.

2. Другое

модель Adj. + N.: [real; new; first-time и т.д.] mother.

Отношение количества примеров с описываемой токсинной лексемой к общему количеству исследованных примеров приведено в следующей таблице:

Таблица 3

1. Физические параметры	
1.1 Возраст	255 / 10,84 %
1.2 Внешность	29 / 1,23%
1.2.1 наружность, оценочные параметры	9 / 0,38%
1.2.2 особенности телосложения, рост	20 / 0,85%
1.3 Физические способности, физические состояния	126 / 5,36%
2. Психические параметры	
2.1 Характер, поведенческие параметры	89 / 3,8%
2.2 Знания, умственные способности,	13 / 0,55%
2.3 Чувства и эмоции	65 / 2,76%
3. Социокультурные параметры	
3.1 Национальность, локативная принадлежность, религия, раса	102 / 4,34%
3.1.1 национальность и локативная принадлежность	52 / 2,21%
3.1.2 раса	7 / 0,30%
3.1.3 религия	43 / 1,83%
3.2 Отношение общества, общественное положение, статус	606 / 25,77%
3.2.1 наличие пары, матримониальный статус, дети	559 / 23,77%
3.2.2 финансовое положение	42 / 1,79%
3.2.3 наличие работы, классовая принадлежность, отношение общества	5 / 0,21%
3.3 Профессия, занятие	83 / 3,53%
4 Другие параметры	
4.1 Общая оценка	177 / 7,52%

Логико-семантический анализ препозитивных адъюнктов лексики «mother» (мать) показал наиболее выделенные характеристики при описании матери в языковом сознании носителей языка: отношение общества, общественное положение, статус: 606 примеров (25,77% от общего количества примеров) и возраст 255 (10,84%), причём семантическая группа «Отношение общества, общественное положение, статус» очевидно является преобладающей по значению. Если посмотреть на содержание данной группы более детально, то становится очевидно, что семантическая подгруппа «наличие пары, матримониальный статус, дети» явно доминирует. Даже при том, что общее количество примеров с таксонной лексемой «mother» явно уступает по числен-

ности количеству примеров с таксонной лексемой «woman» (2352 примера по сравнению с 6217), количество примеров, приходящихся на семантическую субкатегорию «наличие пары, матримонильный статус, дети» для лексемы «mother» более чем в 2 раза больше (559 примеров по сравнению с 274). В процентном соотношении сравнение выглядит следующим образом: 23, 77 % по сравнению с 4,41% от общего количества примеров. Примечательно, что семантическая субкатегория «внешность» также потеряла своё значение по сравнению с лексемой «woman»: 1,23% примеров по сравнению с 11,63% для лексемы «woman».

Mother с постпозитивными адьюнктами

Физические параметры

1. Физические способности, физические состояния

mother [saying; telling; looking; living; sitting; talking; going; coming; at birth и т.д.].

2. Психические параметры

mother [happy; ignorant; hysterical и т.д.].

3. Другие параметры

mother [concerned; of battles; of life и т.д.].

Ввиду малочисленности примеров (общее количество примеров составляет 310 единиц) приводить сводные показатели отношения числа примеров в каждой категории к общему количеству примеров в виде таблицы не имеет смысла. Отметим только, что, как и в случае с лексемой «woman», постпозитивные адьюнкты в основном выражают физические состояния и способности (177 примеров из 310).

Таксонная лексема «wife» концептуально когнитивного субфрейма «Wife»

в составе словосочетательных моделей

Wife с препозитивными адьюнктами

Физические параметры

1. Возраст

модель Adj. + N.: [elderly; young; old; -year-old; -year-old; obedient; nineteen-year-old; -year-old и т.д.] wife.

2. Внешность

2.1. наружность, оценочные параметры

модель Adj. + N.: [pretty; attractive; beautiful; lovely и т.д.] wife.

2.2. особенности телосложения, рост

модель Adj. + N.: [wee; little; large; plump и т.д.] wife.

2.3. цвет волос, цвет и форма лица, наличие растительности

модель Adj. + N.: [blonde и т.д.] wife;

модель Part. II + N.: [round-faced; red-haired; rawboned; и т.д.] wife.

3. Физические способности, физические состояния

модель Adj. + N.: [sick; dead; pregnant; late; sick и т.д.] wife;

модель Part. II + N.: [disabled; deceased; murdered и т.д.] wife.

Психические параметры

1. Характер, поведенческие параметры

модель Adj. + N.: [dutiful; loyal; unfaithful; jealous; supportive; faithful; lazy и т.д.] wife;

модель Part. I + N.: [loving; cheating; boring; adoring и т.д.] wife;

модель Part. II + N.: [devoted; restrained и т.д.] wife.

2. Знания, умственные способности

модель Adj. + N.: [mad; dull; sensible; foolish; batty; clever и т.д.] wife.

3. Чувства и эмоции

модель Adj. + N.: [angry; dreary; cheerful; unhappy и т.д.] wife.

Социокультурные параметры

1. Национальность, локативная принадлежность, религия, раса

1.1. национальность и локативная принадлежность

модель Adj. + N.: [English; French; American; Irish; Welsh и т.д.] wife.

2. Отношение общества, общественное положение, статус**2.1. наличие пары, матримониальный статус, дети**

модель Adj. + N.: [future; previous; new; legal; rightful; lawful; present; current; chief; senior и т.д.] wife;

модель N + N.: [law; common-law и т.д.] wife;

модель Part. II + N.: [wedded; divorced; estranged; now-estranged; separated; abandoned; deserted; supposed и т.д.] wife.

2.2. финансовое положение

модель Adj. + N.: [rich; dependent; poor и т.д.] wife.

2.3. наличие работы, классовая принадлежность, отношение общества

модель Adj. + N.: [successful; respectable; popular; royal и т.д.] wife;

модель N. + N.: [middle-class; working-class; slave и т.д.] wife;

модель Part. II + N.: [beloved; loved; employed; marked; unemployed и т.д.] wife.

3. Профессия, занятие

модель Adj. + N.: [army; actress; clergy; hollywood и т.д.] wife;

модель Part. I + N.: [working; non-working; earning и т.д.] wife.

Другие параметры

1. Общая оценка

модель Adj. + N.: [dear; good; suitable; wonderful; perfect; proper; excellent; favourite и т.д.] wife.

2. Другое

модель Adj. + N.: [absent; real и т.д.] wife.

Сводные показатели представлены таблице 3:

Таблица 4

1. Физические параметры	
1.1 Возраст	138 / 8,96%
1.2 Внешность	81 / 5,26%
1.2.1 наружность, оценочные параметры	43 / 2,79%
1.2.2 особенности телосложения, рост	26 / 1,69%
1.2.3 цвет волос, цвет и форма лица, наличие растительности	12 / 0,78%
1.3 Физические способности, физические состояния	114 / 7,40%
2. Психические параметры	
2.1 Характер, поведенческие параметры	111 / 7,20%
2.2 Знания, умственные способности	22 / 1,43%
2.3 Чувства и эмоции	14 / 0,91%
3. Социокультурные параметры	
3.1 Национальность, локативная принадлежность, религия, раса	80 / 5,19%
3.1.1 национальность и локативная принадлежность	73 / 4,74%
3.2 Отношение общества, общественное положение, статус	299 / 19,40%
3.2.1 наличие пары, матримониальный статус, дети	216 / 14,02%
3.2.2 финансовое положение	37 / 2,40%
3.2.3 наличие работы, классовая принадлежность, отношение общества	46 / 2,99%
3.3 Профессия, занятие	58 / 3,76%
4. Другие параметры	
4.1 Общая оценка	157 / 10,19%
4.2 Другое	14 / 0,91%

Семантический анализ препозитивных адъюнктов, описывающих жену, показал, что семантические акценты по сравнению с ранее описываемыми субфреймами, сильно меняются. Наиболее выделенной оказывается субкатегория «наличие пары, матримониальный статус, дети» с 216 примерами (14,02% от общего числа). Также значимы такие субкатегории, как «Возраст»: 138 примеров (8,96%); «Физические способности, физические состояния»: 114 (7,40%) и «Характер, поведенческие параметры»: 111 (7,20%). Достаточно много примеров представлено также в семантической группе «Общая оценка»: 157 словосочетаний, что составляет 10,19% от общего

числа. Примечательно, что субкатегория «Внешность» для данной таксонной лексемы весьма малочисленна (5,26% от общего количества примеров).

Wife с постпозитивными адьюнктами

Примеры словосочетаний с адьюнктами в постпозиции с таксонной лексемой «woman» ещё менее многочисленны, чем описываемые ранее (всего 169 примеров). Наиболее представленной, как и в предыдущих случаях, является субкатегория «Физические способности, физические состояния» со 116 примерами, которые составляют 68,64%, от общего количества примеров.

Словосочетательные модели с другими таксонными лексемами

Количество примеров словосочетаний с другими таксонными лексемами составляет менее полутора тысяч, поэтому мы ограничимся общим описанием результатов семантического анализа без подробных классификаций.

Итак, следующим по количеству примеров является субфрейм «Daughter». Для него нами было отобрано 1210 примеров с адьюнктами в препозиции. Анализ выявил наиболее представленные семантические категории: «Возраст»: 779 примеров (64, 38% от общего количества примеров), «Отношение общества, общественное положение, статус»: 248 (20,50%) «Физические способности, физические состояния»: 57 (4,71%) и «Внешность»: 44 (3,64%).

Примеры словосочетаний с адьюнктами в постпозиции с таксонной лексемой «daughter» ещё менее многочисленны (всего 278 примеров). Наиболее представленной, как и в предыдущих случаях, является субкатегория «Физические способности, физические состояния».

Субфрейм «Sister» может быть проанализирован с опорой на 916 примеров словосочетаний с адьюнктами в препозиции и 69 непоказательными примерами словосочетаний с адьюнктами в постпозиции. Исследование показало, что наиболее представленными семантическими категориями являются: «Возраст»: 528 примеров (57,64 % от общего количества примеров) и «Отношение общества, общественное положение, статус»: 136 (14,85 %). Представленность семантического наполнения категорий с адьюнктами в постпозиции по сравнению с другими лексемами не изменилось.

Примеры словосочетаний с другими таксонными лексемами, такими, как, например, «Grandmother», «Aunt», «Niece» насчитывают менее 300 примеров, поэтому в данной работе мы их не приводим.

Проанализировав различную степень выделенности информации в сознании носителей языка, принимая во внимание словосочетательные модели с таксонными лексемами периферийных субфреймов «Girl», «Wife», «Daughter», «Mother» и «Sister», мы выяснили следующее: категории возраста и внешности важны при описании девочки 34,44% и 7,69% соответственно, и дочери 64,38% / 3,64%, и сестры 57,64 % (возраст), но теряют свою значимость при описании матери 10,84 % / 1,23% и жены 8,96% (возраст). Как видно, при описании матери носители английского языка редко обращают внимание на внешность, а при описании жены, что весьма удивительно, вовсе не обращают внимания на её наружность (представленность примеров данной категории составляет менее 1 %).

В то же время при описании матери и жены выделенность приобретают совершенно другие характеристики: социокультурные параметры, такие как отношение общества, общественное положение, статус и наличие пары, матримониальный статус, дети, а также категории «Физические параметры» и «Общая оценка», когда речь заходит о жене.

Категория «Физические способности, физические состояния» является также выделенной в субфрейме «Daughter» (4,71%), а в субфрейме «Sister», кроме всего прочего, выделенной оказалась категория «Отношение общества, общественное положение, статус»: 14,85 % примеров. Таким образом, наложение результатов, полученных в ходе анализа, позволило нам выделить определяющие характеристики при конструировании женских образов в английском языке.

Семантический анализ постпозитивных адьюнктов показал, что больше всего постпозитивные адьюнкты лексем описывают физические состояния и способности. Однако это скорее говорит не о выделенности данного параметра в сознании, а о конвенциональных свойствах определённых конструкций описывать те или иные качества. Постпозитивные адьюнкты в основном

представлены Participle 1 и Participle 2, которые чаще всего описывают состояния. Принимая во внимание тот факт, что количество постпозитивных адъюнктов по сравнению с препозитивными мало, семантическое наполнение каждой отдельно взятой категории не сможет изменить общей картины, очерченной в ходе анализа периферийных зон концептуально-когнитивного фрейма «Woman».

© Мурашова Л.П., 2021

Список литературы

1. Адонина Л.В. Концепт «Женщина» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2007. 246 с.
2. Альварес Солер А.А. Концепт «Женщина» в оценочной системе испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2013, 24 с.
3. Аминова А.А. Аксиологические особенности концепта «Женщина» в русском, английском и татарском языках / А.А. Аминова, А.Н. Махмутова // Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр. Казань, 2003, С. 19-26.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексикофразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996, 345 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Изд. 2-е. Тамбов: ТГУ, 2001. 163 р.
6. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000, 308 с.
7. Васюк В.В. Концепт «Женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2002, 145 с.
8. Великородных О.В. Специфика вербализации концепта «Femme» (Женщина) в художественной картине мира Ф. Саган в динамикозрастной перспективе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж, 2007, 225 с.
9. Голубева И.В. Концепт «Женщина» в системе ценностей современного общества // Система ценностей современного общества: материалы всероссийской научнопрактической конференции. Новосибирск, 2009, С. 100-104.
10. Коногорова А.В. Концепт «Женщина» в английской лингвокультуре // Вестник БГУ. УланУдэ, 2010. Вып. 10: Филология, С. 126-129.
11. Короленко Р.А. Концепт «Woman» в современной англоамериканской культуре: (лингвокогнитивный аспект) // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики. Иркутск, 2005, С. 103-111.
12. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997, 245 с.
13. Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ., под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979, 151 с.
14. Мурашова Л.П. Концептуально-фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГУ, 2018, 189 с.
15. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010, 314 с.
16. Fillmore, Ch. An alternative to checklist theories of meaning // Proceedings of the first annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1975, p.p. 123-131.
17. Fillmore, Ch. Indirect object constructions in English and the ordering of transformations. The Hague: Mouton, 1961, 49 p.
18. Fillmore, Ch. The case for case // Universals in linguistic theory / ed. by B. Emmon, R. Harms. New York, 1968, p.p. 1-88.
19. Fillmore, Ch., Atkins, B. Towards a Framebased organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors // Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization. A. Lehrer, E. Kittay (eds.). Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1992, p.p. 75-102.
20. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 614 p.
21. Partington, A. Patterns and meanings: using corpora for English language research and teaching // Coll. — Studies in corpus linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1998, № 2, p.p. 162.
22. Prudence, A. The concept of woman. Cambridge: Eerdmans William B. Publishing Company, 1997. Vol. 1, 583 p.
23. Rosch, E., Mervis C.B. Family resemblances: studies in the eternal structure // Cognitive Psychology. New York, 1975, № 7, p.p. 573-605.
24. Stoljar, N. Essence, identity, and the concept of woman // Philosophical Topics. Fayetteville, 1995. № 2(23), p.p. 261-293.
25. Stubbs, M. On texts, corpora and models of language // Text, Discourse and Corpora: Theory and Analysis, sous la dir. de Wolfgang Teubert et Michaela Mahlberg. New York, 2007, p.p. 126-161.
26. Wittgenstein, L. Philosophical investigations. New York, 1953. p.p. 31-36.

References

1. Adonina, L.V. *Kontsept «Zhenshchina» v russkom iazykovom soznanii* [Concept «Woman» in the Russian linguistic consciousness]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh, 2007, 246 p.
2. Al'vares Soler, A.A. *Kontsept «Zhenshchina» v otsenochnoy sisteme ispanskogo iazyka* [Concept «Woman» in the evaluation system of the Spanish language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. M., 2013, 24 p.

3. Aminova, A.A., Makhmutova, A.N. Aksiologicheskie osobennosti kontsepta «Zhenshchina» v russkom, angliyskom i tatarskom iazykakh [Axiological features of the concept «Woman» in Russian, English and Tatar languages] // *Sopostavitel'naiia filologiya i polilingvizm* [Comparative philology and polylingualism]: sb. nauch. tr. Kazan', 2003, p.p. 19-26.
4. Babushkin, A.P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike iazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of language]. Voronezh: VGU, 1996, 345 p.
5. Boldyrev, N.N. *Kognitivnaia semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive Semantics: A Course of Lectures in English Philology]. Izd. 2 – ye. Tambov: TGU, 2001. 163 p.
6. Van Deyk, T.A. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia. Blagoveshchensk* [Language. Cognition. Communication]: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000, 308 p.
7. Vasyuk, V.V. *Kontsept «Zhenshchina» v statike i dinamike frazeologii angliyskogo iazyka* [Concept «Woman» in the statics and dynamics of the phraseology of the English language]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M., 2002, 145 p.
8. Velikorodnykh, O.V. *Spetsifika verbalizatsii kontsepta «Femme» (Zhenshchina') v khudozhestvennoy kartine mira F. Sagan v dinamikovozrastnoy perspective* [Distinguishing features of verbalization of the concept “Femme” (Woman) in F. Sagan's artistic picture of the world in dynamic-age perspective]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Voronezh, 2007, 225 p.
9. Golubeva, I.V. *Kontsept «Zhenshchina» v sisteme tsennostey sovremennoy obshchestva* [Concept «Woman» in the value system of modern society] // *Sistema tsennostey sovremennoy obshchestva* [Value system of modern society]: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Novosibirsk, 2009, p.p. 100-104.
10. Konogorova, A.V. *Kontsept «Zhenshchina» v angliyskoy lingvokul'ture* [Concept «Woman» in the English linguoculture] // *Vestnik BGU* [Journal of Bryansk State University]. Ulan-Ude, 2010. Vyp. 10: Filologiya, p p. 126-129.
11. Korolenko, R.A. *Kontsept «Woman» v sovremennoy angloamerikanskoy kul'ture: (lingvo-kognitivny aspekt)* [Korolenko R.A. Concept “Woman” in modern Anglo-American culture: (linguo-cognitive aspect)] // *Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki* [Actual problems of linguistics and linguodidactics]. Irkutsk, 2005, p.p. 103-111.
12. Kubryakova, E.S. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Sost. E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yanov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina. / Pod red. E.S. Kubryakovoy, M.: MGU, 1997, 245 p.
13. Minskiy, M. *Freymy dlia predstavleniya znaniy* [Framework for representing knowledge] / Per. s angl., pod red. F.M. Kulakova. M.: Energiya, 1979, 151 c.
14. Murashova, L.P. *Kontseptual'no-fremovoe konstruirovaniye zhenskoy identichnosti v angliyskom iazyke* [Conceptual-frame construction of female identity in English]. dis. ... kand. filol. nauk Pyatigorsk: PGU, 2018, 189 s.
15. Popova, Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. M.: AST: Vostok-Zapad, 2010, 314 p.
16. Fillmore, Ch. An alternative to checklist theories of meaning // *Proceedings of the first annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1975, p.p. 123-131.
17. Fillmore, Ch. *Indirect object constructions in English and the ordering of transformations*. The Hague: Mouton, 1961, 49 p.
18. Fillmore, Ch. The case for case // *Universals in linguistic theory* / ed. by B. Emmon, R. Harms. New York, 1968, p.p. 1-88.
19. Fillmore, Ch., Atkins, B. Towards a Framebased organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors // *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*. A. Lehrer, E. Kittay (eds.). Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1992, p.p. 75-102.
20. Lakoff, G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 614 p.
21. Partington, A. Patterns and meanings: using corpora for English language research and teaching // *Coll. — Studies in corpus linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1998, № 2, p.p. 162.
22. Prudence, A. *The concept of woman*. Cambridge: Eerdmans William B. Publishing Company, 1997. Vol. 1, 583 p.
23. Rosch, E., Mervis C.B. Family resemblances: studies in the eternal structure // *Cognitive Psychology*. New York, 1975, № 7, p.p. 573-605.
24. Stoljar, N. Essence, identity, and the concept of woman // *Philosophical Topics*. Fayetteville, 1995. № 2(23), p.p. 261-293.
25. Stubbs, M. On texts, corpora and models of language // *Text, Discourse and Corpora: Theory and Analysis*, sous la dir. de Wolfgang Teubert et Michaela Mahlberg. New York, 2007, p.p. 126-161.
26. Wittgenstein, L. *Philosophical investigations*. New York, 1953. p.p. 31-36.

Сведения об авторе:

Мурашова Людмила Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Кубанского института информзащиты (Россия, Краснодар). Сфера научных и профессиональных интересов: гендерная лингвистика, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, лингвокультурология, художественный перевод, перевод поэзии.
E-mail: L-P-Murashova@mail.ru.

About the author:

Liudmila P. Murashova – PhD, Associate Professor at the Department of Foreign languages № 1 of Kuban State Technological University. E-mail: L-P-Murashova@mail.ru

* * *

IMAGE AS A MODEL IN THE GERMAN LANGUAGE: PRACTICES OF DEFINITIONAL ANALYSES

Olga V. Printsipalova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *The paper considers the semantic structure of the concept IMAGE in the German language. The article presents the results of the definitional analysis of the lexeme "Image". The procedure of the definitional analysis, which enabled us to identify cognitive integral elements in order to objectify the concept of IMAGE, is specified. The classification of all identified semes is given in accordance with the activity-based approach; and the dominants of the ideal cognitive model of IMAGE are singled out, which include SUBJECT, OBJECT, MOTIVES, RESULTATIVE, and PROCEDURAL-SUBSTANTIVE SIDES of the concept. The structure of the idealized cognitive model of IMAGE is constructed of the units identified at the three stages of componential analysis. It is argued that the idealized conceptual model is associated with positive characteristics of an individual or a group of people in the eyes of others. At the same time the terminals included in the slots of the cognitive model are attacked in order to discredit a political opponent or to indicate the negative consequences of the politics conducted by the members of the outgroup. The author comes to the conclusion that the speaker purposefully tries to present his political opponents as inconsistent with the idealized cognitive model of IMAGE, discrediting their positive image in the eyes of others.*

Key Words: *image, ideal cognitive model, concept, componential analysis, language modeling*

For citation: Printsipalova O.V. 2021. Image as a Model in the German Language: Practices of Definitional Analyses. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 83–90. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-83-90>

МОДЕЛЬ ИМИДЖА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ ДЕФИНИЦИОННОГО АНАЛИЗА

О.В. Принципалова

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматривается семантическая структура понятия ИМИДЖ в немецком языке на основе результатов дефиниционного анализа лексемы „Image“. Уточняется процедура проведения дефиниционного анализа, при котором были выделены когнитивные интегральные элементы для объективации значения понятия ИМИДЖ. Приводится классификация всех выявленных сем в соответствии с деятельностным подходом и выделяются доминанты идеализированной когнитивной модели ИМИДЖ: СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, МОТИВЫ, РЕЗУЛЬТИРУЮЩАЯ СТОРОНА, ПРОЦЕССУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА. Определяется структура идеализированной когнитивной модели ИМИДЖ, единицы которой были выявлены на трёх этапах дефиниционного анализа. Доказывается, что идеализированное представление связано с набором положительных характеристик отдельной личности или группы людей в глазах окружающих, в то время как для уничтожения оппонента используются нападки на терминалы, входящие в слоты когнитивной модели, с целью дискредитации политического оппонента или указания на негативные последствия политики «чужих». Автор приходит к выводу, что оратор целенаправленно пытается представить своих политических оппонентов как несоответствующих идеализированной когнитивной модели ИМИДЖ, дискредитируя их позитивный образ в глазах окружающих.

Ключевые слова: имидж, идеализированная когнитивная модель, концепт, дефиниционный анализ, языковое моделирование

Для цитирования: Принципалова О.В. 2021. Модель имиджа в немецком языке: опыт дефиниционного анализа. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 83–90. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-83-90>

1. Введение

В жизнедеятельности социума персонализация политики стала особенно актуальной. В борьбе за умы, внимание и голоса избирателей на передний план выходит имидж политических партий и их членов. Имидж политика представляет собой, с одной стороны, многоструктурное лингвокогнитивное образование, базирующееся на этнокультурной почве, с другой стороны, имидж политического лидера является социопсихологическим феноменом [10, с. 74]. Благосклонность избирателей получает тот политик, имидж которого вызвал их доверие и победил в межпартийной конкуренции.

Для того чтобы коммуникация протекала успешно, говорящий должен производить речевые действия, направленные на поддержание имиджа своих собеседников (англ. face work, нем. Imagearbeit). В исследованиях вербальной манифестации имиджа коммуникантов отмечается, что речевые усилия по поддержанию имиджа являются «не целью, а условием ... «протекания» и структурным признаком интеракции. Для хода успешной коммуникации от каждого её участника ожидается, что он не только будет требовать уважения к себе, но и сам будет тактичным к оппоненту. Другими словами, участники коммуникации должны кооперироваться, выстраивая свою интеракцию в соответствии с ритуальными правилами» [3, с. 78-79]. Если названные условия нарушаются, то собеседники начинают совершать нападки на позитивный имидж друг друга и интеракция перетекает в модус агрессивного речевого поведения.

Являясь носителем смыслов, информационным феноменом, ИМИДЖ предъявляет информацию в её соответствии нормам, принятым в рамках данного сообщества и в определённом общекультурном контексте [11, с. 93]. В связи с этим имидж партий призван вызывать набор ассоциаций, которые отражают предназначение партии в обществе и государстве в целом. Элементы, выражающие понятие ИМИДЖ, определяются при анализе структуры и модели формирования имиджа [5, с. 162]. Несмотря на разнообразие определений и интерпретаций ИМИДЖА, можно выделить общие характеристики при толковании этого понятия: имидж формируется целена-

правленно, приобретает статус ментального стереотипа, оказывает эмоционально-психологическое воздействие [8, с. 81]. Очевидна связь сущности ИМИДЖА с идеями власти, чести и славы [1, с. 319].

Ранее уже предпринимались попытки описать понятийную составляющую концепта IMAGE, как, например, В.О. Радищевой в статье «Анализ понятийного компонента концепта «IMAGE» на материале немецкого языка» [9]. Однако, в указанной работе анализ проводился на уровне лексем, относящихся к ядру концепта. Цель же настоящего исследования – провести многоуровневый дефиниционный анализ немецкой лексемы „Image“ и выявить не только ядерные, но и периферийные семы, которые помогут определить доминанты и произвести языковое моделирование позитивного имиджа.

2. Методика и материал исследования

В настоящей статье для определения концептуального содержания понятия «имидж» мы провели его обширный дефиниционный анализ. Данный метод лингвистического исследования предлагает процедуру описания лексической семантики, создающей содержательное наполнение концепта. В нашем случае это концепт ИМИДЖ.

Дефиниционный анализ как метод лингвистического исследования является, по мнению М.В. Моисеева, продолжением и разновидностью компонентного анализа [7, с. 143]. При компонентном анализе слово раскладывается на его составляющие, так называемые семантические компоненты или семы. И.В. Арнольд отмечает, что семы представляют собой слагаемые лексического значения, отражающие признаки объектов, которые могут распознаваться данным языком [2, с. 52]. Лексические значения представлены в словарных дефинициях. При дефиниционном методе значение слова выявляется из его словарного толкования. Передача значения одного слова происходит при помощи других слов. При этом определяемое имеет меньше компонентов, чем определяющее, которое классифицирует семы в составе значения [2, с. 54]. Таким образом, значение слова представляет собой иерархическую единую систему, компоненты которой связаны между собой.

Дефиниционный анализ в немецкой генеративной и интерпретативной семантике обозначается термином *Komponenten-, Merkmalanalyse* (компонентный анализ, анализ признаков/характеристик). Тем самым подчёркивается, что данный метод основывается на том, что значение слова состоит из мельчайших когнитивных или понятийных элементов, семантических признаков, которые описываются при помощи универсальных категорий. То есть дефиниционный анализ позволяет выделить когнитивно-семантические элементы концепта и его лексических репрезентаций.

Традиционная реализация дефиниционного анализа состоит, главным образом, в обращении к словарным дефинициям лексем, участвующих в процессе номинации изучаемого концепта. Методом сплошной выборки устанавливается корпус лексических единиц, обладающих общим ключевым семантическим значением. Для этого вначале следует установить стержневые лексеммы в тезаурусном ряду, вербализующие рассматриваемый концепт. Стержневые лексеммы содержат в себе конститутивную сему, которая присутствует во всех остальных выявленных лексических единицах. Помимо прочего, словарные статьи в различных толковых и лексикографических словарях позволяют выявить дополнительные семы, которые помогают выстроить многомерную структуру концепта.

Анализ дефиниций представляет собой эффективный метод, адаптированный когнитивной лингвистикой из исследовательского инструментария семантики. Данный метод лингвистического анализа предлагает процедуру описания лексической семантики, создающей содержательное наполнение концепта. В нашем случае это концепт IMAGE.

Для более подробного отбора и детального рассмотрения компонентов концепта IMAGE, мы несколько модифицировали процедуру реализации метода дефиниционного анализа. На первом этапе был проведён компонентный анализ лексемы Image в авторитетных толковых немецкоязычных словарях: Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [14], Wahrig G.

Deutsches Wörterbuch [18], Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache [16], PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache [17], DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [13], и выявлены все его семы.

На втором этапе реализации дефиниционного анализа для каждой лексической единицы из установленного синонимического ряда, в свою очередь, выявлялись новые синонимы.

На третьем этапе проведения дефиниционного анализа все выявленные лексемы были подвергнуты компонентному семантическому анализу с помощью вышеназванных толковых словарей немецкого языка.

Как и любой акт речевого поведения, вербальные действия говорящего, направленные на поддержание своего имиджа или ущемление имиджа оппонентов, можно представить в виде определённой концептуальной модели с помощью фреймо-слотовой структуры [ср. напр.: 4, с. 35]. В связи с идеализацией образа политиков и возможной его трансформацией в глазах избирателей целесообразно обратиться к идеализированным когнитивным моделям (ИКМ), с помощью которых структурируется понятийная система человека. Теория ИКМ впервые была описана Дж. Лакоффом, который характеризует их как один из типов когнитивных структур [15], наиболее значимыми из которых являются следующие модели: пропозициональные ИКМ, образно-схематические ИКМ, метафорические ИКМ, метонимические ИКМ. ИКМ вычленяют элементы, дают им характеристики и указывают на связи между ними. Основой для построения ИКМ служат среди прочего: 1) социальные стереотипы; 2) типичные примеры; 3) идеалы; 4) лучшие и худшие образцы [6, с. 61-66].

3. ИКМ ИМИДЖ и её составляющие

Трёхэтапный дефиниционный анализ позволил выявить в общей сложности 45 единиц, ассоциируемых с понятием IMAGE. Словарные статьи лексемы „Image“ в авторитетных толковых словарях немецкого языка показал, что IMAGE связан с такими положительными проявлениями отдельной личности или группы людей в глазах окружающих, как престиж/достоинство (*Ansehen*), образ (*Bild*), слава (*Leumund*), репутация (*Ruf, Reputation*); ореол (*Nimbus*), престиж (*Prestige*), характерные черты (*Profil*), реноме (*Renommee*).

Далее для каждой лексической единицы из установленного синонимического ряда были выявлены новые синонимы. На следующем этапе дефиниционного анализа были выбраны лексемы, у которых хотя бы одна сема коррелирует с семами слова *Image*. К таким словам относятся *Autorität, Corporate Identity, Format, Geruch, Name, Nimbus, Rang, Respekt, Rückgrat, Status, Stellung, Ruhm*.

Дефиниционный анализ концепта IMAGE позволяет установить концептуальные связи между составляющими компонентами всей структуры вышеназванного концепта. Так, лексема *Bild* (образ) является одним из составляющих концепта IMAGE и расширяет своё концептуальное значение с помощью синонима *Vorstellung* (представление).

Имидж политика формируется не только его политическими позициями, которые он отстаивает. Язык, риторика, жесты, способы общения с другими политическими деятелями и гражданами, а также образ жизни, семья и хобби оставляют определённый отпечаток, обозначаемый в Duden посредством лексемы *Eindruck* (впечатление).

Лексема *Autorität* (авторитет) приводится в словарях в сочетаемости с прилагательными *moralisch, staatlich*, что подчёркивает значимость социальной функции личности. Общепризнанную весомость человека, который благодаря своим знаниям выносит суждения, признающиеся широкими слоями населения и вызывающие доверие, обнаруживаем также в лексеме *Geltung* (значимость, ценность), представленной в Wahrig. Понятие *Autorität* часто коррелирует со словами *Macht* (власть) и *Einfluss* (влияние), что указывает на наделение правом человека во власти воздействовать на жизнедеятельность членов общества.

Схожим значением обладает лексема *Ansehen* (престиж/достоинство). Все использованные нами словари трактуют это понятие как *Achtung* (уважение) и *gute/hohe Meinung* (хорошее/высокое мнение). В словаре Wahrig дополнительно представлено значение *Würde* (достоинство).

В толковом словаре Duden для объяснения понятия *Ansehen* вводится лексема *Anerkennung* (признание). Признание заслуг имеет следствием утверждение и уважение политика или его партии в общественном сознании.

Помимо прочего, Duden предлагает для дефиниции понятия *Ansehen* дополнительный признак – лексему *Wertschätzung* (уважение/оценка значимости), которая существенно расширяет концепт IMAGE.

Понятие *Respekt* детализируется с помощью синонимичных лексем *Bewunderung* (восхищение), *Ehrerbietung* (почитание), *Ehrfurcht* (глубокое уважение), из чего становится очевидным, что восхищение и уважение окружающих, которое вызвано правильными и профессиональными действиями политика, являются важными составляющими компонентами концепта IMAGE.

Одним из ключевых составляющих элементов концепта IMAGE является *Renommee* (реноме) – репутация уважаемого лица. Положительное реноме в глазах избирателей становится главным фактором, который обеспечивает высокую степень доверия. Для политика важен результат, поэтому на реноме отражаются такие факторы как профессионализм, умение держать слово, стремление улучшать жизнь народа.

Престиж политика или его партии выражает меру социального статуса, общественное признание авторитетов. Престиж часто отождествляется с уважением и статусом. Лексема *Status* (статус) в словаре Wahrig рассматривается в связи с положением внутри определённой общественной группы (*gesellschaftliche Stellung*). Люди, обладающие одинаковым престижем, то есть пользующиеся одинаковой степенью признания, образуют единую статусную группу. Статус наделяет своих владельцев определёнными обязанностями и правами, возможностями и влиянием.

Дефиниция понятия *Stellung* (позиция, точка зрения) связана со степенью значимости и признания внутри определённой иерархии. В качестве синонимов словари немецкого языка приводят *Rang*, *Position*. Сочетания *von hohem Rang* и *ersten Ranges* указывают на значимость и весомость в обществе индивида. Характеристика «высший разряд/высшая категория» свидетельствует о высокой степени профессионализма и надёжности.

Особо высокая степень доверия, достоинства и уважения включена в понятие *Nimbus* (ореол). Эффект ореола в общественном сознании усиливается характеристикой *glanzvoller Ruhm* (блистательная слава). Пытаясь понять происходящее вокруг, избиратель даёт свою интерпретацию действиям и процессам. Политик наделяется вымышленными качествами, благодаря которым происходит типологизация его деятельности. Процессы атрибуции (приписывания) служат основой для создания ореола. Положительный ореол в одной сфере проецируется на безусловный успех в другой.

Одним из самых частотных компонентов обозначенного концепта IMAGE выступает слово *Ruf*, *Reputation* (репутация). В создании и поддержании имиджа политика немаловажную роль играет его репутация, а лексемы для их выражения *Ruf* и *Reputation* некоторыми исследователями рассматриваются как синонимы, так как обе лексемы отображают процессы восприятия и оценки избирателей. Репутация (от лат. *reputatio* – обдумывание, созерцание) связана с социальной предсказуемостью, другими словами, с определёнными ожиданиями социума, которые он выдвигает к личности, объекту или продукту в целом [12; 14].

Дополнительным элементом к уже имеющимся *Leumund*, *Ansehen* (молва, слава, признание) является сочетание *Urteil der Allgemeinheit* (суждение, мнение общественности) в словарях Langenscheidt и Duden. Репутация выражает коллективное мнение окружающих, то есть восприятие субъекта через призму общественного мнения, а также через его стереотипизацию. Иными словами, полученные впечатления об объекте восприятия обобщаются на основании сходства с прежними впечатлениями. В сочетании с такими признаками, как *gut*, *schlecht*, *zweifelhaft*, *groß*, *übel* лексемы „*Ruf/Reputation*“ выражают оценочное суждение о качествах личности или группы лиц. Репутация как одна из составляющих имиджа представляет собой устойчивую смысловую конструкцию, которая формируется на внутреннем уровне в зависимости от конъюнктурных потребностей электората.

Лексема *Name*, употребляемая в значении «репутация/известность», представляет собой ещё одно звено в компонентном анализе понятия IMAGE. Делая себе имя, то есть создавая репутацию, политик должен совершать свои политические действия в соответствии с общепринятыми ценностями. Обещания, гарантии их выполнения и результат выполненных обещаний создают положительное имя, позволяют заработать авторитет в глазах избирателей и тем самым повысить свой рейтинг.

Важность репутации для создания имиджа прослеживается в дефиниции понятия *Corporate Identity*, где корпоративная репутация организации, её презентация (*Erscheinungsbild* – (внешний вид)) в обществе выступает как стратегический концепт философии этой компании, направленный на создание положительного долгосрочного впечатления. Политическая идентичность похожа на корпоративную идентичность тем, что выражается в принадлежности к определённой группе, в данном случае к политической партии, и в проявлении себя в соответствии с ценностями данной группы. Деловая, как и личная, репутация очень уязвима и должна постоянно поддерживаться на высоком уровне через разного рода деятельность, результаты которой соответствуют общепринятым ценностям.

Кроме деловой репутации важную роль играет *Selbstdarstellung* (самодемонстрация/самопрезентация; поведение, рассчитанное на эффект). Самопрезентация осуществляется самим носителем имиджа. Построение имиджа относится к прагматическим стратегиям, то есть к стратегиям, которые направлены на достижение заданного результата, а именно на получение голосов избирателей. Самопрезентация политика направлена на то, чтобы показать свою принадлежность к электорату, и что он является частью этого электората.

Ещё один дополнительный признак концепта IMAGE выражается лексемой *Format* (формат), которая связана с такой характеристикой лица, как значимость его положения. Словарь PONS выделяет в понятии формата «большое значение человека как личности» (*jds große Bedeutung als Persönlichkeit*), а в словаре Duden в определении формата присутствует признак «незаурядный, исключительный» (*außergewöhnlicher Rang, ausgeprägtes Persönlichkeitsbild*). В политическом дискурсе внимание аудитории в первую очередь фокусируется на индивидуальности политического деятеля, на его особенных способностях, оценивается его поведение по критериям социальных стандартов. Таким образом, формат создаёт у электората нужное эмоциональное восприятие политического деятеля или партии.

В реализации концепта IMAGE принимает участие также лексема *Profil*. Словари PONS и Duden определяют *Profil* как „*Gesamtheit stark ausgeprägte kennzeichnende Eigenschaften, die als Gesamtheit, einer Person oder Sache ihren besonderen Wert geben / die unverwechselbar typisch für jmdn. oder etw. sind*“. Из этого следует, что совокупность характеристик, которые многоаспектно описывают деятельность и компетенции политического актора, способствуют его политической идентификации.

Лексема *Rückgrat* (характер, стойкость, твёрдость) в корреляции с концептом IMAGE, а также её синонимы *Charakter* (характер) и *Zivilcourage* (гражданское мужество) представляют характеристики идеального политика. Желание политика вмешиваться в критические ситуации с целью их решения, умение проявить стойкость и твёрдость характера при отстаивании своей позиции вызывает уважение и доверие граждан.

Смысловое наполнение концепта IMAGE усиливается лексемой *Leumund* (слава). В словарях Duden и DWDS в дефиниции понятия *Leumund* обнаруживается характеристика *Nachrede* (молва, дурная слава), которая может быть отнесена к периферии концепта. Негативные слухи, молва часто связаны с недостоверностью и ложностью информации. Хорошая или дурная слава выступает в соответствующей роли катализатора политических настроений.

Тезаурусный ряд понятия «репутация» дополняется несколькими лексемами с отрицательной коннотацией – *Verruf* (дурная слава) и *Geruch* (дурная репутация/дурная слава). Дурная слава личности создаётся в глазах общественности на основе невыполнения этим человеком обязательств или нарушения моральных принципов. Это – общественная оценка недостатков политика. Непривлекательный образ политика и/или партии способствует ослаблению доверия и дискредитации престижа. Расширяя данную дефиницию, в словарях появляется характеристика *allgemeine, meist schlechte Meinung* (общественное, как правило, плохое мнение).

Информация, воспринимаемая сначала индивидом, а затем и обществом, после процесса обработки в результате находит своё отражение в мнениях и суждениях об объекте, в нашем случае о политическом деятеле или его партии. Сложившийся имидж позволяет избирателям просчитать, как политик поведёт себя в будущем. Такая предсказуемость облегчает и упрощает процесс принятия решения избирателем на основе ряда отличительных признаков, например: надёжность, верность слову, ответственность и т.д. – *Glaubwürdigkeit* (надёжность, доверительность), *Unbescholtenheit* (незапятнанность).

4. Выводы

Трёхэтапный дефиниционный анализа немецкой лексемы „Image“ на основе 5 толковых словарей немецкого языка позволил выявить в общей сложности 45 единиц, включая её синонимы и другие лексемы, семы которых ассоциируются с субстанциональными характеристиками концепта IMAGE. Все компоненты концепта IMAGE образуют идеализированную когнитивную модель ИМИДЖ. Основой для структурирования всех выявленных сем немецкой лексемы „Image“ в рамках идеализированной когнитивной модели ИМИДЖ может служить деятельностный подход. Согласно этому подходу, любая активность человека, в том числе и исследуемые нами вербальные усилия по поддержанию своего имиджа или нанесению урона имиджу оппонента, имеют следующую структуру: 1) СУБЪЕКТ ИМИДЖА (Кто?), 2) ОБЪЕКТ ИМИДЖА (Для кого?), 3) МОТИВАЦИОННАЯ СТОРОНА ИМИДЖА (Зачем?), 4) РЕЗУЛЬТИРУЮЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ИМИДЖА (Какой результат достигнут или не достигнут?), 5) ПРОЦЕССУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА ИМИДЖА (Как действует субъект имиджа?). Эти элементы выступают в качестве доминант идеализированной когнитивной модели ИМИДЖ. Каждая доминанта находит свою вербальную манифестацию в виде набора слотов в условиях реального речевого взаимодействия коммуникантов.

© Принципалова О.В., 2021

Список литературы

1. Абдиева Г.М. Концепт «ИМИДЖ» в современной лингвокультуре / Г.М. Абдиева, Д. Шайбакова. Мир науки, культуры, образования. 2020. №1 (80). С. 317-320.
2. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. Пособие. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
3. Глушак В.М. Имидженарушающее поведение в высокоэмоциональной интеракции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 560. С. 78-87.
4. Глушак В.М. Языковое моделирование образцов речевого поведения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. №7 (51). С. 35-42.
5. Депенян Р.А. Имидж политических партий // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 161-165.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Моисеев М.В. Применение дефиниционного анализа в лингвокультурологическом исследовании // Вестник Омского государственного университета. Омск: Изд-во ОмГУ. 2010. № 3. С. 142-148.
8. Никитина Л. Б. Семантический потенциал термина «ИМИДЖ» в современном русском языке / Л. Б. Никитина, Е.В. Гейко. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. №4 (25). С. 80-84.
9. Радищева В.О. Анализ понятийного концепта «IMAGE» на материале немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №7-3 (73). С. 169-171
10. Тамерьян Т. Ю. Имиджевая структура концепта KANZLERIN ANGELA MERKEL по данным немецких СМИ / Т. Ю. Тамерьян, В. А. Цаголова. Политическая лингвистика. 2018. №3. С. 69-75.
11. Цветкова Е.А. Культурологическая концепция имиджа // Вестник НГТУ им. П.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2016. №. 1. С. 91-97.
12. Burkhardt R. Reputation Management in Small and Medium-sized Enterprises. Analysis and evaluation of the use of Reputation Management: A survey of Small and Medium-sized Enterprises in Germany. Hamburg: Diplomica Verlag, 2008. 122 S.
13. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата доступа 12.08.2020)

14. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата доступа 09.08.2020)
15. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 614 p.
16. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 2010. 1513 S.
17. PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: Das neue Wörterbuch für Alltag, Unterricht, Studium und Beruf. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2004. 1700 S.
18. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Mit einem «Lexikon der deutschen Sprachlehre». Gütersloh, München: Bertelsmann Lexikon Institut, 2006. 1728 S.

References

1. Abdieva, G.M., Shaibakova D. Kontsept «IMIDZh» v sovremennoi lingvokul'ture [The concept “IMAGE” in the modern linguoculture] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2020. №1 (80). pp. 317-320.
2. Arnold, I. V. *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of Scientific Research in Linguistics]: Ucheb. posobie – M.: Vysshiaia shkola, 1991. 140 p.
3. Glushak, V.M. Imidzhenarushaiushchee povedenie v vysokoemotsional'noi interaktsii [Image-disturbing behavior in highly emotional interaction] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2009. № 560. pp. 78-87.
4. Glushak, V.M. Iazykovoie modelirovanie obraztsov rechevogo povedeniia [Language modeling of patterns of speech behavior] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2007. №7 (51). pp. 35-42.
5. Depelian, R.A. Imidzh politicheskikh partii [Image of political parties] // *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniia*. 2016. № 10. pp. 161-165.
6. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by] / per. s angl.; pod red. I s predisl. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.
7. Moiseev, M. V. Primenenie definitsionnogo analiza v lingvokul'turologicheskom issledovanii [Definitional analysis in cultural linguistic research] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. Omsk: Izd-vo OmGU. 2010. № 3. pp. 142-148.
8. Nikitina, L. B., Geiko, E. V. Semanticheskii potentsial termina «IMIDZh» v sovremennom russkom iazyke // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*. 2019. №4 (25). pp. 80-84.
9. Radishcheva, V.O. Analiz pontiatiinogo kontsepta «IMAGE» na materiale nemetskogo iazyka [Analyses of the notional component of the concept “IMAGE” on the material of the German language] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. №7-3 (73). pp. 169-171.
10. Tamer'ian, T. Iu., Tsagolova, V.A. Imidzhevaia struktura kontsepta KANZLERIN ANGELA MERKEL po dannym nemetskikh SMI [The IMAGE structure of the concept chancellor Angela Merkel based on the German media] // *Politicheskaiia lingvistika*. 2018. №3. pp. 69-75.
11. Tsvetkova, E.A. Kul'turologicheskaiia kontseptsiiia imidzha [Cultural concept of IMAGE] // *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii»*. 2016. №. 1. pp. 91-97.
12. Burkhardt, R. *Reputation Management in Small and Medium-sized Enterprises. Analysis and evaluation of the use of Reputation Management: A survey of Small and Medium-sized Enterprises in Germany*. Hamburg: Diplomica Verlag, 2008. 122 p.
13. DWDS. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*, www.dwds.de/ (accessed 12.08.2020)
14. Duden. *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*, www.duden.de/woerterbuch (accessed 09.08.2020)
15. Lakoff, G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 614 p.
16. *Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 2010. 1513 p.
17. *PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: Das neue Wörterbuch für Alltag, Unterricht, Studium und Beruf*. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2004. 1700 p.
18. Wahrig, G. *Deutsches Wörterbuch*. Mit einem «Lexikon der deutschen Sprachlehre». Gütersloh, München: Bertelsmann Lexikon Institut, 2006. 1728 p.

Сведения об авторе:

Принципалова Ольга Вячеславовна – старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: политическая и когнитивная лингвистика. E-mail: o.printsipalova@my.mgimo.ru

About the author:

Olga V. Printsipalova – a Senior Teacher, Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: political and cognitive linguistics. E-mail: o.printsipalova@my.mgimo.ru

* * *

TOWARDS THE ISSUE OF THE SMALLEST THEATRICAL TEXT UNIT

Olga A. Chureyeva

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
95007, Russia, Simferopol, Academician Vernadsky Avenue, 4

Abstract. *This research aims to identify the smallest unit of theatrical text as a specific polyphonic sign system from the point of view of the apparatus that governs it. The initial difficulty, which arises in connection with theatrical text, is the issue of a theatrical sign. The author considers different approaches targeted to synthesize the definition of the smallest unit, which is required for the scientific description of the object under analysis. It is pointed out that any disregard of a polymodal nature of theatrical text leads to invalid results. Theatrical text as a direct result of complex sign semiosis should be regarded holistically. It is important to realize that any speech event in the theater is performative and applied in an equivalent theatrical sign (acteme), which is the result of polyvalent sign systems on the stage. The term 'acteme' applied for theatrical signs, as it is assumed, can facilitate the process of linguistic description of theatrical text and its reading. It is pointed out that although the issue of theatrical text is less elaborated in language theory than the issue of dramatic text as a literary work, it is evident that investigations in this field have considerably progressed and the search for an adequate comprehension of semiotic procedures continues.*

Key Words: *theatrical text, theatrical discourse, the smallest unit of analysis, theatrical sign, texteme, dicteme, acteme, play, holistic approach*

For citation: Chureyeva O.A. 2021. Towards the Issue of the Smallest Theatrical text Unit. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 91–99. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-91-99>

К ВОПРОСУ О МИНИМАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ТЕКСТА

О.А. Чуреева

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
295007, Россия, Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4

Аннотация. *Настоящее исследование нацелено на выявление минимальной единицы театрального текста с учётом его специфики как полифонической знаковой системы, рассматриваемой с точки зрения аппарата, управляющего ею. Исходная трудность, возникающая в связи с*

театральным текстом, касается вопроса о театральном знаке. Автор рассматривает различные подходы, направленные на синтез определения минимальной единицы, что обусловлено требованиями научного описания исследуемого объекта. Отмечается, что любые результаты анализа, достигнутые без учёта полимодального характера театрального текста, не могут считаться достоверными. Театральный текст как прямой результат семиозиса следует рассматривать в русле холистического подхода. В этом отношении необходимо понимать, что речевое событие в театре перформативно и апплицируется на эквивалентный театральный знак (актему), который является результатом поливалентности знаковых систем на сцене. Можно предположить, что оперирование термином «актема» в связи с номинацией театральных знаков могло бы облегчить процесс лингвистического описания театрального текста и его прочтения. Хотя проблема театрального текста менее разработана в теории языка, чем проблема драматического текста как литературного произведения, очевидно, что исследования в этой области значительно продвинулись вперёд и поиск адекватного понимания семиотических процессов продолжается.

Ключевые слова: театральный текст, театральный дискурс, минимальная единица анализа, театральный знак, текстема, диктема, актема, игра, холистический подход

Для цитирования: Чуреева О.А. 2021. К вопросу о минимальной единице театрального текста. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 91–99. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-91-99>

В постмодернистскую эпоху, характеризующуюся сменой научной парадигмы, произошло переосмысление объёма понятия «текст», которое стало вмещать в себя не только то, что вербализовано или предназначено для вербализации, но также и то, что не высказано словесно. Сегодня в фокусе внимания исследователей находятся тексты художественной и специальной литературы, медиатексты и кибертексты, тексты разных видов искусства и спорта, тексты общественно-политических акций и церемоний, тексты военных действий и дипломатических переговоров, тексты поведения человека в цифровом пространстве и др. Особый интерес учёных вызывает исследование театрального текста, что обусловлено осознанной необходимостью уяснения механизмов, которые управляют коммуникацией театрального типа, с целью определения инструментов воздействия на сознание реципиента, идентификации намерения адресанта, овладения кодом, с помощью которого зашифровано сообщение, и адекватного декодирования текста. Проблема анализа любого текста сопряжена с проблемой определения его минимальной единицы. В этимологическом смысле «анализ» представляет собой не что иное, как «разбор», то есть сегментацию. Процесс сегментирования и декодирования тем сложнее, чем сложнее код, то есть система символов и правил, знание которых обеспечивает возможность передачи и понимания информации. В ходе создания театрального текста сообщение шифруется при помощи символов различных кодовых систем, поэтому адекватная интерпретация текста требует понимания того, как устроена система театрального текста, из каких единиц она состоит, что является главным строительным элементом этой системы.

В свете вышесказанного представляется важным определение объёма понятия театрального текста, рассмотренного с различных точек зрения, а также попытка вычленения его минимальной единицы.

Исследование сценического представления как текста особой природы стало возможным во многом благодаря трудам структуралистов, подготовивших почву для дальнейших научных изысканий. Так, ещё в 1970 году Ю. М. Лотман в работе «О структуре художественного текста» выделял в качестве особого объекта исследований тексты искусства и предлагал рассматривать их как «вторичную моделирующую систему: «Искусство может быть описано как некоторый вторичный язык, а произведения искусства – как текст на этом языке» [4, с. 22].

В XX веке тезаурус лингвистической науки обогатился новыми терминами, необходимыми для того, чтобы «молодой» объект исследования обрёл форму, стал объёмным и осязаемым. Так, в трилогии «Читать театр» французская исследовательница Анн Юберсфельд рассматривает сценическое действие как «текст-представление», в книге «Образ спектакля» А. А. Михайлова использует термин «сценическое произведение», позднее в научную понятийную систему прочно встраивается термин «театральный текст» (Э. Розик, П. Павис, И. В. Цунский).

В широком смысле «текст» представляет собой последовательность знаков, образующую единое целое и составляющую предмет исследования теории текста. Развитие науки сегодня сопровождается конвергенцией различных областей научного знания, и любое исследование становится междисциплинарным. Текст является объектом изучения не только лингвистики, но и целого комплекса филологических, философских, психологических, математических и других наук, так как находится в точке пересечения интересов семиологии, коммуникативной прагматики, культурологии, теории игр, кибернетики, практической психологии, философской герменевтики, теории перевода и т. д.

Итак, в качестве объекта исследования в рамках настоящей работы рассматривается осмысленная последовательность знаков театрального языка – театральный текст. Используются общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы структурного и функционального анализа.

Цель предпринятого исследования состоит в том, чтобы на основе изучения природы и функции театрального текста определить минимальную единицу системы, с помощью которой возможен анализ театрального текста.

Известны различные подходы к изучению театрального текста, сформированные на методологической платформе семиологии и, следовательно, объединённые понятием знака. Вопрос о театральном тексте как процессе и результате трансмутации в разных аспектах освещается в работах Р. О. Якобсона, У. Эко, Ю. М. Лотмана, Р. Барта, Я. Мукаржовского и др. Герменевтический подход предполагает рассмотрение театрального текста сквозь призму философской герменевтики и психологии (И. В. Цунский, А. А. Михайлова, И. Н. Губанова). В русле прагматического подхода театральный текст исследуется как особым образом организованная коммуникация, то есть служит объектом дискурс-анализа (В. Герман, И. Осолсоб, Е.В. Илова, Н.Н. Бонч-Томашевский, В.В. Зацепкина и др.).

Вопрос о соотношении понятий «театральный текст» и «театральный дискурс», который также широко обсуждается в научном сообществе, мы оставим за рамками настоящего исследования, акцентируя внимание лишь на тех моментах, которые являются значимыми для обсуждения заявленной темы и достижения поставленной цели. В этом отношении важно подчеркнуть, что любой театральный текст является системой коммуникации и может быть определён также как конкретная реализация сценического языка – театральный дискурс.

В настоящей работе рассматривается театральный текст как разветвлённая система лингвистических и экстралингвистических кодов, конструируемая в процессе семиозиса поливалентных знаков в момент представления.

Представление – «наделение присутствием чего-то, что с этого момента начинает существовать для нашей памяти, нашего слуха (а не только для глаз) и в нашем времени» [6, с. 279]. Этот тезис Патриса Пави является существенным для понимания особой природы театрального текста как вторичного по отношению к драматическому произведению, актуализацией которого он служит.

Итак, целью создания драматического текста является его представление на сцене, визуализация вербальных знаков. Таким образом, линейный текст, вписанный в хронотоп реального действия, становится трёхмерным и вовлекается в сложную систему отношений между различными знаковыми системами. Создаётся театральный текст, в котором уже не только слово «говорит», но «говорить» начинает интонация, жест, поза, мизансцена, свет, цвет, декорации, любая деталь, находящаяся в фокусе зрительского внимания.

«Текст-представление» имеет свои особенности, связанные с дискретностью хронотопа. В отличие от драматического текста, который делится на акты и действия, театральный текст сегмен-

тируется также антрактами и занавесом. Переход от явления к явлению на сцене происходит естественным образом, благодаря чему возникает ощущение непрерывности действия и достигается сходство с течением событий в реальной жизни. Можно говорить о структурно организованном целом, имеющем определённые границы, которые детерминируются действием, ситуацией.

Театральный текст немыслим вне ситуации. Данный тезис ещё получит своё развитие в ходе нашего рассуждения о том, из каких элементов складывается эта система, что следует считать системообразующим фактором и возможно ли вычленить минимальную единицу театрального текста. Понятие коммуникативной ситуации, являющееся ключевым в теории речевых актов, подразумевает всю совокупность условий, при которых происходит речевое взаимодействие (участники, время, место, обстоятельства, атмосфера и т. д.), следовательно, учёт ситуации высказывания имеет важнейшее значение для интерпретации сообщения. В столь же значительной степени, и даже в большей, фактор ситуации (лингвистической и сценической) влияет на организацию и прочтение театрального текста, вступающего в сложные отношения с драматургическим материалом.

Театральный текст создаётся на основе литературного произведения многими соавторами: режиссёром, актёрами, художниками и др. Вопрос о том, как следует расценивать театральный текст по отношению к драматическому тексту, поднимался разными исследователями в области теории языка и является предметом дискуссий до сих пор. Театральные тексты, стимулом к созданию которых служит один драматический текст, могут рассматриваться и как варианты по отношению к инварианту, и как разные самостоятельные, «даже взаимопротивопоставленные тексты» [4, с. 76]. На наш взгляд, решение в пользу того или иного взгляда лежит в плоскости выбора методологии, в русле которой исследуется объект, и зависит от того, анализируется театральный текст как результат актуализации драматического текста или как произведение театрального искусства.

Примечательна в этой связи позиция А. А. Михайловой, которая, указывая на двойственную природу сценического произведения, предлагает интегративное решение и вводит понятие «образ спектакля». Исследовательница отмечает: «Театр воспроизводит «древний текст» в его целостности, он толкует драму, превращая её в спектакль» [5]. Театральный текст (спектакль) понимается как сценическая интерпретация инварианта.

Термин «образ спектакля», используемый в связи с театральным текстом, мы встречаем также в работе И. В. Цунского, который понимает под театральным текстом последовательность событий, или «событийно-образный ряд» [8, с. 166]. Исследователь предлагает в качестве «макрознака» рассматривать художественный образ спектакля, который создаётся авторами постановки и формируется в сознании зрителя в результате декодирования театрального текста. И. В. Цунский рассматривает театральный текст также как ролевую игру, то есть моделирование поведения в предлагаемых обстоятельствах (в определённое время, в определённом пространстве, в определённых условиях и т. д.)

Это коррелирует с тезисом Ю. М. Лотмана о том, что спектакль, театральный текст – это «сыгранный словесный текст пьесы» [4, с. 88]. Таким образом, акцентируется внимание на игровой составляющей объекта исследования. В этой связи уместно обратиться к работе Д. Б. Элькониной «Психология игры», автор которой предпринимает попытку вычленить минимальную единицу анализа игровой деятельности, обладающую свойствами целого. Исследователь исходит из того, что «роль и органически с ней связанные действия представляют собой основную, далее неразложимую единицу развитой формы игры» [9, с. 36]. Иной точки зрения придерживается И. Е. Берлянд, полагая, что роль является слишком крупной единицей. Исследовательница предлагает рассматривать в качестве минимальной единицы «игровое действие, понятое как изображение», которое создаёт образ действия [1, с. 17-23]. Данный подход сближает концепции, согласно которым под минимальной единицей может быть понято действие, событие, образ, образ события. В глобальном смысле любая игра складывается из ходов каждого участника, актанта, то есть из отдельных предпринимаемых им действий, являющихся частью определённой стратегии, вписанных в кодекс конвенциональных установок (правил) и влияющих на весь ход игры.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к мысли о том, что вопрос о выделении минимальной единицы анализа театрального текста требует решения с позиции комплексного подхода.

По мнению Эли Розика, театральный текст представляет собой «всю совокупность вербальных и невербальных знаков (предложений), организованных определённым образом и предназначенных для прочтения (декодирования), понимания и переживания реципиентом» [13, с. 175]. Исследователь, отталкиваясь от изысканий Иржи Вельтруски, который под минимальной единицей текста понимал иконический знак, вводит понятие «иконической фразы».

Рассуждения о минимальной единице театрального текста независимо от того, в русле какой методологии он рассматривается, выстраиваются вокруг понятия театрального знака, или «семиотической единицы текста-представления» [11, с. 214]. По мнению Тадеуша Ковзана, такая единица представляет собой «срез, заключающий в себе все одновременно продуцируемые знаки» [11, с. 215]. Эти знаки, относящиеся к различным кодовым системам, накладываются друг на друга. Слово, жест, поза, мимика, расстояние между актантами, костюм, свет, будучи знаками различной природы, интегрируются в некий семиотический фрагмент. «Ковзановский срез» подвергался критике со стороны других учёных. Патрис Пави считал попытки Тадеуша Ковзана вычленивать и классифицировать театральные знаки утопией и следствием заражения «догматическими пред-рассудками». Кир Элам указывал на то, что идея «среза знаков» не получила практической реализации и не доказала свою состоятельность на примере текстуального анализа. Эли Розик, хотя и называл идею коллеги в определённом смысле прорывной, но в то же время отмечал в качестве существенного недостатка тот факт, что принцип, предложенный для сегментирования текста на значимые единицы, парадоксальным образом не учитывает критерий значения и поэтому представляется чисто механическим. Эли Розик предлагает рассматривать в качестве минимальной единицы не «срез знаков», а «иконическую фразу, описывающую одно действие» [13, с. 177].

В качестве иллюстрации тезиса Эли Розика можно привести фрагмент драматического диалога из спектакля «Белая гвардия», поставленного в МХТ им. А. П. Чехова по пьесе М. А. Булгакова «Дни Турбиных» (реж. С. Женовач):

Елена: Пристал, как змея... как змея.

Шервинский: Какая же я змея?

Вопрос Шервинского является риторическим, так как цель вопроса состоит не в получении ответной реплики, а в отрицании сказанного («Я не змея»). В контексте коммуникативной ситуации важным является факт отрицания уместности сравнения со змеей, или змеем как символом изворотливости, лукавства, обольщения. Сема «искушения» актуализируется и подкрепляется следующей репликой Елены («Пользуется каждым случаем и соблазняет»). Таким образом, отрицание «Я не змея» подразумевает под собой отрицание намерения обольстить, искушить. В тексте пьесы отсутствует ремарка, подсказывающая актёру, как должна быть произнесена реплика, с какой интонацией, какими движениями она должна сопровождаться. Решение этой задачи предоставляется авторам театрального текста. Артист, играющий роль Шервинского, произносит свою реплику мягким и вкрадчивым голосом, приближаясь к героине, при этом движения его головы и корпуса имитируют пластику змеи. Вербальное высказывание и невербальное вступают в противоречие и, накладываются друг на друга, образуют иконическую фразу, семантическое содержание которой выходит за рамки отрицания факта уместности приведённого сравнения. Кинеморфема (минимальная значимая единица языка тела) нивелирует смысл, выраженный вербально, и меняет его на противоположный, в результате чего реплика Шервинского интерпретируется как подтверждение сказанного героиней («Да, я искуситель»). Таким образом, одновременно эмитируемые знаки (вербальные, просодические, кинесические, проксеимические, световые, шумовые, ольфакторные и т.д.) образуют один комплексный знак, который и включает в себе истинный смысл передаваемого сообщения.

Очевидно, что амплитуда взглядов на проблему минимальной единицы театрального текста достаточно широка (даже внутри семиотической школы). Сценический язык более динамичен, чем вербальный, поэтому исследовать структуру театрального текста представляется возможным только посредством исследования принципов означивания и механизмов генерирования

смысла. Опираясь на понятие «знак», мы должны чётко понимать, о чём мы говорим, когда говорим о знаке сценической языковой системы.

Тезис Ф. де Соссюра о том, что лингвистика может служить моделью (*patron général*) для любой семиологической системы, лёг в основу развития семиологии текста [7, с. 101]. Понимание знака как единства означаемого и означающего в этом контексте требует некоторого уточнения.

Следует отметить, что перенос понятия знака в плоскость театрального представления как текста особой природы создаёт серьёзные трудности для исследователей. Во многом это обусловлено тем, что в театре план означающего (выразительный) создаётся сценическими средствами (фигуры, цвет, форма, свет, мимика, движение и др.), в то время как план означаемого – это некая интегративная концепция, некое значение, взятое в качестве неизменной величины при том, что компоненты означающего подвижны и могут изменяться.

Исходя из концепции Ф. де Соссюра, для определения значения достаточно плана означающих систем и плана означаемых систем [7]. При этом нет необходимости вводить понятие референта, то есть реального или воображаемого объекта, к которому отсылает знак. Если знак естественного языка характеризуется немотивированностью, то есть связь между означаемым и означающим является произвольной, а не устанавливается по аналогии, то, говоря о театральном знаке, необходимо подчеркнуть элемент обусловленности и ввести понятия аналогии и иконичности. Означающее воспринимается как референт, вследствие чего исследователи начинают проводить параллель между условной действительностью и реальной действительностью, сводя тем самым сценическое искусство к мимесису (имитации действительности), концентрируясь на репрезентативной функции драматического текста и оставляя вне поля зрения план выражения идеи, имплицитированной в драматическом тексте средствами сценического языка. Исследователи, трактующие театральные знаки как референциальную иллюзию, склонны полагать, что театральные знаки являются одновременно и знаком, и референтом [10].

Как представляется, теория театрального знака нуждается в конкретизации. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что театральные знаки отличаются подвижностью, то есть подвержены изменениям означаемого. Одно и то же означаемое, например, дом, может быть выражено в различных означающих: в декорациях, музыкальном или световом оформлении, в жесте и т. п. Однако возможна и обратная связь, когда изменяется само означаемое. Например, в театральном тексте С. Женовача «Белая гвардия», представляющем собой интерсемиотический перевод пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» с естественного языка на язык сцены, декорационная конструкция в виде наклонной плоскости соотносится то с Андреевским спуском, то с тонущим кораблём, то с военным плацем и т. д. (в зависимости от того, какой семантический аспект инвариантного текста требует актуализации и какой образ авторы текста-представления хотят сформировать в сознании реципиента).

Понятие театрального знака представляется сложным и многогранным. Во многом соотносясь с языковым знаком и имея такую же структуру, знак театральные, как мы видим, имеет ряд специфических свойств и особым образом актуализируется в каждом конкретном театральном тексте.

Театральная семиология, экстраполировавшая на материал театра лингвистические модели, претерпела в своём развитии ряд существенных метаморфоз. Искусство нового времени характеризуется «атектоничностью» (термин Г. Вёльфлина), и мы продолжаем наблюдать, как тектонические сдвиги меняют топографию текстов искусства и семиотики текста в целом. Предпринимались попытки рассматривать театральные дискурсы как механическую смесь знаков различных подсистем, то есть выделять звуковые и зрительные ряды, что противоречит представлению о целостности дискурса и наличию синтетического пространства, поэтому они не получили дальнейшего развития. Смесь (механическое соединение элементов) не есть система (рациональная организация структурных единиц). Смесь, будучи соединением, не может быть разъята и перестроена. В системе каждый элемент рассматривается как часть конфигурации, положения относительно других элементов с учётом всех связей, при этом конфигурация может изменяться в зависимости от того, что принимается в качестве системообразующего фактора. Знаки в системе театрального текста могут накладываться друг на друга, конвертироваться, компактифицироваться, ду-

блироваться, образуя один сложный знак, отождествляемый с театральным текстом. По мнению Ю. М. Лотмана, текст, рассмотренный таким образом, «может распадаться на знаки и, соответственно, синтагматически организовываться. Но это будет не синтагматика цепочки, а синтагматика иерархии; знаки будут связаны, как куклы-матрёшки, вкладываемые одна в другую» [4, с. 35]. Концепция учёного в этом отношении когерентна точке зрения Яна Мукаржовского, который предложил отождествить сам текст-представление с минимальной семиотической единицей [12, с. 209]. Таким образом, поиски минимальной единицы рационально вести, исходя из представления о театральном тексте как о единой системе знаков и «сверхсложном знаке» [3, с. 81].

Вербальные, зрительные, акустические и другие театральные знаки сводятся, таким образом, к уровню элементов знака глобального.

Конструирование образа происходит внутри сети семиотических систем, элементы которых вступают в сложные отношения означивания. В процессе создания театрального текста функциональные единицы действия (мотивы) эксплицируются средствами сценического языка. Так, например, актуализация мотива соперничества Тригорина и Треплева в интерсемиотических переводах пьесы А. П. Чехова «Чайка» возможна при помощи выстраивания семантических оппозиций на различных уровнях: на уровне актантных знаков, относящихся к выбору исполнитель (молодой – немолодой, известный – начинающий, высокий – невысокий), на уровне просодических знаков (тихий голос – громкий; высокий регистр – низкий; эмоционально окрашенная интонация – бесцветная, быстрый темп речи – медленный), на уровне знаков костюма (белый – чёрный, модный – консервативный, новый – поношенный), на уровне кинесических знаков (язык модерн-балета – язык классического танца, резкие жесты – сдержанные, живая мимика – статичная маска), на уровне проксемических знаков (более низкое или более высокое расположение актёров в пространстве сцены по отношению друг к другу, дистанция между героями), на уровне знаков предметов реквизита (манипуляции с писчим пером, книгой, экземпляром литературного журнала, чайкой и т.д.), на уровне световых знаков (герой в свете софитов – в тени, воспроизведение эффекта метания молний, электрических разрядов между актантами), на уровне цветовых знаков (красный угол – синий угол), на уровне визуальных медиасюжетов (лицо с экрана и лицо перед экраном), на уровне акустических, музыкальных и шумовых знаков (лейтмотивы персонажей, крик чайки – звук выстрела), на уровне эффекта физического действия (проигрывание несостоявшейся дуэли, перетягивание воображаемого каната) и т.д. Приведём пример того, как знаки, взаимодействуя между собой, конструируют образ. Вышеупомянутый приём перетягивания воображаемого каната как метафора соперничества двух героев был использован режиссером Павлом Карташёвым в спектакле «Чайка» (2010 г.) для перевода на язык сцены финального диалога между двумя писателями. Артисты одеты в костюмы контрастных цветов (Тригорин в чёрном, Треплев в белом), находясь на значительном расстоянии друг от друга, они ведут светский диалог, который сопровождается почти незаметным перетягиванием невидимого каната. Вербальная инициатива персонажа подкрепляется кинесическим знаком перехватывания каната. Постепенно расстояние между ними сокращается, и к концу диалога оба героя уже идут бок о бок к краю сцены. Тригорин со зловещей интонацией произносит реплику: «Кстати, надо осмотреть сад и то место, где – помните? – играли вашу пьесу. У меня созрел мотив, надо только возобновить в памяти место действия». На сочетании «то место» он сухим жестом трогает висок Треплева, осматривает то место, куда однажды целился Константин и куда, вероятно, попадёт другая пуля под занавес действия. «Помните?», – напоминает Тригорин Треплеву о его ране (душевной, сердечной и физической). Тригорин наблюдает и описывает окружающую действительность, он чувствует под собой твёрдую основу. Треплев живёт и создаёт воображаемую реальность, он парит в собственных мечтах. В бинарной оппозиции «Тригорин – Треплев» заключены отсылки к оппозициям «профессиональный наблюдатель – профессиональный мечтатель», «искусство как жизнь – искусство как жизнь, которая представляется в мечтах», «мучительный цикл – мучительный поиск», «привычка – любовь», столь важные для интерпретации ключевых мотивов драматического текста.

Сценическое действие можно представить как процесс перетекания одной знаковой системы в другую, который выстраивает театральные знаки в соответствии с партитурой театрального

текста, при этом значимые векторы зависят в равной степени и от исходного текста, и от его сценического варианта.

Проведённое исследование позволяет заключить, что театральный текст как система знаков различной природы, выстроенная на основе драматургического материала сообразно преследуемой цели, представляет собой вторичный текст по отношению к драматическому тексту (пьесе). Разные театральные тексты выступают по отношению к инварианту как разные варианты текста, разные сценические интерпретации. Один драматический текст включает в себе потенциал множества сценических интерпретаций (интерсемиотических переводов, театральных текстов, театральных дискурсов). Любой театральный текст является системой коммуникации и может быть определён также как конкретная реализация сценического языка – театральный дискурс.

В качестве минимальной значимой структурной единицы такой системы рассматривались такие компоненты, как «иконический знак», «символ», «образ», «образ события», «речевое событие», «действие», «ситуация», «впечатление», «актема».

Обзор и анализ существующих работ, посвящённых исследованию театрального текста и театрального дискурса, позволяет констатировать, что различные подходы к изучению театрального текста и к поиску его минимальной единицы объединяет понимание того, что структурной единицей театрального текста является знак. Именно театральный знак служит строительным элементом этой сложной системы. Рассматривая знак как структурный элемент системы текста, следует помнить об иерархичности знаковых систем. Если исходить из предпосылки, что каждый уровень языка как кода системы выстраивается при помощи структурных компонентов её подсистем, то целесообразно говорить о тексте как минимальной единице сценического языка на уровне текста и о диктеме как минимальной единице дискурса. Понятие «диктемы», введённое в обиход М. Я. Блохом, применительно к театральному тексту синонимично понятию «актемы» в его широком понимании, предложенному Е. В. Иловой, так как слово в языке театра равноценно действию (говорить – значит действовать, действовать – значит говорить). Актемой исследовательница называет «минимальную коммуникативную единицу театрального воздействия» [2, с. 56]. На наш взгляд, использование термина «актема» представляется удачным, так как не противоречит подходам, согласно которым минимальной единицей анализа театрального текста следует считать «образ события», «роль», «ход», «действие», «ситуацию» и т. д., а напротив, расширяет возможности научного лингвистического описания столь сложной системы. При этом важно понимать, что, анализируя язык того или иного театрального текста на разных уровнях и оперируя понятиями, обозначающими соответствующие единицы, мы, тем не менее, должны исходить из понимания сложного единства всех элементов (вербальных и невербальных) и рассматривать тот или иной структурный элемент или их совокупность в контексте глобального высказывания (холистический подход). В определённой степени можно считать театральным текстом одновременно и макрознаком, и микрознаком, так как его декупаж (деление на части) без учёта всех отношений внутри системы, изолированное рассмотрение сценических средств, неизбежно приведёт к потере смысла. Поэтому фокусирование внимания на отдельных элементах, выхваченных из общеязыкового контекста, вне связи с другими элементами системы представляется контрпродуктивным с точки зрения функционального подхода к анализу текста и отсылает к аристотелевскому паралогизму «знающий буквы знает и слова», являющемуся не чем иным, как мнимым силлогизмом. Анализ тех или иных театральных знаков (вербальных, музыкальных, хореографических, световых, шумовых, ритмических и др.) возможен только при условии знания и понимания всех кодов системы поливалентных элементов и должен быть вписан в анализ театрального текста, формирующего в сознании зрителя определённое впечатление и представление, модель универсума.

Дальнейшая разработка проблемы изучения театрального текста и сценического языка на платформе лингвистической науки, функциональная типологизация актемы представляется перспективным направлением исследований в области теории текста, так как позволит расширить возможности анализа театрального текста, описать средства, с помощью которых эксплицируется тот или иной смысл, важный для формирования образа спектакля.

© Чуреева О.А., 2021

Список литературы

1. Берлянд И. Е. Игра как феномен сознания. Кемерово: Алеф, 1992. С.17-23.
2. Илова Е. В. Актуализация актем в дискурсивно-семиотическом пространстве театральной коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 54-64.
3. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72-81.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
5. Михайлова А. А. Образ спектакля. М.: Искусство, 1978. 247 с.
6. Павис П. Словарь театра. М.: Изд-во «ГИТИС», 2003. 516 с.
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
8. Цунский Н. В. Театральная герменевтика и анализ театрального текста // ОНС. 2000. № 3. С. 161-171.
9. Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978. 304 с.
10. Юберсфельд А. Читать театр // Как всегда об авангарде: Антология французского театрального авангарда. Сост., пер. с франц., коммент. С. Исаева. М.: ТПФ «Союзтеатр», 1992. С. 191-201.
11. Kowzan, T. *Litterature et Spectacle*. The Hague/Paris: Mouton, 1975. 172 p.
12. Mukařovský, J. *Umění jako sémiologický fact*. Studie I. Brno: Host, 2000. pp. 208-214.
13. Rozik, E. *The homogeneous nature of the theatre medium*. In *Semiotica* 168-1/4, 2008. pp. 169-190.

References

1. Berliand, I. E. *Igra kak fenomen soznaniia* [Play as phenomenon of mind]. Kemerovo: Alef, 1992, pp.17-23.
2. Ilova, E. V. *Aktualizatsiia aktem v diskursivno-semioticheskom prostranstve tetralnoi kommunikatsii* [Actualization of actemes in discursive-semiotic space of theatrical communication]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogiceskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2017, no. 3, pp. 54-64.
3. Kubriakova, E. S. *O tekste i kriteriakh ego opredeleniia* [About the text and criteria of its definition] // *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and semantics]. vol. 1. M., 2001. pp. 72-81.
4. Lotman, Ju. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The structure of a artistic text. Analysis of a poetic text]. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 704 p.
5. Mikhailova, A. A. *Obraz spektaklia* [Image of the performance]. M.: Iskustvo, 1978. 247 p.
6. Pavis, P. *Slovar' teatra* [Dictionary of the Theatre]. M.: Izd-vo «GITIS», 2003. 516 p.
7. Saussure, F. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics] // *Sossyur, F. de. Trudy po iazykoznaniiu*. M.: Progress, 1977. 696 p.
8. Tsunskiy, N. V. *Teatral'naiia germenevtika i analiz teatral'nogo teksta* [Theatrical hermeneutics and analysis of the theatrical text] // *ONS*. 2000. no. 3. pp. 161-171.
9. El'konin, D. B. *Psikhologiya igry* [Psychology of play]. M., 1978. 304 p.
10. Jubersfel'd, A. *Chitat' teatr* [To read the theatre] // *Kak vseгда ob avangarde: Antologija francuzskogo teatral'nogo avangarda* [As always about vanguard: ontology of French theatrical vanguard]. M.: TPF Sojuzteatr, 1992, 288 p.
11. Kowzan, T. *Litterature et Spectacle*. The Hague/Paris: Mouton, 1975. 172 p.
12. Mukařovský, J. *Umění jako sémiologický fact*. Studie I. Brno: Host, 2000. pp. 208-214.
13. Rozik, E. *The homogeneous nature of the theatre medium*. In *Semiotica*. 168-1/4, 2008. pp. 169-190.

Сведения об авторе:

Чурева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка Медицинской академии имени С. И. Георгиевского «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: функциональная лингвистика, интерсемиотический перевод, компаративная лингвистика, русский язык как иностранный. E-mail: au-room-ua@mail.ru

About the author:

Olga A. Chureyeva – PhD candidate, Senior Lecturer of the Russian Language Department, Medical Academy named after S. I. Georgievsky «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» (Simferopol, Russia). Spheres of research and professional interest: functional linguistics, intersemiotic translation, comparative linguistics, Russian as a foreign language. E-mail: au-room-ua@mail.ru

* * *

INTERPRETIVE FACTOR IN TRANSLATION: METHODOLOGICAL ASPECT

Dilyara K. Davletshina, Marina Ye. Korovkina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article illustrates the applied teaching method that helps to eliminate interlingual asymmetries brought about by the differences in the language and conceptional worldviews of the source and target languages (SL, TL). A translation act in a specific communicative situation establishes a contact between SL and TL, which inevitably leads to interference resulting from interlingual contacts and cross-cultural differences. Drawing upon the definition and assessment of interference caused by interlingual asymmetries, the authors offer the ways of eliminating it in translation by making use of interpretive translation transformations. The cases of interlingual asymmetry are illustrated on the examples of translated from English into Russian journalistic texts of political media-discourse, which serve as a teaching material for translators. In rendering denotative and expressive functions – the key functions of the functional style under analysis – the translator resorts to the interpretation of the invariant meaning, which requires moving beyond the structural and semantic parallelism between SL and TL and basing on presupposition knowledge. The comparative analysis carried out by the authors demonstrates that the most common translation techniques are transformations on grammatical and lexical-semantic levels, in addition, explication, or explicitation, and implication of the key features of the described referential situation while switching from SL to TL, the latter presenting the greatest difficulties in translators' training process.*

Key Words: *communicative situation, interlingual asymmetry, interference, linguistic interpretation, translation transformation, explication/explicitation, implication, metonymy, metaphor*

For citation: Davletshina D.K., Korovkina M.Ye., 2021. Interpretive Factor in Translation: Methodological Aspect. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 100–110. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-100-110>

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ФАКТОР В ПЕРЕВОДЕ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д.К. Давлетшина, М.Е. Коровкина

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Россия,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Аннотация. Данная статья посвящена прикладному методическому аспекту, связанному с преодолением межъязыковых асимметрий, которые возникают в результате несовпадений языковой и концептуальной картин мира исходного и переводящего языков (ИЯ и ПЯ). В коммуникативной ситуации перевода устанавливается контакт не только между участниками конкретного коммуникативного акта, но и между исходным и переводящим языками, что неизбежно приводит к интерференции как следствию межъязыковых контактов и межкультурных различий в процессе переводческой деятельности. Исходя из определения и оценки явления интерференции, вызываемого межъязыковыми асимметриями, авторы предлагают способы его преодоления на основе интерпретационных переводческих трансформаций. Конкретные случаи межъязыковых асимметрий и варианты их разрешения рассматриваются на примере перевода с английского на русский публицистических текстов политического медиа-дискурса, служащих в качестве материала для обучения переводу. При передаче денотативной и экспрессивной функций – ведущих функций текстов данного функционального стиля – переводчик обращается к интерпретации инварианта смысла. Для этого он должен отойти от структурно-семантического параллелизма между ИЯ и ПЯ, что возможно только на основе пресуппозиционных знаний. Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что наиболее распространёнными переводческими приёмами являются трансформации на грамматическом и лексико-семантическом уровнях, а также экспликация (эксплицитация) или имплицирование ключевых признаков описания предметной ситуации ИЯ при переходе к ПЯ. Они же представляют наибольшие трудности в процессе обучения переводу.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, межъязыковая асимметрия, интерференция, языковая интерпретация, переводческая трансформация, экспликация, импликация, метонимия, метафора

Для цитирования: Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е., 2021. Интерпретационный фактор в переводе: Методический аспект. Филологические науки в МГИМО. Том 7. № 1(25). С. 100–110. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-100-110>

Природа перевода настолько сложна и многогранна, что её практически невозможно описать в рамках одной теории. Разные теоретические подходы выделяют его специфические черты и особенности. Например, семиотической теорией он рассматривается как особый двуязычный вид коммуникации, при которой происходит замена языкового кода и языковых знаков. В связи с этим выделяется важная роль субституций в процессе перевода. В коммуникативно-деятельностной парадигме, активно развивающейся в настоящее время, перевод рассматривается как вид межъязыкового посредничества, и во главу угла выносятся коммуникативная ситуация. В ещё одном подходе к переводу выделяется контакт языков, изучаются типологические особенности контактирующих языков – исходного и переводящего (ИЯ) и (ПЯ) и возникающая в результате этого контакта интерференция [5].

В реальной переводческой практике проявляются все аспекты перевода, описанные выше. Перевод – это прежде всего вид межъязыкового и межкультурного посредничества, двуязычной коммуникации между представителями разных лингвосоциумов, и именно от переводчика, выступающего в роли межъязыкового-межкультурного посредника, зависит её успешность. Переводчик должен хорошо понимать особенности коммуникативной ситуации, владеть её пресуппозициями и импликациями, то есть осознавать степень общности знаний коммуникантов ИЯ и ПЯ, чтобы суметь сделать смысловые выводы. При этом средством общения выступают контактирующие языки. В связи с этим особое внимание должно уделяться интерференции и её контролю, особенно на этапе обучения.

Объект нашего исследования – интерференция в ПЯ, вызываемая межъязыковыми асимметриями ИЯ и ПЯ, **его предмет** – изучение интерпретационных оснований переводческих трансформаций, используемых для борьбы с интерференцией и, соответственно, с буквальным

переводом. В связи с этим **целью** нашей статьи является описание основных переводческих трудностей, возникающих при переводе с английского на русский язык и по сути представляющих собой межъязыковые асимметрии. Такие асимметрии ведут к интерференции, и её преодоление возможно только в том случае, если в технологическом и языковом арсенале переводчика есть соответствующие инструменты, то есть он знаком со способами и приёмами преодоления буквализмов, что особенно важно, как уже было сказано выше, на этапе обучения. Поэтому в **задачи** статьи входит исчисление, анализ и классификация межъязыковых асимметрий в признаках описания предметной ситуации в ИЯ и ПЯ и соответствующих переводческих трансформациях. Способность к такому сопоставлению помогает переводчику выбирать признаки, лингвоспецифичные для ПЯ, руководствуясь мерой идиоматичности выражения инварианта смысла и необходимостью передачи релевантной информации. Интерференция значительно сокращается, если переводчик хорошо знаком с лингвоспецифичностью признаков описания предметной ситуации в ИЯ и ПЯ и способен в таких случаях прибегать к переводческим трансформациям во избежание буквализмов и при необходимости заменять такие признаки.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Отступление от структурно-семантического параллелизма между ИЯ и ПЯ является доказательством интерпретационных оснований переводческих трансформаций, служащих инструментом для борьбы с интерференцией. Изучение интерпретационных оснований перевода ведётся и в России, и за рубежом. В России основоположником интерпретационной теории перевода считается А.Н. Крюков [10], школа интерпретации и герменевтики развивается в МГУ и МГИМО [2; 12; 4]. В Европе большой вклад в изучение интерпретационной природы перевода был сделан авторами «теории смысла» (*théorie du sens*) Д. Селескович [22; 23] и М. Ледерер [20; 22; 23] и их последователями [17; 18; 19]. В самом начале предметом и объектом их исследований был устный перевод, который по латыни называется интерпретацией – *interpretation*, впоследствии интерпретативный подход распространился на все виды перевода. Европейские исследования в данной парадигме носят более прикладной характер, сосредотачиваясь прежде всего на методических аспектах преподавания перевода и возникающих в связи с этим проблемах билингвизма и интерференции [21; 24]. Для российских исследований характерен более философский, герменевтический подход [12].

Впервые термин «интерференция» был использован учёными Пражского лингвистического кружка в начале XX века. В отечественном языкознании изучение и описание языковых контактов как процесса интерференции было начато примерно в то же время Л.В. Щербой [14], который заметил сильное интерферирующее влияние родного языка на иностранный. Исследователи отмечают, что чем больше различий наблюдалось между языками, тем чаще возникали проявления интерференции – вмешательства «элементов одной языковой системы в другую при языковом контакте...» [1, с. 173]. Интерференция наблюдается не только при переводе на иностранный язык, но и при переводе с иностранного на родной. При этом её проявления могут различаться в зависимости от направления перевода. Так, при переводе с родного языка её влияние прежде всего ощущается в значительном переносе структурно-языковых особенностей текста ИЯ (родного языка) на ПЯ. При переводе с иностранного языка начинающие переводчики также переносят структурные особенности иностранного языка, при этом более ограниченные знания языковой и концептуальной картины мира иностранного языка, то есть ограниченность языкового и концептуального тезаурусов, могут серьёзно помешать передаче смысла. В связи с этим И.И. Халеева подчёркивает, что при рассмотрении интерференции нельзя ограничиваться лишь языковым сознанием, так как интерферируют не только языки, но и концептуальные системы. При искусственном двуязычии не удаётся «в абсолютной степени компенсировать отсутствие социума и культуры, в условиях которых проходило формирование тезауруса инокультурного коммуниканта» [15, с. 64]. Асимметрии на уровне концептуальных картин мира ИЯ и ПЯ транслируются в межъязыковые асимметрии, и их незнание приводит к интерференции, наблюдаемой на конкретных языковых уровнях.

В данной статье мы хотим показать на примере перевода с английского языка на русский публицистических текстов, как хорошее понимание действия интерпретационного фактора по-

зволяет преодолевать такие межъязыковые асимметрии. Указанная проблема носит достаточно **актуальный характер**, так как выявление переводческих трудностей, вызываемых межъязыковыми асимметриями, их классификация и предложение переводческих решений повышают качество преподавания общественно-политического перевода (ОПП) в рамках программ разных образовательных циклов, в частности, в бакалавриате и в магистратуре МГИМО. **Материалом для исследования** служат переводы с английского языка на русский текстов политического медиадискурса, куда входит газетная публицистика, представляющая собой достаточно разнородный материал. По мнению некоторых исследователей, язык газетной публицистики настолько разнороден, что его невозможно объединить в один функциональный стиль [11]. Тем не менее всё же можно выделить основные черты газетно-публицистического стиля. Главная коммуникативно-прагматическая функция данного функционального стиля направлена на передачу информации и убеждение реципиента (читателя), оказывая на него/неё эмоциональное воздействие. Передача информации, связанной с референтной ситуацией, и эмоционального воздействия имеет отношение к двум языковым функциям по классификации Р. Якобсона – денотативной и экспрессивной [16]. В связи с этим в публицистике используются стандартные и экспрессивные языковые средства и особая логическая организация, выражающаяся в повышенной когезии и когерентности текста (особое тема-рематическое членение, логические коннекторы, повторы).

Переводческая стратегия зависит от функциональной характеристики текста, от преобладающей языковой функции. В нашем случае, как уже было сказано выше, речь идёт о денотативной и экспрессивной функциях. Языковые функции влияют на выбор доминанты перевода – основных элементов коммуникативно значимой или релевантной информации текста ИЯ, которую необходимо передать в тексте ПЯ. Ведущая роль денотативной функции в тексте ИЯ означает, что следует добиваться наибольшей точности перевода с точки зрения переводческой эквивалентности. В модели переводческой эквивалентности В.Н. Комиссарова [6, с. 116-130] на её последних двух уровнях (четвёртом и пятом) смысл в ИЯ и ПЯ выражается достаточно симметрично, поэтому в переводе используются готовые соответствия. (Хотя и на этих уровнях могут возникать несоответствия между ИЯ и ПЯ, например, в объёме значений слов, что также может приводить к интерференции). В случае межъязыковых асимметрий, разрешающихся на первом - третьем уровнях эквивалентности, переводчик вынужден прибегать к интерпретации смысла для передачи его инварианта, так как транскодирование¹ в таком случае абсолютно невозможно.

Высшие уровни эквивалентности включают в себя также и стилистическую адаптацию, используемую в большинстве случаев для передачи экспрессивной функции, выражаемой лингво-специфичными экспрессивными средствами и стилистическими приёмами ИЯ и ПЯ.

Необходимость сохранения баланса между точностью передачи инварианта смысла текста ИЯ в тексте ПЯ, соотносящейся с эквивалентностью перевода, и соблюдением стилистических норм ПЯ, сопоставляемым с его адекватностью, – один из самых важных вопросов теории и практики перевода [3], что также отражается и в методическом аспекте.

Сохранение инварианта или тождества смысла часто связано со сменой референции, так как при межъязыковой асимметрии признаки описания ситуации не совпадают и возможна замена таких несовпадающих признаков, так же как и замена несовпадающих образов, главным образом с использованием структурно-семантических преобразований и смысловой экспликации или импликации на основе пресуппозиционных знаний. Знания пресуппозиций – это краеугольный камень профессиональной переводческой компетенции, и этот вопрос только начинает освещаться в научных исследованиях [8]. При обучении переводу основное внимание должно уделяться двум основным классам пресуппозиций: когнитивно-тезаурусным и референциально-языковым. Когнитивно-тезаурусные пресуппозиции объединяют знания конкретной коммуникативной ситуации, предметной области и шире – энциклопедические знания (о мире). Организация изучения соответствующих предметных областей (как это сделано в МГИМО на уровне бакалавриата и ма-

¹ Transcoding – буквальный перевод.

гистратуры) помогает накоплению таких пресуппозиций, что облегчает обучение переводу. Референциально-языковые пресуппозиции связаны с общим языковым уровнем переводчика. При этом в обучении переводу внимание также уделяется межъязыковым асимметриям и дискурсивным характеристикам текстов ИЯ и ПЯ, так как именно эти аспекты имеют непосредственное отношение к референциально-языковым пресуппозициям, от уровня владения которыми зависит качество перевода.

Рассмотрим случаи межъязыковых асимметрий, с которыми приходится чаще всего сталкиваться при переводе публицистических текстов с английского на русский язык, и способы их разрешения. **Методы исследования** – сравнительно-сопоставительный и аналитический. Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что межъязыковые асимметрии, приводящие к интерференции и обусловленные различиями в картинах мира ИЯ и ПЯ, проявляются на разных языковых уровнях. Такое выделение языковых уровней условно, производится в учебных целях для упрощения классификации. Все они сводятся к тому, что при переходе от ИЯ к ПЯ изменяются признаки описания ситуации при сопутствующей импликации или экспликации.

На уровне грамматики несовпадения выражаются прежде всего в грамматическом анимизме в английском языке и бессубъектных конструкциях русского языка. В данном случае применяются два вида трансформаций – замена членов предложения и опущение подлежащего.

Замена членов предложения

Структура предложений в тексте ИЯ и ПЯ может полностью или частично не совпадать в случаях, когда для выделения новой информации происходит замена английского подлежащего (выраженного существительным, обозначающим неодушевлённые предметы или понятия) обстоятельством места, времени или причины в русском языке. При этом подлежащее в русском предложении может выводиться из более широкого контекста, или им становится второстепенный член:

1) *The dispute between two largest economies (the U.S. and China) is taking the world into unknown territory.* – Из-за существующего конфликта между двумя крупнейшими экономиками США и Китая мировое сообщество сталкивается с неопределённостью/ будущее мирового сообщества кажется неопределённым.

2) *The post-war settlement gave the UK a position of influence in international institutions.* – В результате послевоенного урегулирования Великобритания обрела влияние в международных организациях / влияние Великобритании в международных организациях (значительно) выросло.

3) *During the 1990s Florida saw consistent growth of tourism. September 11th put an end to that.* – В 90-е годы прошлого века во Флориде наблюдался постоянный рост туризма. Из-за событий 11 сентября эта тенденция прекратилась.

Опущение подлежащего

1) *Yesterday the ministerial FATF meeting took the decision to extend the mandate for eight more years – up to 20XX.* – Вчера на заседании FATF на уровне министров было принято решение о продлении мандата ещё на восемь лет – до 20XX г.

Преобладание вербальных признаков описания ситуации в английском языке и номинативных в русском языке также представляет собой одну из главных стилистических особенностей ИЯ и ПЯ, выделяющихся на грамматическом уровне. Эта особенность также связана с общей тенденцией бессубъектности русского языка (см. пример выше). В таком случае, при переводе вербальные признаки описания ситуации меняются на номинативные:

1) *Although the government passed some additional legal regulations and launched anti-corruption campaigns, only political measures can hardly be effective as potential remuneration of public officials cannot be compared with their average wages.* – Несмотря на принятие дополнительных законодательных актов и массовые кампании по борьбе с коррупцией, использование только политических мер затруднено вследствие того, что масштабы (потенциального вознаграждения) теневых доходов государственных чиновников несравнимы со средним уровнем их заработной платы.

2) *They endorsed increased cooperation to crack down on terrorist nets.* – Они одобрили идею расширения сотрудничества для активизации борьбы против сетей террористов.

Выше речь шла об изменении признаков описания предметной ситуации на грамматическом уровне. Грамматические конструкции служат прежде всего для упаковки смысла, поэтому в таких трансформациях при переходе с ИЯ на ПЯ не может не присутствовать семантический компонент. Тем не менее, в предложенной нами классификации отдельно выделяются лексико-семантические или лексико-грамматические трансформации, логически связанные с языковой номинацией. Они представляют собой:

- семантические сдвиги в описании предметной ситуации при переходе от ИЯ к ПЯ (метонимии);
- изменение или снятие образности (метафоры);
- экспликация или компрессия при несовпадениях в имплицитных моделях языков, то есть в различной степени детализации признаков описания предметной ситуации [9, с. 122].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в когнитивной лингвистике и концептуальном анализе выделяются два главных инструмента осмысления мира, его концептуализации и, соответственно, номинации предметных и непредметных сущностей – метонимия и метафора [13, с. 58].

Проиллюстрируем вышесказанное примерами. В [7, с. 145-146] отмечалось, что все семантические сдвиги по своей сути представляют собой метонимии. Тем не менее в учебных целях мы предлагаем сохранить традиционную классификацию, в которую входят собственно метонимия, конкретизация, генерализация, антонимический перевод, конверсия:

- Собственно метонимия:

Trump's foreign policy remains a work in progress. – *Трампа еще не закончил формирование своего внешнеполитического курса.*

При этом по своей форме данный пример также представляет и антонимический перевод.

- Генерализация используется при переводе следующей фразы:

The U.K. political class views a British role in world affairs as both natural and necessary, however mixed the results have been. – *Британские политики рассматривали роль страны в мировой политике как естественную и необходимую, независимо от того, какими были результаты её деятельности.*

- Прием конкретизации можно проиллюстрировать на следующих примерах: *Trump's wider politics* – *взгляды Трампа по широкому спектру вопросов, политическая платформа Трампа в более широком смысле*; *to lead the world in meeting international challenges* – *возглавлять усилия мирового сообщества по борьбе с международными проблемами*; *the right of all peoples to have a say in their government* – *право всех народов участвовать в формировании политики.*

Rather than relying on US leadership on these issues, the rest of the world will need to look elsewhere. – *Вместо того чтобы полагаться на лидерство США в этих вопросах, остальным странам необходимо искать другие форматы взаимодействия.*

Второй инструмент языковой концептуализации и, соответственно, номинации, как уже было упомянуто – это метафора. Разные образы, лежащие в основании метафор, приводят к межъязыковым асимметриям и представляют основную трудность перевода с английского языка. При переводе нужно учитывать не только яркие образы, на которых строятся идиомы, но и вторичные метафоричные значения, которые зачастую стираются и не воспринимаются в качестве метафор, что приводит к буквализмам.

Рассмотрим перевод идиом, основанных на метафорических образах. При их переводе возможно нахождение соответствия с идентичным образом, что бывает достаточно редко, кроме общего для многих языков фонда греко-латинских метафор и библеизмов. Второй способ – замещение образа при помощи функционального аналога и третий – пояснение смысла образного выражения при снятии образа, то есть использование описательного перевода.

Например:

Britain is caught between a retrograde American administration with which it no longer shares a world view and a frustrated Europe it is trying to divorce. This is not a recipe for international influence. Метафорическое значение английское слово *recipe* – кулинарный рецепт – получило ещё в XV-XVI веке. Позже в XIX веке в газетно-публицистический стиль вошло клише *recipe for success* – *залог успеха*, а уже в 1957 году в газете «Таймс» политический деятель Барбара Касл употребила новое клише

recipe for disaster – *верный путь к катастрофе*. В приведённом выше примере, характеризующем положение Великобритании в процессе выхода из ЕС в XXI веке, при переводе фразы *This is not a recipe for international influence* образность слова *recipe* снимается, и эту фразу можно перевести так:

В таких условиях сложно обрести влияние на международной арене.

Ещё пример снятия образности и использования описательного перевода:

1) *Although Trump's pronouncements have ruffled feathers, his policy has been marked more by continuity than by change.* – *Хотя заявления Трампа вызывают недовольство, для его политики характерна преемственность, а не стремление к переменам.*

2) *Partisanship ends at the water's edge.* – *Партийная борьба заканчивается перед лицом внешнего врага из-за океана.*

Ниже следует пример попытки замещения образа путём использования функционального аналога:

Britain is caught between Trump and a hard place. – *Избрание Трампа и выход из ЕС: Великобритания оказалась меж двух огней.*

Попытка сохранить метафоричный образ приводит к менее удачному варианту перевода: *Великобритания очутилась между Трампом и наковальней.*

Однако прибегая к интерпретации инварианта смысла этого выражения, мы приходим к более адекватному варианту с сохранением образа: *Британия оказалась между молотом Трампа и европейской наковальней.*

Третье значительное отличие в способах номинации, приводящее к межъязыковым асимметриям и требующее интерпретационных подходов при поиске подходящих трансформаций – это несовпадения в имплицитных моделях языка. В основном при переводе с английского требуется использовать описательный перевод и экспликацию:

1) *Many analysts contend the U.S. is underperforming at home and overreaching abroad* – *Многие аналитики утверждают, что руководство США не может добиться успехов во внутренних делах и при этом берёт на себя непосильные задачи за рубежом.*

2) *China should not be an "events taker" but an "events setter", particularly in core strategic issues like multipolarity, energy security, and economic vibrancy.* – *Китаю следует не пассивно наблюдать за международными событиями, а активно в них участвовать.*

Аналогичный пример несовпадения в имплицитных моделях можно привести из публикации, описывающей Брексит: *Britain will lose influence in international fora and is destined to become more of a rule-taker than a rule-setter. One of the most contentious questions about Brexit is ... Britain is becoming "a rule-taker, not a rule-maker"*. Используя приём замены частей речи, получаем вариант перевода:

Британия будет скорее подчиняться правилам, а не создавать их.

Иной имплицитный смысл заложен в схожую по структуре фразу: *Moscow failed to be a rule-taker and became a rule-faker*. Речь шла о том, что «Россия не смогла войти в число стран, которые формировали принципы нового либерального порядка в период после холодной войны, а пошла по пути развития имитационной демократии». Такой вариант перевода возможен лишь после анализа всех языковых и когнитивно-тезаурусных пресуппозиций английского языка и требует использования трансформаций на лексико-семантическом уровне.

Ещё одна переводческую трудность, принадлежащая к сфере номинации и представляющая большую трудность для начинающих переводчиков, – это перевод неологизмов. Переводятся они по тем же правилам, которые используются для разрешения межъязыковых асимметрий, возникающих при разных способах описания ситуации в ИЯ и ПЯ. Речь идёт о вышперечисленных семантических сдвигах на основе метонимий, передаче или снятии образности метафор и различий в имплицитных моделях языках. Очень часто использование метонимий или метафор при переводе с английского языка сопровождается экспликацией.

Например, слово *balkanize* вошло в употребление после того, как произошли события на Балканах. Словарь Мерриам Вебстер определяет это слово как глагол, означающий раздел территории,

региона или группы на меньшие и часто враждующие между собой блоки, то есть переносное, метафоричное значение логически и семантически связано с его прямым значением. Так, словосочетание *balkanized Republicans* можно передать с помощью сохранения метафоры – «балканизированные» члены Республиканской партии. Пояснительный вариант передачи данного выражения – «раскол в Республиканской партии», очевидно, соответствует стилистическим нормам русского языка и раскрывает экстралингвистические особенности метафоры.

Примеры метонимий можно проследить на примере переводческого анализа неологизмов, образованных на основе фамилий (один из распространённых способов образования политических неологизмов) нынешних лидеров США и Великобритании. Так, слово *Trumpism*, приобрело скорее негативный оттенок, так как, с одной стороны, означает политику Д. Трампа, направленную на отказ от сложившихся политических норм в пользу активного продвижения американских интересов, а с другой, неоднозначные оскорбительные заявления, сделанные Д. Трампом.

Неологические единицы заменяются словосочетаниями, эксплицирующими их значение: *Trumpcare* – ‘Трампкэр’. Этот неологизм означает попытки Д. Трампа отменить действие ‘Обамакэр’ в США и создать этому закону республиканскую альтернативу, что и спровоцировало появление нового термина с другим значением и негативной коннотацией. В результате все говорят о том, что новый закон приведёт к резкому сокращению числа граждан США, имеющих доступ к медицинскому страхованию. Ещё пример словообразовательного процесса, связанного с той же фамилией: *Trumpadamus* – словосложение *Trump* + *Nostradamus* обозначает то, как публикации Д. Трампа в Твиттере предрекли его будущее, и переводится ‘Трампадамус’. Мы привели только несколько примеров неологизмов, так как эта тема напрямую не связана с данным исследованием, но тем не менее с ней пересекается.

Выводы

Как было продемонстрировано на примерах, интерпретационный фактор в переводе действует в случае межъязыковых асимметрий, которые часто приводят к интерференции в ПЯ. Во избежание такого негативного влияния ИЯ на ПЯ, проявляющегося в буквализмах, переводчик вынужден прибегать к переводческим трансформациям, так как транскодирование или перевод при помощи прямых соответствий возможен далеко не всегда. Переводческие трансформации применяются в случае несовпадения признаков описания предметной ситуации в ИЯ и ПЯ. Для разрешения таких несоответствий или межъязыковых асимметрий при переходе от ИЯ к ПЯ применяются семантические сдвиги, замена образов метафор и описательный перевод с эксплицитацией или имплицитацией в тексте ПЯ признаков предметной ситуации, описываемой в тексте ИЯ.

Были проанализированы межъязыковые асимметрии на уровне грамматики и семантики и показаны способы их разрешения. Как было доказано на примерах, они регулируются одними и теми же семантическими правилами концептуализации, категоризации и номинации. При этом на каждом языковом уровне наблюдается своя специфика. Выбранные нами примеры иллюстрируют передачу денотативной функции текста (при помощи семантических сдвигов и имплицитных моделей ИЯ и ПЯ), и в некоторой степени экспрессивную, так как были рассмотрены метафорические образы. Хотя на современном этапе развития когнитивной лингвистики метафора рассматривается не как стилистический приём, а как инструмент концептуализации мира. Это средство номинации, которое передаёт в контексте инвариант смысла, а не только представляет собой выразительную форму. Поэтому в дальнейших исследованиях представляется перспективным исследовать передачу экспрессивной функции, проанализировав использование всего многообразия выразительных средств и стилистических приёмов в двух языках, и выявить основные способы стилистической адаптации при переводе. Ещё одно перспективное направление исследований – анализ дискурсивных характеристик медиа-текстов политического дискурса с точки зрения межъязыковых асимметрий и их передачи в переводе. Это послужит более углублённому знакомству с референциально-языковыми пресуппозициями текстов, относящихся к предметным

областям, изучаемым в МГИМО. Данные исследования имеют прикладное значение, так как в методике обучения переводу позволяют выделять конкретные переводческие трудности и соответствующим образом организовывать обучение.

© Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е., 2021

Список литературы

1. Алимов В.В. Интерференция. М.: URSS, 2005. 232 с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 544 с.
3. Евтеев С.В. Перевод – эквивалентно – насколько возможно, и адекватно – насколько нужно // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология / Литературоведение / Языкознание / Педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2017. № 1 (31) С. 262 – 267.
4. Иванов Н.В. Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода» / Н.В. Иванов. М. 2015. № 4. С. 34 – 65.
5. Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 152 с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
7. Коровкина М.Е. Метонимические преобразования как проблема перевода // Осенние коммуникативные чтения – 2018 // Т. 1. Сбор. статей междуна. научно-практ.конфер. «Осенние коммуникативные чтения: к 20-летию открытия лингвистического образования в РосНОУ», Москва, 29 – 30 ноября 2018 г. М.: RuSciencе, 2020. С. 142–154.
8. Коровкина М.Е. От пресуппозиций к смысловым выводам: обучение синхронному переводу // Вестник Московского университета. Серия 22 «Теория перевода». М. № 1, 2020. С. 121–135.
9. Коровкина М.Е. Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук / М.Е. Коровкина. М. 2017. 241 с.
10. Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис... д-ра филол. наук : 10.02.20 / А.Н. Крюков. М., 1988. 442с.
11. Кузнец М. Стилистика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов / М. Кузнец, Ю. Скребнев. М.: Учпедгиз, 1960. 175 с.
12. Мишкурлов Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Вестник Московского университета. Серия 22 «Теория перевода» / Э.Н. Мишкурлов. М.: МГУ, 2013. № 1. С. 69 – 91.
13. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640с.
14. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским: Учебн. пособие для ин-тов и факульт. иностр.яз. М.: Высшая школа, 1963. 309 с.
15. Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
16. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 198 с.
17. Déjean Le Féal K. La traduction à l'approche de l'an 2000: Repensons l'exercice et la formation professionnelle. Meta, 32, # 2, 1987. 189-204 p. [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.7202/003450ar> (дата доступа 20.02.2021)
18. Déjean Le Féal K. La liberté en traduction. Meta, 36, # 2-3-, 1991. 448-455p. [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.7202/003449ar> (дата доступа 20.02.21)
19. Lambert S. La formation d'interprètes: la méthode cognitive. Meta, 34, # 4, 1989. 736-744 p. [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.7202/003379ar> (дата доступа 23.12.20)
20. Lederer M. Translation. The Interpretative Model. Manchester: St. Jerome Publishing, 2003. 239 p.
21. Quillard G. Quelques problèmes d'interférence. Meta, 35, # 4, 1990. 769-774 p. [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.7202/003896ar> (дата доступа 14.10.20)
22. Seleskovitch D., Lederer M. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour Traduire. Paris: Didier Erudition, 1984. 311 p.
23. Seleskovitch D., Lederer M. Pédagogie Raisonnée de l'Interprétation. Bruxelles-Luxembourg/Paris: Office des publications officielles des Communautés européennes/ Didier Erudition, 1989. 281 p.
24. Zanettin. Bilingual Comparable Corpora and the Training of Translators. Meta, 43, # 4, 1998. 1-14 p. [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.7202/004638ar> (дата доступа 10.09.20)

References

1. Alimov, V.V. *Interferentsiia* [Interference]. M.: URSS, 2005. 232 p. (In Russian).
2. Garbovskiy, N.K. *Teoriia perevoda* [Theory of Translation]. M: MGU, 2004. 544 p. (In Russian).
3. Evteev, S.V. *Perevod – ekvivalentno – naskol'ko vozmozhno, i adekvatno – naskol'ko nuzhno* [Translation. Equivalent as Feasible and Adequate as Necessary] // *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya / Literaturovedenie / Iazykoznanie / Pedagogicheskie nauki*. Briansk: RIO BGU, 2017. № 1 (31). P. 262 – 267 (In Russian).

4. Ivanov, N.V. Dikhotomii perevoda (k ontologicheskim osnovaniyam opredeleniia nauchnogo obekta perevodovedeniia) [Translation Dichotomies (to the Ontologic Basis of Definition of a Scientific Object of Theory of Translation)] // *Vestnik MGU. Serii 22 «Teoriia perevoda»* / N.V. Ivanov. Moscow, 2015. № 4. pp. 34 – 65. (In Russian).
5. Ivanov, N.V. *Interpretatsiia v znakovoy ontologii iazyka i v perevode* [Interpretation in Language Sign Ontology and Translation]. M.: ID “Mezhdunarodnye otnosheniia”, 2018. 152 p. (In Russian).
6. Komissarov, V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies] / V.N. Komissarov. Moscow: EHTS, 2002. 424 p. (In Russian).
7. Kоровкина, М. Metonimicheskie preobrazovaniia kak problema perevoda [Metonymic Shifts as Problem of Translation] // *Osennie kommunikativnye chteniia – 2018* [Autumn Communication Readings – 2018] // Vol. I. Sbor. statey mezhdun. nauchno-practich. konfer. Osennie kommunikativnye chteniia: k 20-letiiu otkrytiia lingvisticheskogo obrazovaniia v RosNOU, Moscow, November 29 – 30, 2018. Moscow: RuSciencе, 2020. pp. 142–154. (In Russian).
8. Kоровкина, М.Е. Ot presuppozitsii k smyslovym vyvodom: obuchenie sinkhronnomu perevodu [From Presuppositions to Implicatures: Teaching Simultaneous Interpreting] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 22 «Teoriia perevoda»*. M. № 1, 2020, pp. 121–135. (In Russian).
9. Kоровкина, М.Е. *Teoreticheskie aspekty smyslovogo modelirovaniia spetsial'nogo perevoda s rodnogo iazyka na inostrannyi (na materiale publitsisticheskikh tekstov ekonomicheskoy tematiki): dis. ... kand. filol. nauk* [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): thesis of cand. of sciences (Philology)] / М.Е. Kоровкина. Moscow, 2017. 241 p. (In Russian).
10. Kryukov, A.N. Metodologicheskie osnovy interpretativnoy kontseptsii perevoda: dis... d-ra fil.nauk [Methodological Basis of the Interpretative Concept of Translation] / A.N. Kryukov. Moscow, 1988. 442 p. (In Russian).
11. Kuznets, M., Skrebnev, Yu. *Stilistika angliyskogo iazyka. Posobie dlia studentov pedagogicheskikh vuzov* [Stylistics of the English Language. Textbook for Students of Pedagogical Universities]. M.: Uchpedgiz, 1960. 175 p. (In Russian).
12. Mishkurov, Eh.N. O «germenevticheskom povorote» v sovremennoy teorii i metodologii perevoda (chast' I) [On Hermeneutic Shift in the Modern Theory and Methodology of Translation] // *Serii 22 «Teoriia perevoda»* / Eh.N. Mishkurov. Moscow: MGU, 2013. № 1. pp. 69 – 91. (In Russian).
13. Riabtseva, N.K. *Iazyk i estestvennyi intellekt* [Language and Natural Intellect]. M.: Academia, 2005. 640 p. (In Russian).
14. Shcherba, L.V. *Fonetika frantsuzskogo iazyka. Ocherk frantsuzskogo proiznosheniia v sravnenii s russkim: Uchebn. posobie dlia in-tov i fakul't.inostr.iaz.* [Phonetics of the French Language. Essay on French Pronunciation in Comparison with Russian]. M.: Vysshaya shkola, 1963. 309 p. (In Russian).
15. Khaleeva, I.I. *Osnovy teorii obucheniia ponimaniu inoyazychnoy rechi* [Basic Theory for Learning to Understand Foreign Speech]. M.: Vysshaya shkola, 1989. 238 p. (In Russian).
16. Iakobson, R. Lingvistika i poetika // *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Linguistics and Poetics / Structuralism: pros and cons]. M.: Progress, 1975. 198 p. (In Russian).
17. Déjean, Le Féal, K. *La traduction à l'approche de l'an 2000: Repensons l'exercice et la formation professionnelle*. Meta, 32, # 2, 1987. pp. 189-204, doi.org/10.7202/003450ar (date of access 20.02.2021)
18. Déjean, Le Féal, K. *La liberté en traduction*. Meta, 36, # 2-3-, 1991. pp. 448-455, https://doi.org/10.7202/003449ar (date of access 20.02.21)
19. Lambert S. *La formation d'interprètes: la méthode cognitive*. Meta, 34, # 4, 1989. pp. 736-744, https://doi.org/10.7202/003379ar (date of access 23.12.20)
20. Lederer, M. *Translation. The Interpretative Model*. Manchester: St. Jerome Publishing, 2003. 239 p.
21. Quillard, G. Quelques problèmes d'interférence. Meta, 35, # 4, 1990. pp.769-774, https://doi.org/10.7202/003896ar (date of access 14.10.20)
22. Seleskovitch, D., Lederer, M. *Interpréter pour Traduire*. Paris: Didier Erudition, 1984. 311 p.
23. Seleskovitch, D., Lederer M. *Pédagogie Raisonnée de l'Interprétation*. Bruxelles-Luxembourg/Paris: Office des publications officielles des Communautés européennes/ Didier Erudition, 1989. 281 p.
24. Zanettin. Bilingual Comparable Corpora and the Training of Translators. Meta, 43, # 4, 1998. pp. 1-14, https://doi.org/10.7202/004638ar (date of access 10.09.20)

Сведения об авторах:

Давлетшина Диляра Кутдусовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка №1 МГИМО, руководитель аспекта Общественно-политический перевод в магистратуре. Сфера научных интересов: проблемы перевода, в том числе феномен интерференции, когнитивная лингвистика, политические аспекты лингвострановедения, межкультурная коммуникация (русский, английский, немецкий). E-mail dilyara4mail@gmail.com

Коровкина Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук. Преподаёт перевод и синхронный перевод в МГИМО (преподаватель кафедры английского языка № 1). Сфера научных интересов: проблемы перевода, в том числе синхронного, в частности, моделирование смысла, компаративистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация (русский, английский, испанский). E-mail mekorovkina@gmail.com

About the authors:

D. K. Davletshina – PhD (History), Associate Professor at English Language Department № 1, MGIMO University (Russia, Moscow). Research interests: translation, including the phenomenon of interference, cognitive linguistics, cultural - political studies, intercultural communication (Russian, English, German). E-mail dilyara4mail@gmail.com

M.YE. Korovkina – PhD (Philology), Senior Lecturer at English Language Department № 1, MGIMO University (Russia, Moscow). Research interests: translation, including simultaneous translation, in particular, modeling of meaning, comparative studies, cognitive linguistics, intercultural communication (Russian, English, Spanish). E-mail mekorovkina@gmail.com

* * *

COMPARING TRANSLATION PECULIARITIES OF LEGAL TEXTS IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

V. Rezvani

Sheikhbahayi Square st. Alzahra University, Faculty of Literature
Tehran, Iran

Abstract. *Translation of legal texts requires special attention and great accuracy. In legal texts words have legal connotations and legal consequences, which enable either to protect the interests of legal entities and individuals, or, on the contrary, violate their rights. Inappropriate translations of legal texts cause misunderstanding and vagueness, which is unacceptable in this type of texts. The compendium of legal texts in Iran is based on general legal law and jurisprudential principles. The lack of bilingual legal Russian-Persian and Persian-Russian dictionaries enhances the translation problems in this field. This fact suggests that due attention has not been paid to such an important issue in the field of linguistics. The current criterion used in the translation of legal documents is the objective interpretation of the text. The identification of the problem can help solve it. The subject of this article was the legal content focused on legal family and financial texts. The purpose of our research is to reveal the difficulties translators of legal texts in these languages face, to study the best examples of translation accumulated by far and to help translators of legal texts by integrating translators' experiences and publishing comparative works that reveal cultural and semantic connotations in two languages.*

Key Words: *translation, legal, Russian, Persian, comparison, translation problems, bilingual dictionaries*

For citation: Rezvani V., 2021. Comparing Translation Peculiarities of Legal Texts in The Russian and Persian Languages. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 111–118. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-111-118>

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА БАЗЕ РУССКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

В. Резвани

Тегеран, Иран
Площадь Шейхбахайи, Университет Аль-Захра

Аннотация. *Перевод юридических текстов требует большой точности и особого внимания. В юридических текстах слова имеют правовую коннотацию и правовые последствия, которые либо способствуют защите интересов юридических и физических лиц, либо, наоборот, приводят к нарушению прав граждан. Неточные переводы юридических текстов вызывают недопонимание и расплывчатость, что недопустимо в этом виде текстов. Компендиум юридических текстов в Иране создан на базе общего правового закона и юридических принципов. Отсутствие двуязычных юридических русско-персидских или персидско-русских словарей осложняет перевод текстов юридического профиля, что свидетельствует о том, что до сих пор не было уделено должного внимания профессиональному переводу в области юриспруденции. Вследствие этого переводчики ориентируются только на интерпретацию терминов. Объектом рассмотрения в данной статье послужили юридические документы, в которых отражаются правовые решения семейных и финансовых проблем. Цель настоящей работы – знакомство с трудностями перевода юридических текстов в упомянутых языках, учёт опыта, накопленного предыдущими поколениями, а также рекомендации для переводчиков юридических текстов, которые видятся в интеграции опыта переводчиков и наряду с этим – издании сопоставительных трудов, раскрывающих культурные и смысловые коннотации.*

Ключевые слова: *юридический перевод, юриспруденция, русский язык, персидский язык, сопоставление, трудности перевода, двуязычные словари*

Для цитирования: Резвани В., 2021. Сопоставление особенностей перевода юридических текстов на базе русского и персидского языков. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 111–118. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-111-118>

Введение

С расширением круга международного общения интерес и необходимость в подготовке специальных переводчиков в сфере профессиональной коммуникации повышается. Юридические тексты на персидском языке имеют существенные отличия из-за различий в структуре судебной системы Ирана и российской судебной системы, поэтому этот момент следует учитывать при обучении переводчиков. Актуальность настоящего исследования заключается в определении перевода юридических текстов как одного из стилей официального перевода и рассмотрении способов снижения его расплывчатости и неточности. В процессе изучения персидских и русских юридических текстов сопоставительным методом мы рассчитываем найти надёжный способ передачи правовой коннотации в указанных текстах. Материалом, используемым для изучения, послужили юридические документы различного профиля, такие как договоры, сертификаты, доверенности и т.п. в Иране и России.

Основное содержание

Значение юридического языка становится очевидным, если учесть его связь с человеческой деятельностью. Слова – это не только средства выражения, но и также инструменты действия. Язык закона – это не просто обозначение

объектов, но это язык будущих действий. Юридический язык – это проекция в будущее, которая позволяет предвидеть и предсказывать человеческое поведение со степенью уверенности, необходимой для социальной жизни.

То, что юридический перевод в области международного права имеет большое значение, очевидно во многих отношениях.

Важным аспектом теории юридического перевода является определение качества переведённого текста. Точность перевода включает не только соответствие тексту, но и сохранение смысла

контекста. Опытный переводчик должен отслеживать любые изменения контекста между написанием текста и его интерпретацией.

Если в тексте смысл является определяющим для однозначного восприятия любого высказывания, то контекстуальные условия, которые предшествуют или следуют за этим высказыванием, будут скрывать этот смысл. Для того чтобы смысл был сохранён, необходимо следить за соблюдением обоих условий.

Переводчик должен понимать как правовую культуру, в которой был создан исходный текст, так и правовую культуру, к которой будет применяться итоговый текст. Необходимость знакомства со специализированной терминологией показывает, что только переводчик, знакомый с правовыми системами обеих стран, может справиться с поставленной задачей.

Переводчики, не специализирующиеся на праве, даже с высочайшим уровнем языковых знаний, просто не в состоянии перевести юридические тексты. Иногда обычные события, объекты и концепции, попадая в область правового мира, претерпевают значительные трансформации. Например, слову «лицо» присвоено много значений в разных словарях, из которых приведём лишь основные, опираясь на словарь Ожегова: семантическое (медицинское): передняя часть головы человека; грамматическое: категория, показывающая отнесённость к говорящему, к собеседнику или к тому, кто не является ни говорящим, ни собеседником; юридическое: самостоятельная организация, обладающая имущественными и другими гражданскими правами и обязанностями. Другие значения либо прямо выводятся из перечисленных значений, либо переносные.

Как правило, правовым системам любого государства присущи специальные термины, возникающие в соответствующих историко-культурных условиях и не встречающиеся в других правовых системах. Проблема передачи содержания, обозначаемых ими правовых понятий заключается в том, могут ли существующие переводы вызывать адекватное восприятие у носителей языка перевода. Как было уже отмечено А.С. Киндеркнехтом, «основные трудности в переводе юридических текстов связаны, как правило, с интерпретацией профессиональной юридической терминологии. Именно трактовка терминов и стоящих за ними юридических понятий в данной конкретной системе права – камень преткновения начинающих переводчиков» [3, с. 123]. Один из наиболее эффективных путей избежать проблем и двусмысленности при переводе – проведение консультации с опытными специалистами в области права и сопоставление с аутентичными документами, в которых можно проверить соответствия или процитировать их в качестве первоисточника.

Вот почему перевод юридических документов с персидского языка на русский сопряжён с большими препятствиями, с одной стороны, из-за избыточного количества арабских терминов, укоренившихся в исламской юриспруденции. Согласно ст. 4 Конституции ИРИ, «все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах» [5, с. 59]. Лексика исламских нормативно-правовых актов не имеет эквивалентов в русском языке. С другой стороны, недостаточное количество исследований в сфере специального перевода с персидского языка на русский язык значительно усложняет юридический перевод. Целесообразным считается соблюдение единства процедуры, тексты юридического характера должны иметь «клишированную форму, а информация, содержащаяся в них, должна оформляться раз и навсегда установленным образом, согласно строгим конвенциям» [1, с. 282].

Нельзя упускать из виду, что кроме вышеназванных проблем в переводе документов с юридическим содержанием, исключительно важно сохранить значение переводимого текста, таким образом, чтобы ничьи права не были ущемлены. Нельзя не согласиться с точкой зрения Ю.Э. Гуцу, отметившей, что «без правильной передачи этой системы понятий на языке перевода достижение эквивалентности невозможно. Этим и обуславливается повышенный интерес к вопросам перевода термина, к основным способам достижения адекватного перевода на уровне терминологических слов и словосочетаний» [2, с. 27].

Если текст перевода принадлежит совсем другой правовой системе, необходимо будет достичь эквивалентного значения, используя высокую степень интерпретации, гибкости и креативности.

Переводчики должны найти эквивалентные юридические термины на языке перевода или термины, выполняющие аналогичную юридическую функцию.

К.Ф. Думулан, учитывая сложности юридического перевода с целью устранения проблем и повышения качества в передаче информации на язык перевода, предлагает: «в виду освещения непонятных или ошибочных фрагментов переводимого текста всегда **спрашивайте** владельца документа», в связи с этим, она придерживается такой точки зрения: «Даже если вы могли своим восприятием достичь значения документа, ни в коем случае не передавайте это значение в своём переводе» [8, с. 34]. Это может оказаться непоправимым в силу того, что может представиться невозможным связаться со всеми владельцами документов или же документы могут носить общегражданский или государственный характер. Выход из таких ситуаций мы видим в том, чтобы в разумных пределах прибегать к неологизмам или к транслитерации слов, с соответствующим объяснением или определением, включённым в текст. Вышеуказанные трудности при переводе существуют на общем уровне в любом языке.

Понятие эквивалентности не означает простое копирование слов из исходного текста, а, скорее, означает построение текста на языке перевода таким образом, чтобы он обладал той же силой или значением, что и текст в исходном документе. Лояльность в переводе требует учёта контекста, вне зависимости от дистанционного, временного или географического различия. При переводе юридических терминов, принадлежащих к определённой правовой системе, на язык страны, принадлежащей к другой системе, необходимо найти способ нейтрализовать или, по крайней мере, минимизировать изменение контекста.

Для перевода юридических текстов требуются два основных навыка. Во-первых, необходимо твёрдое лингвистическое знание обеих языковых систем. Также необходимо доскональное знание предмета в соответствующих правовых системах. Эти два условия делают возможным перевод научного текста, несмотря на его сложность, которая заключается в том, что концепции права и правовой политики тесно связаны с соответствующими языковыми системами. Путём перевода с одной языковой системы на другую очень легко изменить информацию, представленную в тексте. В хорошем переводе сохраняется как целостность информации, так и нюансы, присущие каждому языку.

Отличительной чертой языка юридических документов в Иране является изобилие арабских слов и оборотов, мало употребляемых в разговорной речи. Юридические тексты насыщены арабскими конструкциями, в которых включаются номинальные, глагольные и предложные конструкции. В первую очередь, самому переводчику необходимо понять суть изложенного текста, в связи с этим, достаточное знание структуры словообразования арабского языка считается необходимым условием в переводе юридических текстов в судебной системе Ирана. Переводчик, не обладающий достаточной компетенцией в арабской словообразовательной структуре, рискует ошибиться в переводе из-за применения неточного синонимического эквивалента. Например: «khiär» (خيار) в персидском языке означает 'огурец', а в арабском языке означает 'выбор'. «Ghabn» (غبن) в персидском языке означает 'повреждение', а в арабском языке означает 'несправедливость'. «Fähesh» (فاحش) в персидском языке означает 'чрезмерная скверность', а в арабском языке означает 'непристойность'. «Esgähät» (اسقاط) как в персидском, так и в арабском языке означает 'отмена', 'лишение'. В качестве примера приведём оборот «Esgähät-e khiär-e ghabn-e fähesh» (اسقاط خيار غبن فاحش), записываемый на персидском языке в большинстве контрактов и трактуемый следующим образом: [не допускать условия для кабальной сделки]. Эта фразеологическая единица может поставить в тупик малоопытных переводчиков, так как целое правовое значение не выводится из составляющих слов. Другими словами, при переводе подобных текстов некомпетентная передача смыслов может привести к неудачному переводу.

Современная правовая система Ирана основана на симбиозе римского права и исламской юриспруденции. До исламской революции 1979 года сфера действия исламских юридических законов была очень ограниченной. А исламское право распространялось на область личного статуса. После революции новое государство начало исламизацию правовой системы. В послереволюционной конституции было закреплено положение о приведении всех законов в соответствии

с шариатом. В связи с этим в некоторых случаях поиск эквивалентов при переводе оказывается сложным, и только через передачу смыслов можно донести смысловую составляющую текста. Например, в брачных документах в Иране в зависимости от формы развода каждой форме присущи определённые названия. Согласно гражданскому кодексу Ирана, ст.1143, существует два вида развода, первый из которых – «Талāk-е раджи» (طلاق رجعی), то есть предварительный развод [9, с. 201-202]. Данный вид развода прекращает брак не полностью, и при совершении такого вида развода предполагается возможность возвращения в супружескую жизнь на протяжении «иддā» (трёх менструальных периодов), при этом согласия жены не требуется. Разные исламские школы (мазхабы) согласны в том, что при таком виде развода муж вправе возвращаться к супружеской жизни в любой момент срока иддā. Следующий вид называется «Талāk-е бāин» (طلاق بانن) (полный развод), в соответствии с которым разведённый муж лишается права возобновить расторгнутый брак в срок иддā. Исходя из описания вышеуказанных разводов, мы видим, что в одном из них имеются условия, позволяющие разведённым супругам вернуться к супружеской жизни. В судебной системе РФ, прекращение брака ограничено одним видом развода. Конечно, в данной работе мы не намерены описывать правовые условия развода, однако, акцентируясь на вышеуказанных юридических терминах в персидском языке, мы убеждаемся, что перевод правовых норм вызывает трудности, в силу чего переводы не дотягивают до полноценной эквивалентности. Национальные и культурные характеристики, религиозные основы иранцев и россиян имеют существенные различия. Какие эквиваленты могут соответствовать терминам «бāин» и «раджи»? Понятие «раджи» религиозные эксперты и лингвисты интерпретируют как «предварительный», «возвратный», «неполный», среди которых предпочтительным вариантом является «предварительный». А понятие «бāин» было решено переводить как «полный», что позволяет прояснить одну сторону данного юридического термина и отличать от «раджи», то есть от возможности возобновить расторгнутый брак.

В свою очередь развод бāин делится на несколько разновидностей. В «Санад-е-талāk» (سند طلاق) 'свидетельстве о расторжении брака', кроме вышеуказанных условий предусмотрен «оджрат ал-мсл» (اجرت المثل) (возмещение): согласно шариату и закону, при разводе женщина заслуживает награды, называемой возмещением за выполнение всех дел, которые она не была обязана делать в течение своей совместной жизни в доме своего мужа. Такое право предусмотрено с целью поддержки женщин после развода, во избежание финансовых трудностей. Как видим, приведённые выше примеры не имеют эквивалента в русском языке, так как подобная обязанность не возлагается на граждан России.

Касательно несоответствия юридических терминов в русских и персидских текстах, приведём другой пример. В сертификате о регистрации права собственности в иранских документах существует термин, выражающий долю собственности. Слово «Dāng» (دانگ), обозначающее одну шестую часть недвижимого/движимого имущества, не имеет эквивалента в русских математических терминах, и только посредством дополнительного объяснения можно выяснить его юридическое значение. Термину «Dāng» даётся следующая дефиниция – каждый недвижимый/движимый объект, кроме продовольственных и текстильных объектов, делится на шесть (6) равных частей, каждая часть, в свою очередь, делится на шестнадцать (16) долей. В результате произведения шести частей на шестнадцать долей получаем 96 паев. Иными словами, каждый недвижимый/движимый объект может иметь от одного до 96 собственников пропорционально разным частям «дāнг». Вышеуказанные объяснения позволяют раскрыть трудности передачи аналогичных видов юридических текстов. Очевидно, что такого понятия в русских юридических текстах не существует, и только через передачу смыслов представляется возможным донести содержание текста.

Можно привести ещё один пример. Перед заключением договора купли-продажи в Иране оформляют документы, указывающие этапы реализации владения имуществом; то есть перед тем, как зарегистрировать право собственности на имя нового владельца, подписывают «Gholnāme» (قول نامه), что дословно обозначает 'Письмо-обещание', с подписанием которого официально вступает в силу передача права собственности покупателю, но в случае возникновения каких-либо проблем, продавец или покупатель вправе расторгнуть договор «Gholnāme» с выплатой штра-

фов в размере, указанном в «письме-обещании». Сделка считается совершённой подтверждением факта перечисления полной стоимости проданного или купленного объекта. После этого можно регистрировать в ГОРДУН (Государственная Организация Регистрации Документов и Учёта Недвижимости), и в результате право собственности полностью отчуждается в пользу другого лица. Как видим, «Письмо-обещание» носит юридический характер и вызывает юридические последствия, но оно не имеет точного эквивалента в русских юридических текстах, можно только в некоторых случаях консервативно выбрать оборот «Гарантийное письмо», которое по сути содержания отличается.

В юридическом лексиконе Ирана фигурирует термин «Санад» (سند), значение которого в переводе на русский – «документ», имеющий отношение к большинству официальных документов, включая «Санад-е-эздевадж» (سند ازدواج) ‘Справка/свидетельство о заключении брака’, «Санад-е-талак» (سند طلاق) ‘свидетельство о расторжении брака’, «Санад-е хане/мельк» (سند خانه) ‘Свидетельство о государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество’ «Санад-е машин/мотор» (سند ماشین/موتور) Паспорт Транспортного Средства’, «Санад-е-чешмандазе бист сале» (ساله سند چشم انداز بیست) ‘Документ о перспективах будущего того, кому исполнилось двадцать лет’ [6].

Как мы видим, каждый иранский документ, содержащий в наименовании «санад», в российской юриспруденции может переводиться либо как «свидетельство», либо как «паспорт». Переводчик в каждом из подобных случаев должен искать наиболее подходящее соответствие в печатных источниках или в сети Интернет.

В 17.03.2010 г. во исполнение законной обязанности было установлено распоряжение о выдаче одностороннего документа собственности в 17 статьях и 11 примечаниях в пункте Б ст.13 бюджетного закона, в рамках унификации, повышения безопасности и предотвращения фальсификации вышло постановление о внесении сведений о кадастровом номере объекта недвижимости в реестр в форме, называемой «Санад-е-такбарги» (سند تک برگی), дословно обозначающей «односторонний документ» [7].

Почему возникло такое наименование? Что следует понимать под односторонним документом? Без сомнения, дословный перевод на русский язык может показаться забавным. Следующий документ, более авторитетный по сравнению с предыдущими документами, называется «Санаде-мангуледар». Дословно обозначает ‘документ со шнурком/ прошивкой’. Он отличается по физической структуре от простого прошнуривания, поскольку их выдавал ГОРДУН в форме книжек с железными пломбами с отметкой.

Под термином «Вакф» (وقف), также известным как «Хубус» (حبوس), понимается необлагаемый налогом и не подлежащий конфискации благотворительный дар. Согласно исламскому закону, действие права собственности навеки останавливается: даритель утрачивает его, а получатель не приобретает. Вакф не может переходить по наследству, быть предметом последующих дарений и, как правило, купли-продажи.

Обычно это включает в себя пожертвование здания, участка земли или других активов для благотворительных целей без намерения вернуть имущество. Хорошо известно, что благотворительные пожертвования имеют гораздо более древнюю историю, чем ислам, и весьма вероятно, что исламское право могло базироваться на правовом наследии предыдущих цивилизаций.

Слову «Вакф» присуще несколько вариантов значений, такие как «остановить», «запрещать» и «сохранить», но, как было уже сказано ранее, эти термины не могут быть использованы в качестве эквивалентов. В силу невозможности найти равноценные соответствия, употребляется его оригинальная форма, смысл которой передаётся описательным способом. «При выполнении перевода правовых документов особое внимание должно уделяться лексической безэквивалентности, так как во всех языках существуют слова и устойчивые словосочетания иностранного языка, не имеющие более или менее полных соответствий в виде лексических единиц» [4, с. 4]. Переводчику очень важно иметь представление о явлениях такого рода. Проверка смыслового соответствия юридических единиц может быть проведена различными способами, одним из которых можно назвать поиск равнозначных терминов в сети Интернет. Поскольку социальные сети постоянно подпитываются новыми данными и ориентированы на нужды пользователей, мы можем обна-

ружить эквиваленты персидским юридическим терминам, изучая русскоязычные юридические документы, размещённые в сети Интернет.

Выводы

Во всех языках мира существуют своеобразные специфические устойчивые словосочетания, не имеющие полного эквивалента в других языках. Перевод любого рода текста требует лингвистических и экстралингвистических навыков. Юридический текст содержит правовую информацию, которую следует стремиться сохранить при переводе.

Перевод функционирует как «опылитель» культур, обогащая одну культуру идеями другой. Более того, юридический перевод служит мостом для взаимопонимания между народами, облегчая решение жизненно важных человеческих проблем. Такой важный инструмент заслуживает более широкого признания как лингвистов, так и юристов. Когда речь идёт о переводе юридических текстов на персидском языке, встречается ряд таких препятствий, как отсутствие специальных юридических словарей и изобилие арабских религиозных терминов, осложняющих работу переводчиков. Переводчик обязан найти в языке перевода наиболее подходящее сочетание или слово, имеющие аналогичные значения. Во избежание упомянутых сложностей, целесообразным будет совместное сотрудничество в составлении специализированных словарей, создание форума для переводчиков специалистов в сфере юридических текстов, где они могли бы обмениваться опытом, что способствовало бы улучшению перевода текстов в данной области. В связи с этим существует большая потребность в реализации совместной программы по созданию переводческих научных обществ с помощью лингвистов, юристов и представителей судебных органов Ирана и России.

© Резвани В., 2021

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводведение / И.С. Алексеева : Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Гуцу Ю.Э. Особенности перевода юридических терминов / Ю.Э. Гуцу, Выпускная квалификационная работа магистра, СПбГУ, 2016. 84с.
3. Киндеркнехт А.С. Особенности перевода юридических текстов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 5 (68). Орел: Изд-во Орловского гос. ун-та, 2015. С. 123-127.
4. Умерова М.В. Особенности перевода документов и текстов официального характера / М.В. Умерова, Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 12. с. 132-137.
5. Хачатуров Р.Л. О правовой системе Ирана / Р.Л. Хачатуров, Вектор науки ТГУ. № 6(9). 2009, сс.58-61.
6. <https://tc.majlis.ir/fa/law/show/132295>- (дата обращения 26.08.2020)
7. <https://tc.majlis.ir/en> (дата обращения 26.08.2020)
8. FéRailleur-Dumoulim C., A Career in Translation: Insightfull Information to Guide You in Your Journey as a Professional Translator/ C. FéRailleur-Dumoulim Bloomington: AuthorHouse. 2009. pg.34.
9. Mansour, Jahangir, Civil Law with the latest amendments and additions to the Civil Liability Law, Tehran, Didar Publishing, 2010. Pp. 201-202.

References

1. Alekseeva, I.S. *Vedenie v perevodavedenie* [Introduction to Translation Studies] / I.S. Alekseeva. M.: Academia, 2006.282 p.
2. Gutsu, Yu. E. *Osobennosti perevoda uiridicheskikh terminov* [Features of translation of legal terms] / G.Yu. Eduardovna, Master's final qualifying work, St. Petersburg State University, 2016.84p.
3. Kinderknecht, A.S. *Osobennosti perevoda iuridicheskikh tekctov* [Peculiarities of translation of legal texts] / A.S. Kinderknecht, Philological Sciences M., 2019.p.123.
4. Umerova, M.V. *Osobennosti perevoda dokumentov i tekstov ofitcialnogo kharaktera* [Peculiarities of translation of documents and texts of an official nature] / M.V. Umerova // *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2011. No. 12. S. 132-137.

5. Khachaturov, R.L. *O pravovoi sisteme Irana* [About legal system of Iran] / R.L. Khachaturov, TSU Science Vector. No. 6 (9). 2009, pp. 58-61.
6. <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/132295-> (accessed date 26.08.2020)
7. <https://rc.majlis.ir/en> дата обращения (accessed date 26.08.2020)
8. FéRailleur-Dumoulim, C. *A Career in Translation: Insightful Information to Guide You in Your Journey as a Professional Translator* / C. FéRailleur-Dumoulim. Bloomington: AuthorHouse. 2009. p.34.
9. Mansour, Jahangir. *Civil Law with the latest amendments and additions to the Civil Liability Law*, Tehran, Didar Publishing, 2010. Pp. 201-202.

Сведения об авторе:

Резвани Ваджихе – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка, Университета Аль-Захра (г. Тегеран, ИРИ). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика русского языка, переводоведение, лингвокультурология, лексикология.
E-mail: v.rezvani@alzahra.ac.ir

About the author:

V. Rezvani – Assistant Professor at Department of the Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University, Tehran, Iran. Spheres of research and professional interest: the Russian grammar, translation studies, cultural linguistics, lexicology. E-mail: v.rezvani@alzahra.ac.ir

* * *

THE ROLE OF LANGUAGE IN PROFESSIONAL IDENTITY FORMATION: LINGUODIDACTIC ASPECT

Alexander Y. Bagiyan, Tatyana A. Shiryaeva

Pyatigorsk State University,
9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russia.

Abstract. *The article analyses and demonstrates the practical application of the authors' method of specialist's professional identity formation through foreign language classes (English, advanced level). The methodology is based on the principle of shaping professional linguistic personality as a central element of professional identity. The authors identify the correlation dependence of the indicated phenomena, on the basis of which the linguistic foundation of the study is built - the selection and analysis of language material through the method of conceptual linguistic engineering of professional identity. Due to the presented complex linguistic analysis, the authors collect a corpus of textual and language units - a working thesaurus which forms the linguistic basis of the entire educational process of forming a professional linguistic personality.*

Content-wise, the methodology is based on thematic planning, which is as close as possible to the professional activities of the future specialist. For example, the topics proposed for discussion by the students in the described pilot manual substantially duplicate the main stages of the business plan. This structure allows us to purposefully form the professional language personality of the student, as well as the necessary professional competencies.

The obligatory project component as the final element of each thematic stage contributes to a deeper consolidation of the mastered language material and practical skills in a certain, profession-given, activity format. The entire process of forming the professional language personality is based on a comprehensive systematic study of productive language skills (speaking, writing).

The offered technique promotes not only the deep study of linguistic skills and development of the future profession discourse space but also develops a wide range of soft skills especially demanded by employers nowadays.

Key Words: *professional identity, language personality, linguodidactics, methodology, soft skills, pedagogical technology, conceptual linguistic engineering of professional identity*

For citation: Bagiyan A.Y., Shiryaeva T.A., 2021. The Role of Language in Professional Identity Formation: Linguodidactic Aspect. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 119–129. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-119-129>

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

А.Ю. Багиян, Т.А. Ширяева

Пятигорский государственный университет,
357532, Россия, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9

Аннотация. В статье проводится анализ и особенности практического применения авторской методики формирования профессиональной идентичности специалиста на занятиях по иностранному языку (английский, продвинутый этап). В основу методики положен принцип становления профессиональной языковой личности как центрального элемента профессиональной идентичности. Авторами выявляется корреляционная зависимость обозначенных феноменов, на основе чего выстраивается лингвистический базис исследования – отбор и анализ языкового материала посредством методики концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности. На основе представленного комплексного лингвистического анализа выводится корпус текстовых и языковых единиц – рабочий тезаурус, который составляет языковую основу всего образовательного процесса формирования профессиональной языковой личности.

Содержательно методика строится на тематическом планировании, максимально приближенном к осуществлению профессиональной деятельности будущего специалиста. Например, темы, предлагаемые для обсуждения студентам в рамках описываемого экспериментального пособия, содержательно дублируют основные этапы бизнес-плана. Подобная структура позволяет целенаправленно формировать профессиональную языковую личность обучающегося и необходимые профессиональные компетенции.

Наличие обязательной проектной составляющей как завершающего элемента каждого тематического этапа способствует более глубокой консолидации осваиваемого языкового материала и практических навыков в определённом, заданном профессией, формате деятельности. Весь процесс формирования профессиональной языковой личности основывается на всесторонней системной проработке продуктивных языковых умений (говорение, письмо).

Предлагаемая методика способствует не только глубокой проработке лингвистических умений и навыков и освоению дискурсивного пространства будущей профессии, но и развивает широкий спектр особо востребованных сегодня работодателями гибких навыков.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, языковая личность, лингводидактика, методика, гибкие навыки, педагогическая технология, лингвопроектирование

Для цитирования: Багиян А.Ю., Ширяева Т.А., 2021. Роль языка в формировании профессиональной идентичности: лингводидактический аспект. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 119–129. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-119-129>

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00364 А (руководитель - Багиян А.Ю.)

1. Введение

Современный уровень развития общества ставит перед образовательным пространством новые амбициозные задачи, одной из которых является профессионализация всего учебного процесса: сегодня, как никогда раньше, необходимо учить студентов активно и эффективно применять полученные в аудитории знания в реальной профессиональной жизни. Таким образом, процесс обучения и познания выходит далеко за пределы вузовской аудитории, активно привлекая на всех этапах подготовки специалистов нового типа использование цифровых ресурсов и интернет-технологий, действующих работодателей, индивидуализацию учебной траектории. Тем не менее, при всей неотъемлемости представленных компонентов в рамках современного учебного процесса, решение задачи обучения профессионала нового типа видится нам, прежде всего, в создании новой методики профессионального обучения, главной целью которой будет формирование профессиональной идентичности будущего специалиста.

Сегодня государство, как никогда прежде, настойчиво ставит перед системой образования задачу формирования квалифицированного специалиста, учитывая как его профессиональную готовность, так и гражданско-правовую позицию. Данный аспект приобретает ещё большую актуальность в связи с постоянно растущей необходимостью коммуникации и обмена опытом между представителями разных культур и, как следствие, важностью формирования профессиональной идентичности на иностранном языке с целью обучения специалистов представлять профессиональные сообщества Российской Федерации на международной арене.

Именно эта задача озвучена как одна из основных перспектив развития образования в федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения. Важно отметить, что эта же проблематика активно продвигается подавляющим большинством работодателей как на уровне профессиональных стандартов, так и на этапе их постоянного взаимодействия с высшими учебными заведениями.

Поскольку специалист в любой профессиональной области является членом определённого профессионального сообщества и осознаёт свою принадлежность к определённой профессии, неотъемлемым элементом личности специалиста является его профессиональная идентичность. Соответственно, становление специалиста в любой области должно строиться на формировании у него профессиональной идентичности. Тем не менее, успех подобного формирования, на наш взгляд, должен базироваться на понимании феномена профессиональной идентичности как комплексного структурного образования, требующего нового подхода к его пониманию и анализу, а также определяемого многоаспектной направленностью имеющихся на сегодняшний день исследовательских парадигм [1, с. 219].

Анализ технологий и методик формирования профессиональной идентичности, имеющихся в распоряжении современной гуманитарной научной парадигмы, вынуждает констатировать, что используемый до настоящего времени образовательный инструментарий не справляется с задачей целостного развития профессионала. Именно данный факт обуславливает столь пристальное внимание педагогики и методики к исследованиям процесса становления и развития профессиональной идентичности. Именно поэтому одним из магистральных направлений наших исследований в области прикладной лингвистики и лингводидактики стал вопрос фундаментального формирования специалиста как многогранной личности посредством формирования его профессиональной идентичности.

Принимая во внимание глобальный характер всех происходящих в современном мире процессов, ФГОС последнего поколения одной из основных задач ставят формирование профессиональной идентичности как на родном, так и на иностранном языке. И здесь считаем важным отметить, что «целостное представление о профессиональной личности специалиста как носителя специфического образа мира невозможно сформировать без рассмотрения его как специфической языковой личности, которую отличают особые стратегии речевой деятельности в конкретной профессиональной сфере» [5, с. 151]. К подобному заключению в своих исследованиях

приходит и Ю.Н. Караулов, по справедливому утверждению которого полноценная личность не может быть сформирована до тех пор, пока не сформируется личность языковая [4].

Принимая во внимание современные масштабы мировой интеграции и постоянно расширяющееся международное сотрудничество, а также тот факт, что доминантным языком профессионального образования, как и профессиональной коммуникации, выступает английский, для российского, равно как и глобального, сообщества, как никогда раньше, актуальным становится вопрос формирования профессиональной идентичности не только на родном, но и на иностранном языке. Принимая во внимание явно выраженный лингводидактический аспект исследования, подчеркнём, что процесс формирования профессиональной идентичности специалиста посредством использования иностранного языка и погружения в иноязычную лингвокультуру строится на понимании феномена профессиональной языковой личности.

Таким образом, целью данного исследования является презентация авторской методики формирования профессиональной идентичности (далее –

ПИ) специалиста на занятиях по иностранному языку, в основу которой положен принцип становления профессиональной языковой личности (далее – ПЯЛ). В качестве основных задач исследования выступают: 1) установление корреляционной зависимости ПЯЛ и ПИ в аспекте всестороннего формирования последней; 2) описание теоретических основ концептуального лингвопроектирования ПИ как комплексного методологического базиса создания лингвистического корпуса данных, необходимого для наиболее адекватного практического наполнения соответствующей языковой дисциплины; 3) описание поэтапного лингводидактического использования представленной методики для создания учебно-методического комплекса нового поколения.

Фактическим материалом исследования выступил собранный корпус данных, состоящий из языковых единиц и текстов, функционирующих в профессиональном и научно-популярном субдискурсах бизнес-дискурса. В качестве апробации материалов исследования был выбран уровень продвинутого владения иностранным языком (английский, уровень B2-C1) в рамках университетского образования.

2. Профессиональная языковая личность и профессиональная идентичность: корреляция и взаимообусловленность

Наше понимание взаимообусловленности формирования ПИ посредством развития ПЯЛ объясняется тем фактом, что ПИ есть сложная уровневая и динамически развивающаяся система, заключающаяся в отождествлении и осознании каждым индивидом своей принадлежности к определённой профессии в соответствии с набором «необходимых и достаточных дескрипторов соответствующей профессии» [10, с. 53]. ПИ формируется при профессиональной подготовке будущих специалистов, включающей в себя развитие совокупности необходимых профессиональных компетенций. И здесь совершенно уместно сказать, что поскольку «любое профессиональное знание представлено текстами, формирующими профессиональную картину мира <...> [а также] нормы и образцы деятельности» [8, с. 132], а сами тексты содержат систему ценностных установок будущей профессии и национально-культурную специфику знания, языковая составляющая является одним из ключевых элементов формирования языковой личности будущего специалиста и его ПИ.

Данная точка зрения убедительно аргументируется С.В. Мыскиным: «Центральным звеном взаимосвязи языковой профессиональной личности и профессиональной реальности выступает профессиональная картина мира, объективным выражением которой является профессиональный дискурс как совокупность текстов и соответствующих им контекстов» [5, с. 155]. Таким образом, именно профессиональный дискурс (в совокупности всех используемых в нём лексических, синтаксических, прагматических и супrasegmentных языковых единиц) формирует ПЯЛ и, соответственно, ПИ. В прагмалингвистическом аспекте также стоит обратить пристальное внимание на лингвоаксиологическую составляющую вопроса, поскольку доминирующий принцип образования, по мнению Н.Д. Гальсковой, заключается в «приобщении подрастающего поколе-

ния к ценностно-смысловой системе, принятой в обществе на конкретном этапе его развития, и в конечном итоге в оказании образованием существенного влияния на ценностные ориентации общества в целом» [3, с. 3].

ПЯЛ включает в себя следующие уровни: вербально-семантический (лексикон; коммуникативно-компетентностный уровень), тезаурусный (лингвокогнитивный; уровень профессионального сознания) и мотивационный (прагматикон; мотивационно-прагматический уровень). По нашему мнению, именно поэтапное развитие каждого из представленных уровней посредством изучения профессионального тезауруса и дискурсивно-коммуникативных стандартов, принятых в определённом профессиональном сообществе, способствует формированию основ профессионального сознания и развитию ПИ будущего специалиста (Рис. 1).

Рисунок 1. Профессиональная идентичность и профессиональная языковая личность: корреляция и взаимообусловленность

Установив взаимозависимость ПЯЛ и ПИ, мы пришли к чёткому пониманию теории вопроса формирования ПИ посредством изучения языка. Тем не менее, для создания и использования на практике заявленной ранее прогрессивной методики требуется понимание того, по какому именно принципу происходит отбор фактического языкового материала.

3. Концептуальное лингвопроектирование профессиональной идентичности: лингвистическая основа исследования

Согласно выдвигаемой нами методике формирования ПИ, выборка, систематизация, обработка и анализ фактического языкового материала должны строиться в соответствии с методикой концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности (далее – КЛПИ).

Применив прописанный ранее алгоритм проведения анализа языкового материала по указанной методике КЛПИ [1, с. 222-223], авторы подвергли отобранный корпус бизнес-текстов следующим видам лингвистического анализа: лингвокогнитивный, социо-лексикографический, прагма-аксиологический, лингвоэкологический и, собственно, лингводидактический. Применённые в рамках каждого из описанных видов анализа методы и приёмы дали возможность выделить языковые единицы, составляющие основу ПЯЛ исследуемой нами профессиональной сферы бизнеса.

Корреляция использованных методов отбора языкового материала, элементов лингвистического анализа, выявленных языковых единиц и формируемых ими уровней ПЯЛ представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Корреляция этапов концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности с формируемыми уровнями профессиональной языковой личности

Этап КЛПИ	Выявленные языковые единицы и их характеристики	Формируемый уровень ПЯЛ
лингвокогнитивное моделирование	создание когнитивной модели исследуемой области; термины, их дефиниции и толкования; семантическая структура языковых единиц	уровень профессионального сознания
социо-лексикографическое моделирование	корректное структурирование словарной статьи; выявление системных связей в рамках исследуемой области	
прагма-аксиологическое моделирование	функциональный диапазон в профессиональном и научно-популярном субдискурсах; лингвокреативная реализация языковых единиц	коммуникативно-компетентностный уровень
лингвоэкологическое моделирование	контаминирующие языковые элементы; целесообразность использования определённых языковых единиц	
лингводидактическое моделирование	обнаружение наиболее значимых элементов, необходимых для использования при создании учебно-методических материалов по иностранному языку для специалистов в исследуемой области	мотивационно-прагматический уровень

Учитывая лингводидактический характер данного исследования с одной стороны, а также подробное описание методики КЛПИ в более ранних работах авторов, считаем необходимым остановиться более подробно именно на аспекте лингводидактического моделирования.

4. Формирование профессиональной идентичности: лингводидактический аспект

В основу описываемой методики формирования ПИ положен следующий принцип процесса формирования ПЯЛ: «профессиональный дискурс → профессиональный тезаурус → профессиональная коммуникация → профессиональная деятельность». В рамках университетского образовательного процесса методика выглядит следующим образом:

- на основе анализа текстов, репрезентирующих профессиональный дискурс, проводится изучение использования языкового материала;
- выявленный комплекс языковых единиц активизируется в рамках (симулируемой) профессиональной коммуникации;
- далее весь комплекс навыков апробируется при непосредственном профессиональном взаимодействии со специалистами-носителями языка (или иностранными специалистами с использованием иностранного языка как языка-посредника).

Так как бизнес-сфера является одной из стабильных составляющих профессиональной деятельности современного общества и охватывает практически все остальные сферы деятельности, профессиональный и научно-популярный дискурсы именно этой области послужили эмпирической базой создания экспериментального пособия для реализации представляемой методики. В силу того, что планирование и связанные с ним организационные навыки являются одной из основополагающих практик в профессиональной среде, методика формирования ПИ строилась на основе бизнес-планирования.

Ещё одной особенностью формирования ПИ является, на наш взгляд, языковая компетенция студентов. Поскольку ПЯЛ имеет сложноорганизованную лингвокогнитивную структуру, а уровень её развития находится в прямой зависимости от уже имеющихся языковых навыков учащихся, наиболее оптимальным периодом формирования у студентов ПИ является, по нашему мнению, продвинутый этап изучения английского языка (B2+ / C1 по Системе уровней владения иностранным языком, используемой в Европейском Союзе (CEFR)).

Содержательно методика представляет собой поэтапное освоение студентом всех этапов бизнес-планирования, начиная с освоения лексических единиц и заканчивая профессиональным и научно-популярным дискурсивным репертуаром, свойственным определённой сфере, что мак-

симально приближает студента к осуществлению профессиональной деятельности будущего специалиста. Данный подход обусловлен тем, что бизнес-планирование является необходимой составляющей ежедневной оперативной деятельности специалиста в описываемом виде профессионального взаимодействия, а сам бизнес-план определяется как лаконичное и точное описание определённой бизнес-идеи, наиболее существенный инструмент оценки развития проекта, предлагающий оптимальные и перспективные пути решения конкретной проблемы, а также необходимые для их достижения средства [2; 6].

Так, темы, предлагаемые для обсуждения студентам, представляют собой основные этапы бизнес-плана. Работа по формированию и развитию у будущих специалистов ПИ построена таким образом, что на каждом этапе деятельности обучающихся все методы работы направлены на проработку конкретной стадии бизнес-планирования, а также тех гибких навыков (soft skills), которые необходимы для успешной реализации данной изучаемой стадии. Подобная структура позволяет целенаправленно формировать профессиональную языковую личность обучающегося с одновременным формированием компетенций профессионального характера и развитием навыков межличностного взаимодействия при работе с бизнес-коллегами.

Процесс освоения студентами всех элементов бизнес-планирования состоит из следующих элементов (Таблица 2):

Таблица 2. Структурно-тематическое разграничение учебно-методического комплекса (бизнес-английский)

Структура	Тематические элементы	Проектная работа (реализация полученных навыков на практике)
Starting a business	business structures effective entrepreneur characteristics business with no money partnership challenges	brainstorm on your future business
Creating a concrete business plan	business plan avoiding mistakes running a franchise	writing a business plan
Gathering needed resources	office concept hiring people	job interview office concept
Launch marketing and brand-awareness campaigns	brand development marketing	brand development: concept, goals, logo, slogan
Getting the finances in shape	money management finances funding	make a presentation for getting invested
Creating a maintenance list	value of time: procrastination, to-do lists a CEO's typical day	planning working week
Setting future goals	future goals goals' types failures	setting goals guide

Представленные тематические элементы и осуществляемая студентами проектная деятельность позволяют заключить, что предлагаемая методика становления ПЯЛ (и, соответственно, формирования ПИ) даёт возможность освоить не только языковые умения и навыки, дискурсивное пространство будущей профессии, но и развивать те универсальные компетенции межличностного взаимодействия (soft skills), которые сегодня чрезвычайно востребованы работодателем, а именно: работа в команде, установление отношений, умение убеждать, проектная деятельность, решение проблем, ведение переговоров, эрудированность, креативность, тайм-менеджмент, постановка задач на рабочем месте и т.д.

Важно отметить, что при формировании ПЯЛ, вне зависимости от области профессионального взаимодействия, именно soft skills играют сегодня одну из ключевых ролей, поскольку дают возможность успешного ведения профессиональной деятельности независимо от её специфики и направленности [9, с. 336]. Иными словами, развитие soft skills в одной области автоматически обеспечивает их наличие у специалиста при овладении другой сферой деятельности, что значительно повышает их ценность и необходимость обязательного формирования.

Также подчеркнём, что наличие проектной составляющей как завершающего элемента в рамках каждого тематического этапа является обязательным компонентом формирования ПИ, поскольку способствует более глубокой консолидации всего осваиваемого языкового материала и практических навыков в определённом, заданном профессией, формате деятельности.

Поэтапный принцип проектной работы позволяет обучающимся по окончании курса, с одной стороны, сформировать профессиональный тезаурус и фонд дискурсивных стратегий, служащих

базой профессиональной языковой личности; а с другой, предоставляет возможность овладения основными профессиональными навыками ведения будущей деятельности.

При этом, весь процесс формирования ПЯЛ основывается на всесторонней системной проработке именно продуктивных языковых умений (говорение, письмо), что обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. Первые заключаются в объективной необходимости использования иностранного языка в практике повседневной деловой коммуникации (устный и письменный модусы общения). Внутренние (лингводидактические) факторы заключаются в том, что современные методики обучения иностранного языка для профессиональных целей в подавляющем большинстве направлены на развитие рецептивных навыков (чтение и, в гораздо меньшей степени, аудирование), имеют формализованную структуру изложения, стандартный набор лексико-грамматических упражнений и, самое важное, не являются тем мотивационным фактором, который заставляет расти и лично, и профессионально [см.: 7].

Предлагаемая нами методика принимает во внимание каждый из указанных выше аспектов, предоставляя возможность создания профессионального и креативного учебного пространства с целью формирования ПИ у студентов, а именно: структура пособия отражает развитие базовых навыков в области бизнеса; используемый языковой материал имеет как сугубо профессиональную, так и научно-популярную природу, чем вызывает больший интерес у студентов; система упражнений направлена не только (и не столько) на автоматизированную отработку лексики и грамматики, но и на активизацию выявленных лексико-грамматических структур в ситуациях реальной профессиональной деятельности и профессионального коммуникативного взаимодействия; в соответствии с принципом лингвоаксиологической целесообразности сформирован минимальный тезаурус по каждой из изучаемых тем; все без исключения методические разработки направлены на обязательный продуктивный эффект (вывод языковых единиц в непосредственную речевую практику).

Таблица 3. Взаимообусловленность этапов формирования профессиональной языковой личности и видов речевой деятельности с развиваемыми социо-коммуникативными профессиональными навыками

Этапы формирования ПЯЛ	Способ формирования навыков (посредством языка)	Виды речевой деятельности	Развиваемые социо-коммуникативные профессиональные навыки (soft skills)
мотивационный	all the 4 skills (mostly reading & listening)	preview (lead-in), skimming, scanning, listening for gist, discuss the questions	работа в команде, установление отношений, решение проблем, тайм-менеджмент, обучаемость
прагматический	listening, speaking	listening for details, pronunciation practice, monologue, dialogue	работа в команде, установление отношений, умение убеждать, креативность
лингво-когнитивный	language development (systems: grammar & vocabulary)	matching, completing sentences, filling gaps, guided discovery (grammar & vocabulary), word mind-mapping, complete the chart	грамотная письменная и устная речь, эрудированность, адаптивность, компьютерная и техническая грамотность
коммуникативно-компетентностный	speaking, listening, skills & systems integration	discuss the questions, "agree or disagree", answer the questions, integrated tasks: listening + vocabulary, reading + vocabulary, listening + grammar + speaking, etc.	работа в команде, установление отношений, умение убеждать, ведение переговоров, компьютерная и техническая грамотность, обучаемость
аксиологический	all the 4 skills (mostly reading & listening), systems ²	project; speaking activities; discuss the questions with a partner; "your opinion" tasks;	установление отношений, креативность, экспертиза и совершенствование бизнес-процессов, сильная трудовая этика, эмоциональный интеллект
профессиональное сознание (ПИ)	project	projects	аналитический склад ума, работа в команде, установление отношений, проектная деятельность, решение проблем, ведение переговоров, креативность, тайм-менеджмент, постановка задач на рабочем месте, компьютерная и техническая грамотность, экспертиза и совершенствование бизнес-процессов, сильная трудовая этика

² весь комплекс упражнений составлен из аутентичных материалов профессиональной направленности.

Важно отметить, что формирование ПЯЛ у студентов строится по принципу, обратному представленной ранее структуре ПЯЛ носителя языка. При условии изначальной структуры ПЯЛ «профессиональная деятельность → профессиональная коммуникация → профессиональный дискурс», процесс формирования ПИ студентов следует начинать в обратной последовательности: «профессиональный дискурс → профессиональная коммуникация → профессиональная деятельность». Именно такая последовательность действий показала себя эффективной и была принята за основу создания каждого раздела в учебном пособии.

Далее представлена взаимообусловленность этапов формирования ПЯЛ с каждым конкретным из видов речевой деятельности, особенностями формирования необходимых языковых навыков, а также социально-коммуникативными профессиональными навыками (Таб. 3).

Считаем необходимым подчеркнуть следующее: несмотря на то, что мотивационная составляющая выделена как отдельный этап формирования ПЯЛ, данный аспект присутствует во всех элементах курса и является ключевым для адекватного усвоения нового профессионального знания и его языковой реализации.

Описываемая методика способствует глубокой проработке не только лингвистических умений и навыков, профессиональных компетенций, но и развитию критического мышления, формированию алгоритмов разрешения конфликтных ситуаций, умений командной работы и реализации практико-ориентированных проектов.

5. Заключение

Поиск путей практического решения теоретических вопросов формирования ПЯЛ и, соответственно, ПИ у студентов привёл к созданию концепции постоянно работающей лаборатории, активно занимающейся дальнейшими теоретико-методологическими изысканиями и их аппликативным потенциалом в данной области. С этой целью на базе Института романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» была создана научно-образовательная исследовательская лаборатория «Лингводидактические аспекты концептуального проектирования профессиональной идентичности».

Результаты проведённых исследований были положены в основу создания экспериментальной методики формирования ПИ, которая на данный момент проходит апробацию в рамках дисциплины «Практикум профессионально ориентированной речи (английский язык)». Концептуальное использование методики заключается как в проведении практических занятий с использованием разработанного авторами экспериментального пособия [11], так и в активизации творческой составляющей студентов на основе реализации проектной деятельности. При этом, в качестве основополагающего условия выступает активизация формирования soft skills как одной из составляющих ПИ специалиста XXI века.

Полагаем, что представленная методика формирования ПИ студентов способствует всестороннему развитию будущего специалиста как целостной личности, носит универсальный характер и может быть успешно использована в любой области подготовки будущих специалистов. В целях дальнейшего совершенствования методики и применяемого в её рамках теоретико-практического инструментария, планируется проработка схожих курсов на другом тематическом и языковом фактическом материале.

Выражаем надежду на то, что представленная вашему вниманию методика, будучи дополненной и апробированной на других языках, откроет новые перспективы для методики преподавания иностранных языков в профессиональной сфере.

© Багиян А.Ю., Ширяева Т.А., 2021

Список литературы

1. Багиян А.Ю. Методика концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности: подходы к разработке, сущность и перспективы/ А.Ю. Багиян, Т.А. Ширяева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 214–228.
2. Бринк И.Ю. Бизнес-план предприятия. Теория и практика/ И.Ю. Бринк, Н.А. Савельева, Ростов н/Д: «Феникс», 2007. 384 с.
3. Гальскова Н.Д. Мониторинг качества языкового образования на современном этапе развития школы/ Н.Д. Гальскова, Д.К. Бартош // Иностранные языки в школе. 2016. № 9. С. 2-8.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. I. С. 150-157.
6. Палеев А.В. Научная парадигма формирования бизнес-плана, особенности инвестиционного бизнес-планирования // Финансовые исследования. 2013. № 4 (41). С. 64-72.
7. Сафонова В.В. Актуальные проблемы методического анализа качества учебной литературы на иностранном языке // Иностранные языки в школе. 2016. № 10. С. 2-12.
8. Фадеева О.А. Проектирование дискурса высшего образования как средства формирования профессиональной идентичности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 1 (21). С. 131-135.
9. Федорова О.В. Формирование hard skills, soft skills и digital skills у студентов факультета информационных технологий УВО «Университет управления «ТИСБИ» // Образовательные технологии и общество. 2018. Т. 21. № 2. С. 335-340.
10. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М.: «МПЦИ», 2004. 600 с.
11. Bagiyani A.Y., Nersesyan G.R. UPWARD. Student's book with answers. A Guide to Effective Professional Communication. Kazan: Book, 2019. 158 p.

References

1. Bagiyani, A.Yu., Shiryayeva, T.A. Metodika kontseptual'nogo lingvoproektirovaniia professional'noy identichnosti: podkhody k razrabotke, sushchnost' i perspektivy [Developing the method of conceptual linguistic engineering of professional identity: approaches, essence, prospects] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Iazykoznanie*. 2018. Vol. 17. № 4. P. 214–228.
2. Brink, I.Yu., Saveleva, N.A. *Biznes-plan predpriiatiia. Teoriia i praktika* [Business plan of the enterprise. Theory and practice]. Rostov n/D: «Feniks», 2007. 384 p.
3. Gal'skova, N.D., Bartosh, D.K. Monitoring kachestva iazykovogo obrazovaniia na sovremennom etape razvitiia shkoly [Monitoring the quality of language education at the modern stage of school development] // *Inostrannye iazyki v shkole*. 2016. № 9. P. 2-8.
4. Karaulov, Yu.N. *Russkiy iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and language personality]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 p.
5. Myskin, S.V. Iazykovaya professional'naia lichnost' [Linguistic professional personality] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. № 12 (30). Ch. I. P. 150-157.
6. Paleev, A.V. Nauchnaia paradigma formirovaniia biznes-plana, osobennosti investitsionnogo biznes-planirovaniia [Scientific paradigm of business plan formation, features of investment business planning] // *Finansovye issledovaniia*. 2013. № 4 (41). P. 64-72.
7. Safonova, V.V. Aktual'nye problemy metodicheskogo analiza kachestva uchebnoy literatury na inostrannom iazyke [Topical problems of methodological analysis of the quality of educational literature in a foreign language] // *Inostrannye iazyki v shkole*. 2016. № 10. P. 2-12.
8. Fadeeva, O.A. Proektirovanie diskursa vysshego obrazovaniia kak sredstva formirovaniia professional'noy identichnosti [Designing the discourse of higher education as a means of forming a professional identity] // *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*. 2017. № 1 (21). P. 131-135.
9. Fedorova, O.V. Formirovanie hard skills, soft skills i digital skills u studentov fakul'teta informatsionnykh tekhnologiy UVO «Universitet upravleniia «TISBI»» [Formation of hard skills, soft skills and digital skills with students of the Faculty of Information Technology of the TISBI University of Management] // *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 2018. Vol. 21. № 2. P. 335-340.
10. Shneyder, L.B. *Professional'naia identichnost': teoriia, eksperiment, trening* [Professional identity: theory, experiment, training]. M.: «MPSI», 2004. 600 p.
11. Bagiyani, A.Y., Nersesyan, G.R. UPWARD. Student's book with answers. A Guide to Effective Professional Communication. Kazan: Book, 2019. 158 p.

Сведения об авторах:

Багиян Александр Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (Россия, Пятигорск). Сфера научных и профессиональных интересов: теория дискурса, лингвопроектирование, профессиональная идентичность, прагматика, лингводидактика. E-mail: alexander.0506@mail.ru

Ширяева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (Россия, Пятигорск). Сфера научных и профессиональных интересов: теория дискурса, прагмалингвистика, лингвоаксиология, современные методы преподавания иностранных языков и культур. E-mail: shiryaevat@list.ru

About the authors:

Alexander Y. Bagiyany – PhD, Assistant Professor of Department of the English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia). Spheres of research and professional interest: discourse theory, linguistic engineering, professional identity, pragmatics, linguodidactics. E-mail: alexander.0506@mail.ru

Tatyana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Head of Department of the English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia). Spheres of research and professional interest: discourse theory, pragmalinguistics, axiological linguistics, modern methods of teaching foreign languages and cultures. E-mail: shiryaevat@list.ru

* * *

COMPARATIVE APPROACH IN TEACHING GERMAN AS THE SECOND AND CZECH AS THE FIRST FOREIGN LANGUAGE: THE CASE OF PREPOSITIONAL GOVERNMENT OF VERBS

M.A. Yelizaryeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia,
Russian State University for the Humanities,
6, Miuskaya Square, Moscow, GSP-3, 125993, Russia

I.V. Alexandrova

Russian State University for the Humanities,
6, Miuskaya Square, Moscow, GSP-3, Moscow, 125993, Russia

Abstract. *The article focuses on the comparative approach in teaching German as the second foreign language simultaneously with Czech as the first foreign language at the Russian State University for the Humanities. The bachelor program “Slavistics and Central European studies: languages, culture and literature of the Czech Republic and Austria” at the RSUH has some unique features: from the first year of this program students learn simultaneously two foreign languages: Czech as the first foreign language and German as the second one, therefore, they often make mistakes in German due to the influence of their mother tongue, Russian, as well as English, learned at school, and Czech. If the teacher of German has a good command of the Czech language, he or she can use some similarities between German and Czech that have appeared due to their long-term language contact and convergent evolution. The prepositional government of some Czech and German verbs is one of these similarities that distinguish them from the Russian language. And many mistakes are made by students in their target languages due to the verbal government of Russian. But with that said this language transfer could be avoided or reduced if we show that plenty of German and Czech verbs have analogous verb government. In order to check this statement, we have made a set of exercises (substitution drill and translation “Czech – German”, “German – Czech”, “Russian – Czech, German”), which contained four couples of German and Czech verbs with prepositional government. The testing of these exercises on seven second-year-students of the RSUH has shown that such exercises could help students to focus on Czech-German grammatical similarities and reduce the influence of the Russian language.*

Key Words: *German language, Czech language, the second foreign language, verb government, prepositional government, language interference, comparative method, German-Czech language contact*

For citation: Yelizaryeva M.A., Alexandrova I.V., 2021. Comparative Approach in Teaching German as the Second and Czech as the First Foreign Language: the Case of Prepositional Government of Verbs. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 130–139. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-130-139>

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ НА БАЗЕ ЧЕШСКОГО КАК ПЕРВОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДЛОЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ)

М.А. Елизарьева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп.6

И.В. Александрова

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп.6

Аннотация. В статье рассматривается опыт использования сравнительно-сопоставительного метода при обучении немецкому как второму иностранному языку на базе чешского как первого иностранного языка.

Преподавание немецкого как второго иностранного языка бакалаврам, обучающимся в РГГУ по специальности «Зарубежная филология (славистика: языки, литература, культура Чехии и Австрии)» имеет свою специфику: студенты с первого курса параллельно изучают два новых иностранных языка (чешский как первый и немецкий как второй) и подвержены интерференции не только со стороны родного русского, но и со стороны иностранных языков (английского и с чешского).

Если преподаватель немецкого языка владеет чешским, он может опираться на сходства данных языков, обусловленные их длительным языковым контактом и конвергентным развитием. Одинаковое предложное управление ряда немецких и чешских глаголов является одним из примеров такого сходства, что отличает их от глаголов русского языка. При изучении предложного управления немецких глаголов интерференция со стороны русского языка встречается часто, но её можно снять или предупредить, если обратить внимание учащихся на то, что у эквивалентных чешских глаголов такое же управление. Доказывают это результаты проведённого эксперимента.

Для экспериментальной группы были разработаны задания подстановочного и переводного типа, содержащие четыре пары подобных глаголов. Из двух студентов, не присутствовавших на занятиях, в ходе которых выполнялись данные упражнения, была образована контрольная группа. Апробация в рамках практического занятия по немецкому языку продемонстрировала, что выполнение подобных упражнений помогает снять у славистов интерференцию с русского и учит их видеть грамматические сходства немецкого и чешского языков. Выполнение контрольных упражнений, предложенных студентам экспериментальной и контрольной группы, показало, что студенты контрольной группы допустили 8-9 ошибок на управление (из 15 возможных), а из экспериментальной – от 0 до 4. Таким образом, заявленный в статье сравнительно-сопоставительный метод можно считать оправдывающим себя.

Ключевые слова: немецкий язык, немецкий как второй иностранный, чешский язык, глагольное управление, предложное управление, интерференция, сравнительно-сопоставительный подход, немецко-чешский языковой контакт

Для цитирования: Елизарьева М.А., Александрова И.В., 2021. Сравнительно-сопоставительный подход при обучении немецкому языку как второму иностранному на базе чешского как первого иностранного языка (на примере предложного управления глаголов). *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 130–139. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-130-139>

Введение

При изучении немецкого языка как иностранного глагольное управление вызывает у носителей русского языка затруднения, поскольку управление немецких и русских глаголов зачастую не совпадает. В таком случае у изучающих язык может наблюдаться грамматическая интерференция, под которой принято понимать «замену системы грамматических признаков изучаемого языка другой, построенной под влиянием системы грамматических признаков родного языка» [2, с. 309].

Для языковой пары «русский – немецкий» есть четыре вида различий в глагольном управлении: 1) разное беспредложное управление (рус. *благодарить кого-л. В.п.* и нем. *j-m Dat danken*); 2) предложное управление в одном языке и беспредложное в другом (рус. *знакомиться с кем-л. Т.п.* и нем. *j-n Akk kennenlernen*); 3) глагол одного языка имеет в другом языке два разных эквивалента с разным управлением (рус. *слушать кого-л., что-л. В.п.* и нем. *sich etw. Akk anhören, j-m Dat zuhören*), и, наконец, 4) эквивалентные немецкие и русские глаголы могут иметь разное предложное управление (рус. *участвовать в чём-л. П.п.* и нем. *an etw Dat teilnehmen*) [1, с. 92-94]. Как отмечает Е.В. Брискина, «случаи интерференции при реализации немецкого глагольного управления носителями русского языка наблюдаются, главным образом, при построении предложений, содержащих глаголы с предложным управлением» [там же, с. 94].

Ошибки в управлении немецких глаголов встречаются и у филологов-славистов, изучающих в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) немецкий как второй иностранный и чешский как первый иностранный язык. Для устранения данной грамматической интерференции было принято решение разработать комплекс упражнений, основанных на сопоставлении немецкого, чешского и русского языков¹. В практике преподавания немецкого языка как второго иностранного сопоставление с близкородственным английским является частой практикой, в нашем же случае сравнение с чешским языком объясняется тем, что в нём есть достаточно большое количество глаголов, управление которых совпадает с управлением немецких эквивалентов, но отличается от русских аналогов, особенно это касается глаголов, изучаемых на уровне А1-А2.

Нами была поставлена цель создать комплекс заданий, направленных на успешное усвоение предложного управления немецких глаголов русскоязычными студентами, изучающими немецкий в качестве второго иностранного и чешский в качестве первого иностранного языка. Ввиду того, что обучение данной языковой комбинации в России редкость, среди русскоязычных пособий по изучению немецкого отсутствуют разработки, в которых использовалось бы сопоставление немецкого и чешского языков.

Новизна описываемого в статье эксперимента заключается в том, что впервые при преподавании русскоязычным студентам немецкого языка в качестве второго (а именно – при знакомстве с предложным управлением глаголов) предлагается использовать перенос знаний, полученных студентами при изучении чешского языка как первого иностранного ввиду того, что чешский и немецкий языки обладают определёнными лексическими и грамматическими сходствами, на которые можно опираться в практике преподавания обоих языков. Выполнение заданий, осно-

¹ В рамках курсовой работы Александровой И.В.

ванных на сопоставлении немецкого и чешского, научит студентов, изучающих данные языки, самостоятельно находить их сходства и различия и использовать их как при изучении языков, так и при коммуникации на них и переводе с одного на другой.

Объект исследования – процесс обучения русскоязычных студентов глагольному управлению на основе сравнительно-сопоставительного подхода в условиях изучения чешского языка как первого иностранного и немецкого как второго иностранного языка.

Предмет исследования – способ преодоления грамматической интерференции в глагольном управлении на основе сравнительно-сопоставительного подхода в условиях изучения чешского языка как первого иностранного и немецкого как второго иностранного языка.

Материалом для упражнений послужили четыре частотных глагола немецкого и чешского языка (уровень А1-А2) с одинаковым управлением, отличающимся от управления в русском языке: *denken an Akk* – чеш. *myslet na Akk* (думать о П.п.); нем. *warten auf Akk.* – чеш. *čekat na Akk* (ждать В.п.); *sich freuen über Akk/sich freuen auf Akk* – *těšit se z Gen/ těšit se na Akk* (радоваться Д.п.); *gratulieren Dat zu Dat* – *blahopřát Dat k Dat* (поздравлять В.п., с Т.п.).

В ходе работы использовались следующие методы: анализ литературы, отбор языкового материала, сравнительно-сопоставительный метод, а также экспериментальный метод (апробация).

Особенности преподавания немецкого как второго иностранного языка на базе чешского как первого иностранного языка: роль сравнительно-сопоставительного подхода

Кафедра славистики и центральноевропейских исследований РГГУ осуществляет подготовку бакалавров по программе «Зарубежная филология (славистика: языки, литература, культура Чехии и Австрии)», которая предусматривает изучение чешского как первого иностранного и немецкого как второго иностранного языка. Оба языка преподаются с первого семестра с уровня А1, чешский – в объёме 10 академических часов в неделю, немецкий – в объёме 6 академических часов в неделю.

Данная языковая комбинация делает образовательную программу уникальной, а для изучения немецкого языка как второго иностранного имеет как преимущества, так и недостатки. Основная сложность для студентов заключается в том, что они с нуля начинают сразу изучать два иностранных языка, относящихся к разным группам – к славянской и германской, при этом они в той или иной степени также владеют английским, знание которого необходимо для поступления на данную специальность. В связи с этим, при изучении немецкого как второго иностранного проявляется интерференция не только со стороны русского, но также со стороны английского, а после пары месяцев обучения ещё и со стороны чешского языка.

В отечественной литературе, посвящённой обучению немецкому как второму иностранному, неоднократно указывалось на то, что проведение параллелей с английским языком производит положительный эффект, так как немецкий и английский, будучи родственными языками, обладают сходством, как в лексике, так и в грамматике [5; 7; 3; 4]. Большую роль при этом играет перенос – «положительное влияние навыков и умений в родном и первом иностранном языке» [3, с. 144].

В нашем случае (при обучении славистов) сопоставление с английским также имеет смысл при объяснении таких базовых грамматических тем, как склонение глагола *sein*, степени сравнения прилагательных, образование форм прошедшего времени и т.д., а также при изучении лексики. Тем не менее, уже в первом семестре изучения немецкого языка в качестве источника для переноса может служить и чешский, поскольку между этими двумя языками гораздо больше сходства, чем кажется на первый взгляд.

Чешский и немецкий язык на протяжении нескольких столетий находились в тесном контакте, и немецкий язык оказал на чешский заметное влияние на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровне [10; 14; 15; 16]. Кроме того, эти языки обладают рядом структурных черт, характерных для языков Центральной Европы (фиксированное ударение на первом слоге, оппозиция гласных по долготе/краткости, ограниченность противопоставления согласных по твёрдости/мягкости, наличие системы падежей у имён, развитие аналитических форм будущего

времени, образуемых при помощи вспомогательного глагола с первоначальным значением становления) [9]. В практике преподавания немецкого языка параллельно с чешским могут быть использованы следующие сходства данных языков:

- немецкие заимствования в чешском языке (ср. чеш. *kufr* и нем. *Koffer* ‘чемодан’, чеш. *brýle* и нем. *Brille* ‘очки’, чеш. *kravata* и нем. *Krawatte* ‘галстук’);
- немецкие лексические кальки в чешском (ср. чеш. *odpoledne, dopoledne* и нем. *Vormittag, Nachmittag* ‘первая половина дня’, ‘вторая половина дня’, чеш. *výlet* и нем. *Ausflug* ‘экскурсия, загородная прогулка’);
- полисеманты с одинаковым или схожим набором значений (ср. чеш. *čtvrť* и нем. *Viertel* ‘четверть’ и ‘квартал’, чеш. *věc* и нем. *Sache* ‘вещь’ и ‘дело’, чеш. *smůla* и нем. *Pech* ‘смола’ и ‘невезение’, чеш. *chutnat* и нем. *schmecken* – ‘быть вкусным’, ‘нравиться’ (о еде));
- фразеологизмы, одинаковые по форме и значению (ср. чеш. *dát komu košem* – нем. *j-m einen Korb geben* (ответить отказом в ответ на предложение руки), чеш. *zapsat si něco za uši* – нем. *sich Dat etw. Akk hinter die Ohren schreiben* (зарубить на носу, намотать на ус));
- формы образования двузначных числительных (сначала вербализуются единицы, потом десятки, например, чеш. *pětatřicet* и нем. *fünfunddreißig*), но в чешском эта форма существует параллельно с привычной для славянских языков формой, в которой сначала называются десятки, потом единицы);
- глаголы с возвратными частицами в дательном падеже (ср. чеш. *poslouchat si něco* и нем. *sich Dat etw. Akk anhören* ‘слушать что-л.’, чеш. *prohlédnout si něco* и нем. *sich Dat etw. Akk ansehen* ‘посмотреть что-л.’, чеш. *mýt si ruce* и нем. *sich Dat die Hände waschen* ‘мыть руки’, чеш. *čistit si zuby* и нем. *sich Dat die Zähne putzen* ‘чистить зубы’).

Акцентирование внимания на общих для чешского и немецкого языков аспектах, отличающих эти языки от русского, должно упрощать адаптацию студента к новым языковым системам и хотя бы частично снимать интерференцию с русским, которая неизбежна как минимум на начальных этапах изучения языка, при этом, естественно, предполагается, что преподаватель немецкого языка также владеет и чешским. На целесообразность данного подхода при обучении русскоязычных богемистов немецкому как второму иностранному языку уже указывалось [13].

В грамматике общим для немецкого и чешского языков является управление ряда эквивалентных глаголов. Несмотря на близкое родство чешского и русского языков, предложное управление в чешском и немецком языке часто бывает одинаковым, отличаясь при этом от управления аналогичного глагола в русском языке. Чешский лингвист С. Жажа приводит следующие примеры: чеш. *čekat na něco Akk* – нем. *warten auf etw. Akk* – рус. *ждать кого-л., чего-л. В.п.*; чеш. *vzpomínat na něco Akk* – нем. *an etw. Akk erinnern* – рус. *вспоминать о чём-л. П.п.*; чеш. *připravovat se na něco Akk* – нем. *sich auf etw. Akk vorbereiten* – рус. *готовиться к чему-л. Д.п.*; чеш. *zvyknout si na něco Akk* – нем. *sich an etw. Akk gewöhnen* – рус. *привыкать к чему-л. Д.п.*; чеш. *bolet někomu Dat* – нем. *schmerzen j-m Dat* – рус. *у кого-л. Р.п. болеть*; чеш. *hrát něco Akk* – нем. *etw. Akk spielen* – рус. *играть во что-л. В.п.*; чеш. *myslet na něco Akk* – нем. *an etwas Akk denken* – рус. *думать о ком-л., о чём-л. П.п.*; чеш. *ptát se po někom Lok* – нем. *nach j-m Dat fragen* – рус. *спрашивать о ком-л. П.п.* [6].

Другой чешский лингвист, О. Блага, указывает на такие глаголы как нем. *arbeiten an etwas* – чеш. *pracovat na něčem* – рус. *работать над чем-л.*; нем. *kommen auf etwas* – чеш. *přijít na něco* – рус. *узнать, найти что-л.*, нем. *rechnen mit jemandem/etwas* – чеш. *počítat s někým/něčím* – рус. *рассчитывать на кого-л., что-л.*, нем. *benennen nach jemandem* – чеш. *pojmenovat po kom* – рус. *называть что/кого-л. в честь кого-л.*, нем. *warnen vor jemandem/etwas* – чеш. *varovat před kým/čím* – рус. *предостерегать кого от кого/чего*). Кроме того, О. Блага считает, что часть таких глаголов в чешском представляет собой кальку с немецкого, например: нем. *sich auskennen in etwas* – чеш. *vyznat se v čem* – рус. *разбираться в чём-л.*, нем. *sich begeistern für jemanden/etwas* – чеш. *nadchnout se pro někoho/něco* – рус. *прийти в восторг от чего-л.* [11, с. 157].

Этот ряд аналогий можно продолжить, в связи с чем представляется разумным дидактизировать сходства предложного управления в немецком и чешском языках и использовать их при изучении глагольного управления в немецком языке.

Разработка и апробация упражнений на предложное управление глаголов с использованием сравнительно-сопоставительного подхода

В качестве материала были выбраны четыре частотных глагола, принадлежащих к лексике уровней А1-А2:

1. *denken an* Akk – *myslet na* Akk – думать о П.п;
2. *warten auf* Akk. – *čekat na* Akk. – ждать + Akk;
3. *sich freuen über* Akk/*sich freuen auf* Akk – *těšit se z* Gen/ *těšit se na* Akk – радоваться + Д.п;
4. *gratulieren* Dat zu Dat – *blahopřát* Dat k Dat – поздравлять + В.п. с Т.п.

На момент составления и апробации заданий управление данных глаголов, как чешских, так и немецких, студентам уже было известно, но управление немецких глаголов всё равно вызывало трудности из-за интерференции со стороны русского языка.

Поскольку данный комплекс упражнений разрабатывался в рамках дисциплины «Практический курс второго иностранного языка (немецкий язык)», дополнительно также ставилась задача повторить активную лексику и грамматику, пройденную за второй год обучения.

На каждую пару глаголов предусмотрено четыре упражнения. Первое вводное задание одноязычное и представляет собой упражнение подстановочного типа: поставить предложенное словосочетание в нужную форму, согласовав с управлением немецкого глагола. Этот тип деятельности направлен на повторение управления немецких глаголов.

Второе и третье задания представляют собой переводные упражнения. Здесь студентам предлагается перевести с чешского языка на немецкий и, наоборот, с немецкого языка на чешский предложения, содержащие отобранные глаголы с предложным управлением. Данные задания должны научить студентов, во-первых, переключаться с одного иностранного языка на другой, не прибегая к помощи русского языка, а, во-вторых, видеть сходство в предложном управлении глаголов. Для студентов данной группы это был не первый опыт перевода с немецкого языка на чешский и с чешского на немецкий, поскольку формированию переводческой компетенции со второго семестра отводится около 30 минут в неделю в рамках практических занятий по немецкому языку. Недаром российский и американский Р. Якобсон отмечал, что русскому, который владеет чешским и немецким, проще переводить с одного из этих языков на другой, чем с этих языков на русский и, наоборот, с русского на них («*Rusovi, který ovládá češtinu a němčinu, je snadnější překládat z jednoho z těchto jazyků do druhého, než z těchto jazyků do ruštiny či naopak*») [11, с. 157].

В четвёртом задании необходимо перевести приведённые на русском языке предложения, как на немецкий язык, так и на чешский, что позволяет студентам самостоятельно провести параллель между языками и запомнить грамматические моменты, которые отличают оба этих языка от русского.

Ниже приводится пример заданий на пару глаголов *sich freuen über* Akk / *auf* Akk – *těšit se z* Gen/ *na* Akk – радоваться + Д.п.

1. Setzen Sie die Vokabeln in Klammern in der richtigen Form ein und füllen Sie die Lücken:

1) *Ich freue mich (der warme Sommer), weil meine Eltern und ich ans Meer fahren werden.* 2) *Als Christine als Verkäuferin arbeitete, freute sie sich (höfliche Kunden).* 3) *Elias hat Riesenspaß am Computer, er freut sich (diese tolle Zeit), wo er sein Studium an Technischen Universität beginnen wird.* 4) *Das Geburtstagskind freut sich sehr (der Blumenstrauß), den die Gäste ihm geschenkt haben.* 5) *Der Affe freute sich (die leckere Banane), die meine Nichte ihm gab.*

2. Übersetzen Sie ins Deutsche:

1) *Přítel mého mladšího bratra má dnes narozeniny, proto jsme mu včera celý den vybírali dárek, a teď oslavenec se těší z velkého plyšového medvěda, kterého jsme mu dali.* 2) *Naši spolužáci jsou jisté, Marie je do něho zamilovaná, těší se z jeho hloupých vtipů a vždycky se směje.* 3) *Proč se Ondřej netěší z té nové práce, kterou včera dostal?* 4) *Zuzka ví, že jsi rád sám a vždy se těšíš na ty klidné chvíle života.* 5) *Proč se těšíš z této strašné situace?*

3. Übersetzen Sie ins Tschechische:

1) *Alle KollegInnen freuen sich über den frühen Feierabend.* 2) *Da die Temperatur heute 25 Grad ist, freuen sich alle über das schöne sonnige Wetter.* 3) *Die Schwester von Markus heiratet nächste Woche und*

freut sich sehr auf die Hochzeit. 4) Mein Bruder freute sich über das tolle Spielzeugauto, das unsere Eltern ihm schenkten. 5) Als Dieter noch klein war, freute er sich sehr auf den ersten Tag in der Schule.

4. Übersetzen Sie ins Deutsche und ins Tschechische:

1) Дети всегда с нетерпением ждут долгих зимних каникул. 2) Я с нетерпением буду ждать нашей следующей встречи. 3) Бабушка радуется ярким цветам, которые растут у неё в саду. 4) Когда вы, ребята, были маленькими, вы всегда радовались первому снегу. 5) Ангелика всё ещё радуется новой чёрной юбке, которую она купила неделю назад.

Разработанный комплекс упражнений был предложен для выполнения семи русскоязычным студентам второго курса, обучающимся по программе «Зарубежная филология (славистика: языки, литература, культура Чехии и Австрии)» и изучающим немецкий язык по учебно-методическому комплексу „Im Klartext“ [8; 12]. Поскольку двое студентов отсутствовали на занятиях, во время которых остальная группа выполняла данные задания, было решено сделать их контрольной группой.

В ходе апробации было выявлено несколько трудностей. В начале каждого блока упражнений студенты пытались перенести управление русских глаголов на чешские и немецкие эквиваленты, однако после нескольких выполненных примеров эта интерференция больше не наблюдалась. Также вызвало затруднение переключение между двумя иностранными языками и использование некоторой лексики, которая уже была пройдена в предыдущих семестрах. Наиболее сложной для студентов оказалась пара нем. *sich freuen über Akk/sich freuen auf Akk* – чеш. *těšit se z Gen/těšit se na Akk*, что объясняется наличием двух разных управлений в чешском и немецком языках, выражающих различный смысл: немецкий предлог *über* и чешский предлог *z* используются для того, чтобы показать, что субъект радуется чему-то состоявшемуся в прошлом или присутствующему сейчас, в то время как немецкий предлог *auf* и чешский предлог *na* показывают, что субъект предвкушает что-то, что состоится в будущем. Управление русского глагола *радоваться* таких нюансов не имеет.

К концу каждого блока упражнений студенты справлялись с заданиями практически без ошибок в управлении, наблюдалась положительная динамика, кроме того, задания помогли вспомнить ранее изученный материал. Тем не менее, отдельные предложения вызвали трудности, из чего был сделан вывод, что они нуждаются в доработке. Некоторые же, наоборот, были выполнены быстро, поэтому лексика, используемая в упражнениях, может быть усложнена. В целом, составленный комплекс упражнений соответствовал уровню владения и немецким, и чешским языком.

Спустя некоторое время после проработки описанных выше заданий всем девяти студентам были даны контрольные упражнения, аналогичные по структуре, но содержащие все глаголы вперемешку:

1 Ergänzen Sie die Sätze.

1. Warum denkst du _____ (dein Kollege) nicht? Er ist krank und du willst ihm nicht helfen. 2. Als die Passagiere _____ (die Abfahrt des Zuges) warteten, lasen sie Zeitungen oder plauderten. 3. Helga ist auf mich immer noch böse, obwohl ich _____ (sie, der Geburtstag) gratulierte und einen Blumenstrauß schenkte. 4. Niemand freut sich _____ (die Corona-Pandemie), denn viele Menschen sind daran gestorben. 5. Die Gastgeber sind schon müde, trotzdem freuen sie sich _____ (der Besuch).

2. Übersetzen Sie aus dem Tschechischen ins Deutsche.

1. Kateřina čekala na vlak celé dvě hodiny, protože včera celý den silně sněžilo. 2. Tomáš je velmi žádaný odborník: vždy myslí na přání svých klientů. 3. Celá rodina se shromáždila, aby blahopřála Michaelovi a Anně k narození dítěte. 4. Když byly moje děti malé, vždycky se těšily na dárky, když jsem se vracel ze služebních cest. 5. Nedávno si moji rodiče koupili byt a stále se těší z tohoto nákupu.

3. Übersetzen Sie aus dem Russischen ins Deutsche.

1. Родители всегда думают о своих детях и заботятся о них. 2. Если ты всё ещё ждёшь друзей, позвони им. 3. Когда осенью плохая погода, все с нетерпением ждут (предвкушают) бабье лето. 4. Гости поздравили близнецов с днём рождения. 5. Студенты всегда радуются хорошим оценкам.

Проверка тестовых работ показала, что студенты из контрольной группы справились с заданием хуже, чем студенты, проработавшие экспериментальные упражнения: в контрольной группе было допущено 8 и 9 ошибок из возможных 15 употреблений предложного управления, в то время как остальные студенты допустили от 0 до 4 ошибок.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что поставленная цель была достигнута: разработанный комплекс заданий позволяет снять у русскоязычных студентов-богемистов интерференцию при изучении глагольного управления в немецком и чешском языке, а также помогает обратить внимание учащихся на языковые моменты, которые отличают русский от двух данных языков. Представляется перспективной разработка аналогичных комплексов упражнений для закрепления управления и других немецких и чешских глаголов, а также, возможно, иных грамматических и лексических тем.

Заключение

Сравнительно-сопоставительный подход, зачастую применяемый при обучении русскоязычных студентов немецкому как второму иностранному языку на базе английского как первого иностранного, может использоваться и тогда, когда в качестве первого языка студенты изучают в вузе не английский, а, как, например, в нашем случае, чешский. Если преподаватель немецкого языка владеет чешским, он может указать учащимся на схожие черты в лексике (заимствования, кальки, одинаковые фразеологизмы), а также на некоторые грамматические параллели, например, одинаковое предложное управление глаголов. Особенно стоит акцентировать внимание студентов на специфику немецкого и чешского языков в отличие от русского языка – это поможет если не предотвратить, то хотя бы частично снять интерференцию со стороны родного языка. То же самое может делать и преподаватель чешского языка, владеющий немецким (что представляет собой в России более распространённое явление), особенно если студенты уже учили немецкий в школе и могут использовать имеющиеся у них знания и навыки.

Если говорить о студентах кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ, то умение видеть сходство немецкого и чешского имеет для них не только практическое значение, но и расширяет их кругозор как славистов и специалистов по Центральной Европе.

© Елизарьева М.А., Александрова И.В., 2021

Список литературы

1. Брискина Е.В. Интерференция как источник трудностей при изучении глагольного управления (на примере русского и немецкого языков) / Е.В. Брискина // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции. Центр гуманитарной подготовки РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2019. С. 91-95.
2. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
3. Ефимова М.В. Грамматическая интерференция при обучении немецкому языку после английского / М.В. Ефимова // Ярославский педагогический вестник. 2017. №1. С. 144-149.
4. Иванова Б.Л. Активные методы и прогрессивные технологии при обучении немецкому языку как второму иностранному / Б.Л. Иванова, Н.А. Трофимова // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: материалы II Межвузовской науч.-практ. конф. 5-6 апреля 2018 г. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 425-431.
5. Игнатова М.Н. Условия преодоления грамматической интерференции в процессе изучения немецкого языка как второго иностранного на базе английского языка как первого иностранного / М.Н. Игнатова, Н.А. Тарасюк // Наука и Мир. Волгоград, 2014. № 12 (16), С. 107-110.
6. Жажа С. Историческое влияние немецкого языка на различия между русским и чешским языком / С. Жажа // *Litteraria humanitas. Crossroads of cultures*. Brno 2002. S. 53-74.
7. Креер М.Я. Некоторые вопросы преподавания второго иностранного языка в неязыковом вузе: немецкий после английского / М.Я. Креер, Е.Д. Пилипчук // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 132-137.
8. Принципалова О.В. *Im Klartext: Часть I. Уровень А1: Учебное пособие* / О.В. Принципалова, Н.Е. Меркиш, Т.П. Кирина; под ред. А.М. Ионовой. М.: Прометей, 2020. 224 с.

9. Скорвид С.С. Центральноевропейский языковой союз: границы и признаки в ретроспективном освещении / С.С. Скорвид // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, Институт филологии и истории, Кафедра славистики и центральноевропейских исследований, 2015. С. 30-39.
10. Berger T. Deutsche Einflüsse auf das grammatische System des Tschechischen / T. Berger // Deutsch-slawischer Sprachkontakt. Entlehnungen und sprachliche Identität (Hg. G. Hentschel). Frankfurt-am-Main: Manuskript, 2008. S. 57-69.
11. Bláha O. Jazyky střední Evropy / O. Bláha. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2015. 240 S.
12. Im Klartext: Часть I. Уровень А1: Рабочая тетрадь / М.С. Омельченко, О.С. Хосаинова, Ю.Э. Мюллер; под ред. А.М. Ионовой. М.: Прометей, 2020. 212 с.
13. Jelisarjewa M. Übersetzen und Dolmetschen Tschechisch-Deutsch. Zur Ausbildung von Bohemisten mit Deutsch als zweiter Fremdsprache an der Russischen Staatlichen Geisteswissenschaftlichen Universität Moskau / M. Jelisarjewa // Brünner Hefte zu DaF, 2019. Heft 1. S.34-42.
14. Jelínek M. Der Purismus in der Entwicklung der tschechischen Schriftsprache im 19. Und 20. Jahrhundert // Deutsch-tschechische Sprachbeziehungen. Germanismen, Personennamen, Ortsnamen. Regensburg: Roder Verlag, 2000. S. 9-64.
15. Newerkla S.M. Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch / S.M. Newerkla. Frankfurt-am-Main, Berlin, Oxford, Wien: Peter Lang Verlag, 2011. 780 S.
16. Reiter N. Deutsche Lehnübersetzungen im Tschechischen / N. Reiter. Berlin: Otto Harassowitz, 1953. 244 S.

References

1. Briskina, E.V. Interferentsiia kak istochnik trudnosti pri izuchenii glagol'nogo upravleniia (na primere russkogo i nemetskogo iazykov) [Interference as a source of difficulties by verb government acquisition (on case of Russian and German)] / E.V. Briskina // *Aktual'nye problemy obshchei teorii iazyka, perevoda, mezhkul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov* sbornik statei po materialam mezhr regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Tsentr gumanitarnoi podgotovki REU im. G. V. Plekhanova. 2019. S. 91-95.
2. Gaľskova, N.D. *Teoriia obucheniia inostrannym iazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of foreign language teaching. Linguistics and method] / N.D. Gaľskova, N.I. Gez. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademii», 2006. 336 s.
3. Efimova, M.V. Grammaticheskaiia interferentsiia pri obuchenii nemetskomu iazyku posle angliiskogo [Grammatical interference in teaching German after English] / M.V. Efimova // *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]* 2017. №1. S. 144-149
4. Ivanova, B.L. Aktivnye metody i progressivnye tekhnologii pri obuchenii nemetskomu iazyku kak vtoromu inostrannomu [Active methods and progressive technologies by acquisition of German as second foreign language] / B.L. Ivanova, N.A. Trofimova // *Traditsii i innovatsii v prepodavanii inostrannogo iazyka v neiazykovom vuze: materialy II Mezhvuzovskoi nauch.-prakt. konf. 5-6 apreliia 2018 g.* [Traditions and innovations in teaching a foreign language in the University: on the materials on the 11 international scientific and practical conference 5-6 April 2018] M.: MGIMO-Universitet, 2019. S. 425-431.
5. Ignatova, M.N. Usloviia preodoleniia grammaticheskoi interferentsii v protsesse izuchenii nemetskogo iazyka kak vtorogo inostrannogo na baze angliiskogo iazyka kak pervogo inostrannogo [Conditions of grammar interference avoidance in the process of learning several languages] / M.N. Ignatova, N.A. Tarasiuk // *Nauka i Mir [Science and World]*. Volgograd, 2014. № 12 (16), S. 107 -110.
6. Zhazha, S. Istoricheskoe vliianie nemetskogo iazyka na razlichii mezhdru russkim i cheshskim iazykam [Historical influence of German language on differences between Russian and Czech languages] / C. Zhazha // *Litteraria humanitas. Crossroads of cultures*. Brno 2002. S. 53-74.
7. Kreer, M.Ia. Nekotorye voprosy prepodavaniia vtorogo inostrannogo iazyka v neiazykovom vuze: nemetskii posle angliiskogo [The approaches to teaching second foreign language in non-linguistic higher institution: German after English] / M.Ia. Kreer, E.D. Pilipchuk // *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal [Baltic humanitarian journal]*. 2016. T. 5. № 3 (16). S. 132-137.
8. Printsipalova, O.V. *Im Klartext: Chast' I. Uroven' A1: Uchebnoe posobie* [In plain text: part 1, level A1: textbook] / O.V. Printsipalova, N.E. Merkish, T.P. Kirina; pod red. A.M. Ionovoi. M.: Prometei, 2020. 224 s.
9. Skorvid, S.S. Tsentral'noevropeiskii iazykovoi soiuz: granitsy i priznaki v retrospektivnom osveshchenii [Central European Sprachbund: boundaries and features – a retrospective view] / S.S. Skorvid // *Slaviane i Tsentral'naiia Evropa: iazyki, istoriia, kul'tura* [Slavs and Central Europe: languages, history, culture]. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Institut filologii i istorii, Kafedra slavistiki i tsentral'noevropeiskikh issledovaniia, 2015. S. 30-39.
10. Berger, T. Deutsche Einflüsse auf das grammatische System des Tschechischen / T.Berger // *Deutsch-slawischer Sprachkontakt. Entlehnungen und sprachliche Identität* (Hg. G. Hentschel). Frankfurt-am-Main: Manuskript, 2008. S. 57-69.
11. Bláha, O. *Jazyky střední Evropy* / O. Bláha. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2015. 240 S.
12. *Im Klartext: Chast' I. Uroven' A1: Rabochaia tetrad'* / M.S. Omel'chenko, O.S. Khosainova, Iu.E. Miuller; pod red. A.M. Ionovoi. M.: Prometei, 2020. 212 s.
13. Jelisarjewa, M. Übersetzen und Dolmetschen Tschechisch-Deutsch. Zur Ausbildung von Bohemisten mit Deutsch als zweiter Fremdsprache an der Russischen Staatlichen Geisteswissenschaftlichen Universität Moskau / M. Jelisarjewa // *Brünner Hefte zu DaF*, 2019. Heft 1. S.34-42.
14. Newerkla, S. *Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch* / S.M. Newerkla. Frankfurt-am-Main, Berlin, Oxford, Wien: Peter Lang Verlag, 2011. 780 S.
15. Reiter, N. *Deutsche Lehnübersetzungen im Tschechischen* / N. Reiter. Berlin: Otto Harassowitz, 1953. 244 S.

Сведения об авторах:

Елизарьева Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва), старший преподаватель кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: языковые контакты, центральноевропейский языковой союз, немецкий язык, чешский язык, семантика, политический дискурс Германии. E-mail: marycreek@mail.ru

Александрова Ирина Вадимовна – студентка 3 курса факультета филологии и истории РГГУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: чешский язык, немецкий язык, преподавание иностранных языков. E-mail: blue-penguin@mail.ru

About the authors:

Maria A. Yelizaryeva – PhD in Philology, Senior Teacher of Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia), Senior Teacher of the Department of Slavonic and Central European Studies, the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: language contacts, Central European Sprachbund, Czech language, German language semantics. E-mail: marycreek@mail.ru

Irina V. Alexandrova – a third-year student of the Russian State University for the Humanities on the program “Slavistics and Central European studies: languages, culture and literature of the Czech Republic and Austria”. Spheres of research and professional interest: the German language, the Czech language, foreign language teaching. E-mail: blue-penguin@mail.ru

* * *

TO THE QUESTION OF LINGUOCOGNITIVE QUALIFICATION OF FOLK RIDDLES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND AZERBAIJAN LANGUAGES)

V. N. Mamedova

Baku Slavic University
33 Suleyman Rustam St., Baku AZ 1014, Azerbaijan

Abstract. *In the presented article, folk riddles are subjected to linguocognitive analysis. Riddles have traditionally been studied either in literary or in a purely linguistic (structural and semantic) aspects, which turn out to be weak in terms of revealing the entire system of explicated and implicit patterns of architectonics of a not so voluminous, but rather complex linguistic and ethnocultural mechanism of folk riddles. Based on the current situation, we considered it necessary to illuminate the named units in the aspect of their linguocognitive comprehension in the space of a comparative typology – on the material of unrelated languages. Due to the limited possibilities of communication, we focused only on the main parameters of the linguocognitive analysis of riddles – the properties of anthropocentricity, conceptual base and internal form.*

Riddles are anthropocentric through and through, their conceptual base, as a rule, is associated with the disclosure of objects and phenomena precisely in their conceptual hypostasis: answers are always nominations of concepts, and not the names of objects and phenomena in their dictionary sense.

The analytic-synthetic structure of riddles, more than any other linguistic unit, reveals the deep connections of language with the creative thinking of the speaking subject, most clearly explicates the so-called internal form of the linguistic unit, conditioned by the “national spirit of the ethnos”.

The analysis once again confirms the need for a systemic linguo-cognitive understanding of the named units of the small genre of folklore, especially in its typological implementation.

Key Words: *folk riddles, linguocognitive aspect of folk riddles, anthropocentricity of riddles, conceptual base of riddles, internal form of folk riddles*

For citation: V.N. Mamedova, 2021. To the Question of Linguocognitive Qualification of Folk Riddles (on the Material of Russian and Azerbaijan Languages). *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 140–147. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В.Н. Мамедова

Бакинский славянский университет
AZ 1014 Баку, Азербайджан, ул. Сулеймана Рустама, 33

Аннотация. В представленной статье лингвокогнитивному анализу подвергаются народные загадки. Загадки традиционно изучались либо в литературоведческом, либо в сугубо лингвистическом (структурно-семантическом) аспектах, которые оказываются малоэффективными в плане выявления всей системы эксплицированных и имплицитных закономерностей архитектоники не столь объёмного, но достаточно сложного лингвоэтнокультурного механизма народных загадок. Исходя из сложившегося положения, мы сочли необходимым осветить названные единицы в аспекте их лингвокогнитивного осмысления в пространстве сопоставительной типологии – на материале неродственных языков. По причине ограниченности возможностей сообщения мы сосредоточили внимание лишь на основных параметрах лингвокогнитивного анализа загадок – на рассмотрении свойств антропоцентричности, концептной базы и внутренней формы.

Загадки наскавозь антропоцентричны, их концептная база, как правило, связана с обнародованием предметов и явлений именно в их концептной ипостаси: отгадки всегда являются номинациями концептов, а не именами предметов и явлений в их словарном понимании.

Аналитико-синтетическая структура загадок более, чем любая другая языковая единица, обнаруживает глубинные связи языка с творческим мышлением говорящего субъекта, ярче всего эксплицирует так называемую внутреннюю форму языковой единицы, обусловленную «национальным духом этноса».

Проведённый анализ ещё раз подтверждает необходимость системного лингво-когнитивного осмысления названных единиц малого жанра фольклора – особенно в его типологическом выполнении.

Ключевые слова: народные загадки, лингвокогнитивный аспект народных загадок, антропоцентричность загадок, концептная база загадок, внутренняя форма народных загадок

Для цитирования: В.Н. Мамедова, 2021. К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков). *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 140–147. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>

Народные загадки представляют собой оптимальный и добротнейший материал для лингвокогнитивного анализа, поскольку эти единицы, как в плане структуризации, так и в плане смысловой соотнесённости с реалиями проявляют достаточно яркие особенности, иллюстрирующие мирозозидающий потенциал человеческого мышления, безусловную антропоцентричность языка – речи в её национально-этническом понимании.

1. Вводные замечания

Попытка изучения загадок в когнитивном (шире – лингвокогнитивном) срезе – не дань уважения современной лингвистической моде, которая «во многом определяет лицо современной мировой лингвистической науки» [6, с. 3], а определённая теоретическая необходимость квалификации целого корпуса языковых, поэтико-художественных единиц.

Понятно, что ни структурные, ни семантико-функциональные, ни прагматические, ни поэтико-символические, ни даже лингвopsихологические аспекты в отдельности не в состоянии выявлять всю систему видимых (эксплицированных) и невидимых (имплицированных) закономерностей структурирования не столь объёмного, но достаточно сложного лингвоэтнокультурного механизма загадок.

Если когнитивный анализ ориентирован прежде всего на исследование «ментальных процессов, происходящих при восприятии, осмыслении», то есть познании действительности сознанием [5, с. 12], то для такого изучения фонд народных загадок, на наш взгляд, является предельно оптимальным материалом: в ментальности загадок представлена информация не только о том, что и как думает загадывающий, как он манипулирует своими знаниями картины мира (этот процесс можно наблюдать и в речевой деятельности субъекта обычной речи), но и о том, как реагирует отгадывающий на информацию собеседника, требующего реакции. Иначе говоря, в этой вопросо-ответной цепи складывается особая ментальная организация речи-мысли, которая представляет специфический речевой акт со своими закономерными параметрами, объединяющими разные формы мышления. Никакой другой жанр речепроизводства не выявляет эти механизмы словесно-мыслительной коллизии, как загадочная конструкция.

Более того, ни одна единица речевого производства так ясно и «безостаточно» не выявляет свойства таких категориальных понятий когнитивной лингвистики, как концепт, концептосфера, картина мира, внутренняя форма, национально-культурный компонент смысла, номинативное поле концепта и, конечно, антропоцентричность языковой единицы.

О некоторых из названных категорий речь пойдёт в данном сообщении.

2. Антропоцентричность загадок

Антропоцентризм, как считают многие лингвисты, «предполагает системное освоение языковых единиц, а также текста-дискурса сквозь призму «человеческого фактора», рассматривает пребывание человека в языке и языка в человеке. Антропоцентрическая парадигма вывела на первое место индивида, язык которого стал рассматриваться как главная, конституирующая его характеристика», «текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли строить возможные миры, создаёт своеобразную картину мира...» [2, с. 72]

Подобная трактовка сути антропоцентричности языка и отдельных языковых единиц стала общепринятой. Она имеет действенную объяснительную силу, в первую очередь, относительно языковых единиц с «одинарной» семантикой (Я помню длительные муки ... А. Блок), когда говорящий субъект создаёт картину мира по своему усмотрению, исходя из практически прямого восприятия факта действительности. Правда, эта картина представлена как результат «творческой лаборатории» поэта, как результат его индивидуального мироощущения. В этом смысле отмеченная фраза-текст носит печать авторского субъективизма по отношению к номинации вполне реального факта действительности. Здесь авторское слово имеет определённую отражательную долю.

Следовательно, антропоцентричность текстов с прямой номинацией нельзя приравнивать подобному проявлению субъективно-мыслительного в загадках.

В загадках «субъект действия», то есть загадывающий перерабатывает, трансформирует конструктивно организованный факт действительности в возможный, выдуманный, во многом искусственно переделанный факт, не имеющий прямого аналога в реальной действительности. Иначе говоря, субъект («загадчик») строит микрокосм (а может, макрокосм) в пределах своих

лингвотворческих способностей. Он строит этот «загадочный» мир по своему видению. А это видение зависит от его способностей манипулировать этажами метафоро-переносных значений при конструировании чего-то необыкновенного, из ряда вон выходящего, он жонглирует системой подставок. Значит, антропоцентричность загадочных конструкций следует считать более высокого порядка, чем в обычных текстах, проявление «человека-творческого» начала. Не менее антропоцентричен процесс отгадывания. Отгадывающий обязан строить в своём сознании некий искусственный мир, который бы был адекватен закодированному загадывающим миру. И из системы микро- или макромиров, сконструированных загадчиком, он должен ещё уметь выбрать ту конструкцию, которая оптимально соотносится с денотатом загадки.

Так что и загадывание, и отгадывание загадки как специфические тексты насквозь антропоцентричны. В этом смысле загадки – это стратегии, предполагающие два адекватных (закодированного и декодированного) мира, мира, сконструированного «загадчиком», и мира, сконструированного «отгадчиком».

Именно из этих способностей говорящего субъекта, из его мирозозидающих потенциалов исходил А. Потенция, когда утверждал: «...язык есть не средство выражения готовой мысли, а её создания, его формирования. Слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к её созданию» [6, с. 183].

Рассмотрим в этой связи загадки о Солнце из обоих языков.

– Сито свито, золотом покрыто	– Yaхşıca gözəldir, hamıya baxar,
Кто взглянет, всяк заплачет	[Достаточно хороша, глядит на всех]
– Взглянешь, заплачешь,	Üzünə baxanı yandırar uxaх
А краше его на свете нет	[Обожжёт всех, кто на него взглянет]
	– Xub gözəldi, hamıya baxır,
	[Очень хороша, на всех смотрит]
	Ona baxanlara iynələr taxır
	[Иглами стреляет во всех, кто на неё посмотрит]

Из десятка загадок о Солнце в обоих языках мы выбрали именно более или менее соотносительные как по строению, так и по смысловому содержанию загадки. Это мы сделали не для подтверждения возможной степени совпадения загадок в обоих языках (т.е. универсальности), а для иллюстрации того, что соотносительные загадочные конструкции строятся, как правило, на базе архетипических метафор-признаков, которые являются «общим местом» в мышлении всякого индивида в соответствии с общими законами логики мышления. Что касается несоотносительных загадок, то в них фигурируют более частные, неархетипические метафоры, характерные для языка той или иной группы населения: одни «загадчики» воспринимают Солнце в пределах общечеловечески маркированного признака (как в пословице: *На солнце и на смерть в упор смотреть нельзя*). Но вместе с тем в загадках, приведённых выше, кроме этого архетипического признака, участвуют метафоры с национально-специфической семантикой: сито, покрытое золотом; нет краше его на свете... Последняя метафора-оценка в азербайджанской загадке выражена сравнительно аморфным свойством «достаточно красиво оно».

Антропоцентричность отмеченных загадок-текстов находит своё непротиворечивое выражение не только в сказанном, но и в том, что даже относительно наднационального предмета, как Солнце, проявляется индивидуальность мышления, даже явление бесспорно «одинаковое» для всех мыслящих людей получает различные портреты описания. Последнее мы наблюдаем в целом ряде вариантов, сопровождающих эти загадки в обоих языках и актуализирующих иные, более частные признаки и функции такого явления, как Солнце. О разнообразии в мирозозидающих способностях представителей обоих народов и языков говорят факты:

1. Одно и то же явление природы представлено в десятках загадок обоих языков;
2. Одно и то же явление квалифицируется в рамках целого комплекса признаков, воплощённых в разной степени адекватности (эквивалентности характера Солнца) в метафорах: эти варианты отличаются не только разной степенью усложнённости/упрощённости содержания в за-

висимости от своего назначения, от аудитории, но и содержанием метафорических конструкций: что без огня горит?; за лесом за густым висит платье золотое; какой огонь всех ярче горит?; что без крыльев летит и без огня горит? и т.п.

Азербайджанские загадки о Солнце состоят также из множества «произведений», в которых действуют метафоры, как “ağ tac, qızıl tac” («белая корона, золотая корона»), “aləmə işıq saçaq” («весь свет озаряет»), “yanar yanar közü yox” («без угольев горит», “yerin-göyün soltani”, («султан мироздания») и т.п.

Всевозможные варианты поэтико-образных (вторичных) наименований появляются по мере того, какое место данный факт или явление занимает в жизни, в мифологическом сознании народа, нации и какое значение люди придают этому феномену: «Всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, и как эти последние были выражениями его воли, то отсюда он естественно должен был заключить о бытии другой воли... , кроющейся в силах природы» – писал А.Н. Афанасьев [1, с. 38], который однозначно толковал возникновение в русской фольклорной речи таких метафор о Солнце, как «колесо с повесом», «шар вертянский».

Таким образом, абсолютное человеческое начало становится онтологической сущностью загадок. Без подобного личностного вторжения в область «созидания загадочного мира» нет этих единиц.

Сказанного, видимо, достаточно для утверждения в мысли о том, что загадки носят печать антропоцентричности не только как речевые произведения (в этом плане их антропоцентричность равна антропоцентричности любого высказывания), но и, что главное, как результаты вторичной номинации, как результаты намеренной манипуляции системой подставных номинаций для достижения некоторой оригинальной языковой картины мира. «Важным оказывается не жанровая ориентированность загадок, не дуальные противопоставления в ней действительности, а её антропоцентричная сущность» – пишет Т.М. Николаева [3, с. 5].

3. Концептная база загадок

Когнитивная лингвистика при определении категории «концепт» исходит из понимания и признания диалектической связи сугубо языкового и внеязыкового в содержании языковой единицы. Языковая единица, кроме своего словарного значения, имеет также компонент содержания, отсылающий к истории народа, к его культуре, к его уровню мироощущения и т.п.

Иначе говоря, понятийная языковая единица (слово, словосочетание, предикативная конструкция, текст) кроме своего социально инвариантного значения имеет ещё целый ряд национально-культурных «зарядов», которые так или иначе проявляются в жизни этих единиц в контексте или вне контекста.

Так, например, языковая единица «сова» в русском языке имеет следующие ипостаси:

- а) лексема с определённым базовым значением, которое представлено в словарях;
- б) эта лексема имеет возможности употребления в переносном (метафорическом) значении относительно человека, который чувствует себя бодрее в вечернее или ночное время [4, с. 740];
- в) в русском языке это слово входит в понятийно-синонимический ряд со словами сыч, филин, пугач, сипуха, неясить, имеющих свои отличительные особенности [1, с. 254];
- г) это понятие в русском менталитете связывается с мудростью, дальновидностью;
- д) концепт «сова» имеет своё фразеологическое и паремиологическое поле интерпретации: *Ворона сове не оборона; Знать сову по полёту* и т.п.

В азербайджанском языке слово «байгуш», кроме аналогичного с русским словарного значения:

- а) птица такого-то семейства и таких-то данных, не имеет ничего общего со всеми остальными коннотациями русского слова «сова»;
- б) эта лексема употребляется в метафорическом значении по отношению к людям, приносящим зло: *bayquş kimi ulamaq, bayquş olub öz başını ueyəsən* и т.п.;

в) это понятие в азербайджанском языке имеет символическую подоснову зла, несчастья, смерти и великих бед (при подобной коннотации слово «байгуш» выступает почти как антоним слова «сова» в русском языке);

г) паремиологическое интерпретационное поле слова «байгуш» включает всего несколько фразеологизмов сравнительного значения «*baquş kimi...*».

Итак, для установления концептной основы приходится учитывать цепь соотносительностей, обнаруживаемых между лексемой, понятием и концептуальным их образованием: в науке нет единого общепринятого определения категории «концепт». Мы исходим из лингвокультурологического понимания этой категории, поскольку материал загадок даёт основание считать эту категорию как непосредственно возникшую из семантической структуры слова и «являющейся результатом сложного взаимодействия семантики слова с личностным опытом народа, с его культурологическим фоном» [7, с. 265].

Следовательно, концепты в структуре загадок формируются в процессе синтеза а) денотатного слова, включённого в ткань загадывания, б) метафорических превращений этого слова в структуре загадок (образование метафорических понятий, служащих подставными именами денотата) и в) понятия, сконструированного «отгадчиком». Это понятие, «погружённое в культурологическую жизнь народа» и есть, на наш взгляд, концепт, концептное содержание загадки.

Посмотрим, сколько общечеловеческого содержания в загадках «сова» и «байгуш», и сколько сугубо национального в их концептной основе.

– Живёт в лесу – ухает, как	Qara qatır [чёрный мул]
разбойник, люди его боятся,	Bədlük satır [приносит зло]
а он людей боится;	Gecə gəzir, [ночью ходит]
– Днём молчит, ночью кричит;	Gündüz yatır [днём спит]
– Кто плачет, не имея слёз?	

Для русского мифологического мышления, как видно, первостепенно важным является лесная жизнь совы (это свойство не глобально: совы могут облюбовать степи, руины бывших городов и сёл, даже живые поселения), взаимная неприязнь людей и этих неоднозначно воспринимаемых птиц ночной охоты, звук-крик, напоминающий плач «без слёз» и т.п.

В азербайджанской загадке данная ситуация получает иную интерпретацию: в неё включено свойство общеглобальное (днём спит, ночью охотится) и сугубо национальное (*bədlük satır* – приносит несчастье; метафора «*qara qatır*» – чёрный мул).

Универсальной концептной базой для обоих языков оказывается всего один признак, существенный, видимо, для всех национальных ассоциаций, поскольку этот признак есть конститутивный для этого вида «птиц». Следовательно, концептную базу слов «байгуш» – «сова» составляет, прежде всего два компонента значения этих слов – словарное значение (разновидность птиц) и постоянный признак (ночью ходит, днём спит). Концепт же состоит из отмеченной содержательной базы в её обязательном обогащении с другими вышеотмеченными коннотациями, имеющими сугубо национальную специфику. Стало быть, загадки-конструкции более чётко вырисовывают многокомпонентную структуру концепта на фоне сетки соотношения языко-речевых манипуляций «загадчика» и языко-речевых интенций «отгадчика».

4. Внутренняя форма загадок

Вопрос о внутренней форме народных загадок не становился объектом внимания ни в русистике, ни в азербайджанском языкознании. Обычно предметом рассмотрения специалистов становятся паремио-фразеологические единицы различных рангов и сложности.

Наше желание рассматривать загадки с точки зрения внутренней формы продиктовано следующими объективными условиями:

а) анализ языковых единиц с этих позиций является одним из компонентов общей системы лингвокогнитивного анализа;

б) установление «реальной» внутренней формы загадок ещё более подтверждает их языковой статус – в качестве языковой единицы.

Очевидно, что произнося загадку, например, про дорогу, мы не только обозначаем этой конструкцией что-то, какое-то явление, которое воспринимается в его отношениях к другим предметам и явлениям, но и представляем себе свойства и признаки этой соотнесённости: последняя имеет различные ассоциативные основания в различных загадках разных народов. Так, в азербайджанской загадке «O nədir ki, ən uca dağların belə başından aşır?» (что перешагивает через самые высокие горные вершины?) дорога персонифицируется в своём самом главном, определяющем признаке – вездесущности. При этом мы представляем не обезличенный предмет (дорогу) в его прямом значении, а нечто живое, способное на преодоление самых высоких и непроходимых вершин. Причём в основе этого олицетворения дороги подспудно лежит понимание онтологической сути загадки – её связанность с человеческой деятельностью.

Ведь пути-дороги складывают люди, для которых они рукотворный (скорее, «ноготворный») результат передвижения в пространстве. Следовательно, метафоризация силы и способностей дороги как таковых является опосредованной метафоризацией этих способностей человека, всемогущего и вездесущего. Тот мифологический образ, который мы себе представляем, и является внутренней формой загадки, которая несёт на себе печать индивидуально-национального мировидения и национального мифологического мышления.

А.А. Потехина пишет: «Внутренняя форма кроме фактического единства образа даёт еще знание этого единства: она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [6, с. 147]. В нашем случае понятие дороги – это образ, а внутренняя форма – это образ образа, то есть образ могущественного человека, который возникает в нашем сознании.

Несколько иную, но в чём-то аналогичную картину внутренней формы загадки про дорогу мы наблюдаем в русской загадке:

Лежит брус во всю Русь
Если бы руки да ноги,
То бы встал, да и до неба достал;
А если бы рот да глаза
То всё бы рассказал [8, с. 159]

Как видно, в азербайджанской загадке актуализировано свойство дороги-человека быть выше вершин в его философском, морально-нравственном значении (гора-вершина, мощь, сила, а дорога – мудрость, сила знания и т.п.).

В русской загадке опорными признаками являются «недвижимая сила» (лежит брус), потенциальная возможность «достать до неба» – видимо, до Бога, а также нереальные возможности рассказать обо всём. В этой загадке одна из центральных линий – это факт «осведомлённости» дороги обо всём: она видит и доброе и злое, и вора и праведника, и властителя и холопа и т.п. Этот факт заставляет «человека-дорогу» желать дотянуться до неба – Бога, чтобы рассказать ему обо всём, что происходит на грешной земле...

Такая ассоциируемая картина противоборства и есть внутренняя форма русской загадки: эта загадка, следовательно, русская и по форме организации и по внутренней форме. Только стремление достичь нравственную победу над всем, что она видит, остаётся (в отличие от азербайджанской загадки) лишь областью желаний.

Словом, как и слова, словосочетания и другие малые единицы языка, загадки имеют внешнюю форму, внутреннюю форму и содержание (т.е. смысл). Здесь видимо, следует признать бесспорный изосемантизм между отмеченными языковыми единицами и загадками.

© Мамедова В.Н., 2021

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., Современник, 1982. 464 с.
2. Константинова Л.А. Антропоцентризм как ключевая идея современной лингвистики // Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ. «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» Гранада (Испания), 2015. 176 с.
3. Николаева Т.М. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т.1. // Предисловие. М., Индрик, 1994. 269 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. изд.4-ое, М., ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., Восток-Запад, 2010. 314 с.
6. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., Искусство, 1976. 613 с.
7. Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону, Феникс, 2008. 810 с.
8. Seyidov N. Tapmacalar. Bakı, Şərq-Qərb, 2004. 304 s.

References

1. Afanas'ev, A.N. *Drevo zhizni. Izbrannye stat'i* [The tree of life. Selected articles]. M., Sovremennik, 1982. 464 s.
2. Konstantinova, L.A. Antropotsentrizm kak kliuchevaia ideia sovremennoi lingvistiki [Anthropocentrism as a key idea of modern linguistics] // *Materialy XIII kongressa MAPRJaL. «Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury»*. Granada (Ispaniia), 2015. 176 s.
3. Nikolaeva, T.M. Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi duhovnoi kul'tury: Zagadka kak tekst [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: A riddle as a text]. T.1. // *Predislovie*. M., Indrik, 1994. 269 s.
4. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. izd.4-oe, M., ITI Tehnologii, 2003. 944 s.
5. Popova, Z.D., Sternin, I.A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. M., Vostok-Zapad, 2010. 314 s.
6. Potebnja, A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. M., Iskusstvo, 1976. 613 s.
7. Starichonok, V.D. *Bol'shoi lingvisticheskii slovar'* [Big linguistic dictionary]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2008. 810 s.
8. Seyidov, N. *Tapmacalar* [Provebs]. Bakı, Şərq-Qərb. 2004. 304 s.

Сведения об авторах:

Мамедова Вафа Нариман гызы – преподаватель, Бакинский славянский университет (Азербайджан, Баку). E-mail: sevinc.n@mail.ru

About the author:

Mamedova Vafa Nariman – Lecturer, Baku Slavic University; E-mail: sevinc.n@mail.ru

* * *

THE ROLE OF THE METONIMICAL TRANSFER IN THE FORMATION OF EXPRESSIONS RELATED TO THE CONCEPT OF «DEATH» IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

Mohanna KH. Seyed Agaie Rezaie

University of Mazandaran, Islamic Republic of Iran, Mazandaran,
47416-13534, Babolsar, Pasdoran str.

Abstract. *This study analyses the role of metonymic transfer in the formation of euphemisms in the semantic field of “death” in Russian and Persian languages. Death as an inevitable reality in human’s life possesses an important place in all languages and cultures. Dealing with this concept has been always difficult. The word “death” invokes fear and discomfort among people. Sometimes fear, and sometimes a sense of politeness and decency make people take advantage of euphemisms. Metonymic transfer is one of the most relevant ways to form euphemisms in the semantic field of “death”.*

Metonymy refers to the transfer of titles from one subject to another based on proximity. In line with metonymy, different kinds of it including synecdoche and metalepsis in Russian and implicature and allegory in Persian also play important roles in the formation of euphemisms of the “death” concept. In this article, we would categorize the Russian as well as Persian euphemisms, which are formed on the basis of metonymic transfer, into three groups: 1) euphemistic units, formed by means of metonymy; 2) euphemistic units formed by metalepsis; 3) euphemistic units formed by synecdoche. While comparing Russian and Persian euphemisms in the semantic field of “death”, we aim to clarify the similarities and differences of the usage of metonymic transfer in these two languages.

Key Words: *euphemism, metonymic transfer, metalepsis, synecdoche, death, Russian, Persian*

For citation: Mohanna KH. Seyed Agaie Rezaie, 2021. The Role of the Metonimical Transfer in the Formation of Expressions Related to the Concept of “Death” in Russian and Persian Languages. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 148–155. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-149-155>

РОЛЬ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В ОБРАЗОВАНИИ ВЫРАЖЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОНЯТИЕМ «СМЕРТЬ»: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

М.Х. Сейед Агаи Резаи

Мазандаранский университет,
Иран, Мазандаран, 47416-13534, г. Бабольсар, ул. Пасдаран

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу роли метонимического переноса в образовании эвфемизмов в семантическом поле «смерть» на материале русского и персидского языков. Смерть как неизбежная реальность занимает особое место во всех языках и культурах мира. Говорить о смерти всегда бывает трудно. Слово «смерть» вызывает страх среди людей. Иногда страх, а иногда чувство вежливости и приличия служат причиной появления эвфемизмов, связанных с этим понятием. Метонимический перенос считается одним из наиболее актуальных способов образования эвфемизмов в семантическом поле «смерть».

Под метонимией понимается перенос наименований с одного предмета на другой по смежности. Наряду с метонимией её разновидности, синекдоха, металепсис в русском языке и استتزام معنایی (= импликатура) كناية (= иносказательность) в персидском, тоже играют важную роль в образовании эвфемизмов концепта «смерть». В нашей работе мы распределяем русские и персидские эвфемизмы, образованные на основе метонимического переноса, по трём группам: 1) эвфемистические единицы, образованные с помощью метонимии; 2) эвфемистические единицы, образованные с помощью металепсиса; 3) эвфемистические единицы, образованные с помощью синекдохи. При сопоставлении русских и персидских эвфемизмов нами определяются черты сходства и различия в использовании метонимического переноса в этих двух языках.

Ключевые слова: эвфемизм, метонимический перенос, металепсис, синекдоха, смерть, русский язык, персидский язык

Для цитирования: М.Х. Сейед Агаи Резаи, 2021. Роль метонимического переноса в образовании выражений, связанных с понятием «смерть»: на материале русского и персидского языков. *Филологические науки в МГИМО*. Том 7. № 1(25). С. 148–155. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-148-155>

Человеку невозможно перестать думать о смерти. Она считается неотъемлемой частью жизни каждого существа, но до сих пор никто не смог раскрыть таинственные черты этого непреложного явления. Поэтому смерть как неизвестная реальность вызывает бесконечный страх и волнение. Из истории известно, что смерть для человека всегда страшна, значима, таинственна и неотвратима. Жизнь человечества – настоящая трагедия, ибо она кончается смертью. Люди по-разному относятся к смерти: некоторые считают её концом жизни и началом небытия и гибели. Другие полагают, что смерть подобна новому рождению. Так, для того чтобы уменьшить страх смерти, человек старается прибегать к духовности и религии. По исламским верованиям смерть является началом следующей ступени жизни, и, согласно иранской мистике, она считается возвращением к сути, к Богу, с земли на небо. По мнению религиозных мыслителей, религия

защищает людей в тяжёлых ситуациях, помогает, когда они оказываются в безвыходном положении. Язык как орудие мышления и познания также может помогать человечеству спастись в таких естественных тупиковых ситуациях. В общественной жизни мы часто избегаем говорить прямо о смерти и смертельных болезнях. Тогда мы начинаем широко использовать такое языковое средство, как метонимический перенос.

Языковое табу выражается в запрете на прямое наименование неприятного явления, и оно лежит в основе эвфемизации. Так, первые эвфемизмы появились в ответ на языковые запреты или табу, и можно сказать, что эвфемизм и табу – две стороны одной и той же монеты. Под эвфемизмом принято понимать «лексические единицы или выражения, используемые для замены такого прямого наименования, употребление которого представляется говорящим неуместным в данной конкретной ситуации» [5, с. 6]. С древнейших времён смерть как неизбежная часть жизни каждого существа находится под языковым запретом во всех языках и культурах мира, и для создания эвфемизмов, употребляемых взамен этого табуируемого понятия, используются разные лексико-семантические, стилистические, морфологические, фонетические, графические способы и приёмы. В данном исследовании нами рассматривается один из наиболее продуктивных способов эвфемизации, то есть метонимический перенос, и указывается на существующие различия и сходство при использовании этого способа в русском и персидском языках.

Русские и иранские исследователи однозначно подчёркивают важность метонимии в эвфемистическом переименовании. Важность данного способа эвфемизации подчёркивалась такими русскими лингвистами, как В.П. Москвин, А.М. Кацев, Б.В. Томашевский [5, с. 30; 2, с. 18; 10, с. 56] и др. Для обозначения данного способа эвфемизации исследователи используют различные термины: метонимизация, метонимическая номинация, метонимический перенос.

Метонимия – перенос наименований с одного предмета на другой по смежности. Она основана на близкой и легко понимаемой смежности, сопредельности в пространстве или во времени, вовлечённости в одну ситуацию обозначаемых реалий, лиц, действий, процессов и т.п. [3, с. 55]. Одним из своеобразных видов метонимии является синекдоха. Синекдоха – это такой перенос значения, когда название части употребляется в значении целого, меньшего – в значении большего и наоборот [1, с. 128]. Под метонимией мы вслед за В.П. Москвиным понимаем также и её разновидность – металепсис. Металепсис представляет собой обозначение одной ситуации или явления через другие, так или иначе с ними связанные. Посредством металепсиса ситуацию можно обозначить: 1) по предшествующему действию: *взяться за оружие* в значении «начать войну»; 2) по сопутствующему действию: *махать косой* в значении «косить»; 3) по результату: *преломить копьё с кем-л.* вместо «сразиться» [4, с. 161].

По определению иранского лингвиста М. Мирсадеги, метонимией (= مجاورت [mojāverat]) является вид тропа, основанный на смежности. Автор отмечает, что в тропе должна существовать какая-то связь между прямым и переносным значением, чтобы слушатель или читатель смог в своём уме найти связь между словом и заменяемым понятием. Эта связь в персидском языке называется «علاقه» [alāqe]. У метонимии число и виды связей (علاقه) не ограничены. Но традиционно выделяются следующие связи (علاقه): 1) *علاقه كل و جزء* (= перенос наименования с целого на часть/ синекдоха); 2) *علاقه حال و محل* (= перенос наименования с места на его жителя); 3) *علاقه آليه* (= перенос наименования с инструмента на действие, выполняемое этим инструментом); 4) *علاقه سببيه* (= перенос наименования с причины какого-то явления на само явление) и др. [14, с. 231].

Можно перечислять и другие эквиваленты термина «метонимия» в персидском языке – «مجاز / کنایه آوری / دگرنامی» [majāz/ kenāye-āvari/ degar-nāmi]. С. Дад полагает, что определение термина «metonymy» (=метонимия) в английском языке совершенно совпадает с определением другого вида тропа – «کنایه» [kenāye] (=иносказательность) в персидском [12, с. 429].

Необходимо упомянуть, что точный эквивалент термина «کنایه» [kenāye] в русском языке отсутствует. По определению некоторых иранских исследователей, этот термин в некоторой степени похож на антономасию: «В европейской литературе термин *antonomasia* по значению близок к понятию *کنایه* [kenāye] в персидском языке» [14, с. 221]. Другие лингвисты считают *کنایه* [kenāye] частью метонимии [13, с. 85]. Отличие *کنایه* [kenāye] от метонимии состоит в том, что адресат мо-

жет иметь в виду и первичное и вторичное значение выражения, образованного на основе *کنایه* [kenāye], но в метонимии важным считается только вторичное, переносное значение. В связи с тем, что этот вид тропа не имеет аналогичный эквивалент в русском языке, мы называем его метонимией в нашей работе.

Таким образом, понятия метонимии в русском и персидском языках в общем совпадают, но существуют некоторые отличия в выделении её разновидностей. Синекдоха считается разновидностью метонимии и в персидском языке. Металепсис как разновидность метонимии не существует в персидском языке, но отчасти может совпадать с другим лексическим термином – *استلزام معنایی* (англ. *implication*, рус. импликатура). *استلزام معنایی* (импликатура) – это семантическая связь между двумя предложениями, под которой понятие предложения «X» зависит от понятия предложения «Y», или, иными словами: когда «X» действителен, то «Y» тоже будет действителен. Например:

پدر بزرگ در این اتاق نفس آخر را کشید.

Дедушка испустил последний вздох (похожий вариант в русском языке – «чуть (еле) дышать»). Это предложение образовано на основе «*استلزام معنایی*» (= импликатуры). Говорящий косвенно выражает, что если дедушка испустил последний вздох, то он уже умер. Иными словами, информация присутствует в тексте в скрытом виде, и адресат сам делает вывод [15, с. 83]. По нашему мнению, можно считать *استلزام معنایی* (импликатура) разновидностью метонимии, и этот лингвистический термин даже в некоторой степени похож на металепсис.

Как указано выше, метонимия и её разновидности широко используются при образовании эвфемизмов концепта «смерть» и в русском и в персидском языках. Использование метонимии и её разновидностей как распространённого способа эвфемистической замены связано с тем, что, называя «смежный» предмет или явление, номинант тем самым избегает табуируемого прямого наименования, а отношение смежности позволяет собеседнику соотнести два понятия и правильно «расшифровать» эвфемизм [7, с. 56].

Далее рассматриваются некоторые метонимические эвфемизмы в семантическом поле «смерть», функционирующие во всех стилях (нейтральном, возвышенном и низком) русского и персидского языков, и анализируются сходства и различия при их образовании. В ходе нашей работы нами распределяются русские и персидские эвфемизмы, образованные на основе метонимического переноса, по трём группам: 1. эвфемистические единицы, образованные с помощью метонимии; 2. эвфемистические единицы, образованные с помощью металепсиса; 3. эвфемистические единицы, образованные с помощью синекдохи. Материалом для исследования послужили слова, выражения и предложения, выбранные из словарей русского и персидского языков. Для сбора примеров в русском языке нами использованы «Словарь эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной [8], а для сбора и анализа слов и выражений, выступающих в функции эвфемизма в персидском языке, использовали «Большой словарь Сохан» Х. Анвари [11].

А. Эвфемистические единицы, образованные с помощью метонимии:

1) «Гроб» и «гробовая дверь/ гробовые двери» вместо «смерть»; «за гробом», «за дверью гроба» вместо «после смерти». В этих эвфемизмах мы сталкиваемся с переносом наименования с места (гроб) на явление (смерть).

2) «Два метра» вместо «могила». Это выражение зафиксировано как эвфемизм во второй половине XX века и обладает ироническим характером. Образование этого метонимического переноса восходит к похоронному обряду в России, согласно которому покойников хоронят именно на двухметровой глубине.

3) «Одр» вместо «смерть» (употребляется в книжной речи). Это слово в прямом значении обозначает «постель, ложе умирающего», но в переносном значении служит эвфемизмом, образованным за счёт переноса наименования смежного состояния.

4) «Свет из очей выкатится», «очи в гору пойдут», «вытянуть ножки», «протянуть ноги», «закрыть глаза», «смежить очи», «сложить руки» и др. вместо «умирать». Данные метонимические конструкции косвенно указывают на смерть с помощью признаков этого явления.

5) «دیده فرو بستن» [dideh foru bastan] (букв. закрыть очи), «دم فرو بستن» [dam foru bastan] (= не делать вдох), «چانه انداختن» [čāne andāxtan] (букв. падение подбородка) указывают на симптомы

умершего, когда он теряет такие основные жизненные признаки, как зрение, дыхание, говорение и т.п.

6) «بوى حلواى كسى بلند شدن» [buy-e halvay-e kasi boland šodan] (букв. распространяется запах чей-то халвы), «بوى الرحمن كسى بلند شدن» [buy-e arrahmān-e kasi boland šodan] (букв. распространяется запах Ар-рахмана) в значении «дышать на ладан/ быть одной ногой в могиле». По исламским традициям в траурных собраниях гостей угощают халвой, чтец Корана читает суру Ар-Рахмана (55-ой суры Корана с 88 аятами). Так, очевидно, данные метонимические конструкции связаны с обозначением смерти по действиям, соотносящимся с исламским похоронным обрядом.

7) «كفن پوشیدن» [kafan pušidan] (букв. надеть саван) вместо «آماده مرگ شدن» [āmāde-ye marg šodan] (букв. готовиться к смерти). Этот эвфемизм связан непрямо со смертью по действиям, соотносящимся с мусульманским похоронным обрядом.

8) «رو به قبله» [ru be gheble] (букв. лицом к кибле) вместо «на пороге смерти». По исламским наставлениям, находящегося в агонии человека располагают в сторону киблы, или умершего мусульманина кладут в могилу на правый бок лицом к кибле. Этот метонимический эвфемизм связан с обозначением смерти по действиям, соотносящимся с исламским похоронным обрядом.

9) «كرباس» [karbās] (букв. холст) выполняет эвфемистическую функцию взамен прямого наименования «كفن» [kafan] (букв. саван), напоминающего табуируемое явление «смерть». В основе этого эвфемизма лежит приём метонимического переноса – переноса названия вещества, материала, на изделие из него.

10) «گل» [gel] (букв. глина) в значении «почва могилы» выступает в функции эвфемизма и намекает на табуируемое понятие «смерть». Напр.:

پسریچه امروز زیر گل باشد، بهتر از این است که سواد نداشته باشد.

В сегодняшние дни лучше быть под глиной (вместо «умереть»), чем быть безграмотным.

Существуют и другие выражения, в состав которых входит слово «زمین / خاک» [xāk/ zamin] (букв. почва/ земля) в метонимическом переносном значении, выполняющие эвфемистическую функцию: «خاک بالین کردن» [xāk bālin kardan] (букв. делать из глины изголовье), «به خاک رفتن» [be xāk raftan] (букв. уйти в землю, т.е. быть погребённым), «به خاک سپردن» [be xāk sepordan] (букв. предавать земле) «در نقاب خاک کشیدن روی» [ruy dar neqāb-e xāk kešidan] (закрывать лицо глиняным покрывалом), «سر را بر زمین گذاشتن» [sar rā bar zamin gozāštan] (букв. класть голову на землю) вместо «умирать», «быть погребённым», «скончаться» и т.п.

11) «بر مرکب چوبین نشستن» [bar markab-e čubin nešatan] (букв. сидеть на деревянном верховом животном) иносказательно указывает на понятие «смерть» и выполняет эвфемистическую функцию. При образовании этого эвфемизма параллельно действуют два способа эвфемизации – метафорический и метонимический перенос. *Деревянное верховое животное* в метафорическом значении – это то же, что *гроб*, и *сидеть на гробе* метонимически употреблено в значении *умирать*, то есть наблюдается перенос наименования по смежности.

12) Великий персидский поэт Фирдоуси в этом стихе использует метонимию, чтобы прямо не называть смерть: «جهان از چنین کار باک نهفتند صندوق او را به خاک / ندارد» [Nehoftand sanduq-e u-rā be xāk/ nadārad jahān az čenin kār bāk] (схоронили они сундук его в землю/ нет миру от этого дела страха). В этом примере слово «сундук» употребляется в переносном значении «гроб». Хоронят умерших в гробу. Здесь происходит перенос наименования с вместилища на содержимое.

13) В некоторых аятах священного Корана вместо прямого обозначения смерти употребляется метонимия «مأمور» [māmūr] (исполнитель) и «قاضی» [qazī] (судья). По исламским верованиям, по приказу Аллаха Малак аль-маут (ангел смерти) забирает души умерших. Он помогает людям перейти в иной мир. В воображении мусульман Азраил – грозный и страшный. Здесь вместо прямого наименования «Азраил» употребляется наименование «исполнитель» и «судья». В персидской культуре эти профессии напоминали черты Ангела смерти. Здесь наблюдается перенос наименования с действующего лица на само действие.

Б. Эвфемистические единицы, образованные с помощью металеписа:

1) «*На ладан дышать*» вместо «быть при смерти». Ладан – это жёлтоватая или красноватая ароматическая смола, употребляемая для курения при религиозных обрядах [6, с. 318]. В этом выражении вместо того, чтобы прямо говорить о смерти, обозначается ситуация по предшествующему действию.

2) «*Глядеть в гроб/ в могилу*», «*одной ногой в могиле (стоять)*» вместо «быть близким к смерти» образуются путём металеписа, поскольку заключается в замене предшествующего (гроб) последующим (смерть).

3) «*Чуть (еле) дышать*» вместо «находиться при смерти». В этом случае эвфемистическим представляется обозначение ситуации по предшествующему действию, поскольку смерть человека связана с остановкой дыхания.

4) «*Ложиться на стол*», «*ложиться в землю (в гроб)*» вместо «умирать».

5) «*На санях сидя*» в значении «готовясь к смерти». Это выражение зафиксировано как эвфемизм в XI веке и восходит к архаической особенности: покойника на кладбище везли на санях.

6) «*Приказать долго жить*» вместо «умереть». В анализируемом случае – это отношение сопровождения: умирая, человек приказал (завещал другим, оставшимся) долго жить. По мере расширения сферы употребления этого фразеологизма его начинают применять в отношении не только человека, но и животного. Напр.: *Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович, – сказал Антон Пафнутьич... – Миша приказал долго жить, – отвечал Кирила Петрович* (А.С. Пушкин. Дубровский). Очевидно, что, умирая, медведь никак не может пожелать людям долго жить. Семантическое выветривание фразеологизма приводит к тому, что сочетание начинают употреблять в значении «прекратить существование» [9, с. 29].

7) Образный перифраз «*накормить рыб*» выступает в функции языкового эвфемизма вместо «утонуть».

8) «*Низринуться в прах*», «*становиться тленом*» вместо «умирать». Слова «прах» и «тлен» указывают на ситуацию человека после смерти и, таким образом, косвенно называют явление смерти.

9) «*آخر الامر گل کوزه گران خواهی شد*» [āxar-ol-amr gel-e kuzehgarān xāhi šod] (букв. наконец превратишься в горшечную глину) – первая мисра газели известного персидского поэта Хафиза. С течением времени она приобрела узуальный характер и вошла в словарный запас персоговорящих как крылатая фраза, употребляемая эвфемистически взамен прямого указания на смерть. В образовании этого эвфемизма действует استلزام معنایی (= импликатура) или её русский эквивалент – металепис, состоящий в обозначении одной ситуации через другие, так или иначе с ними связанные по результату: сначала человек умирает, потом его тело превращается в глину, наконец, гончары делают кувшины из этой глины.

10) «*عمر خود را به کسی دادن*» [omr-e hod rā be kasi dādan] (букв. дать свою жизнь другому) вм. «умирать». В этом примере наблюдается перенос наименования с одной ситуации на другую, и можно считать его точным эквивалентом эвфемистического фразеологизма *приказать кому-л. долго жить*, образованным тем же способом в русском языке.

11) «*اسم کسی را روی سنگ کندن*» [esm-e kasi rā ruy-e sang kandan] (букв. тесать на камне чьё-то имя), «*حلوای کسی را خوردن*» [halvāye kasi rā xordan] (букв. есть чью-то халву) вместо «умирать». Это эвфемизмы, образованные на основе металеписа или его персидского эквивалента استلزام معنایی (импликатуры), поскольку сначала человек умирает, потом на его могильном камне тешут его имя и угощают гостей халвой в день по случаю траура.

12) В иранской мистике металеписы употребляются для того, чтобы косвенно указывать на смерть: «*بازگشت به اصل*» [bāzgašt be asl] (возвращение к происхождению), возвращение к Богу – это конечное намерение и желание любого Арефа (мистика); «*شاه شدن*» [šāh šodan] (стать королём) человек на земле живёт как бедняк, но со смертью превращается в короля; «*زایش*» [zāyeš] (рождение) – смерть считается другим рождением; «*بلوغ*» [blooq] (зрелость) – смерть переведёт человека с одного этапа жизни на другой; «*اکسیر*» [eksir] (эликсир) – смерть действует, как эликсир, она превращает человеческое тело в драгоценную субстанцию. Как видим, по мистическим верованиям смерть описывается положительно. Таким образом, фразеологизмы указывают на

ситуацию человека после смерти, и это приводит к тому, что люди положительно относятся к страшному явлению.

В. Эвфемистические единицы, образованные с помощью синекдохи:

1) « دست کسی از دنیا کوتاه شدن » [dast-e kasi az donyā kutāh šodan] (букв. чья-то рука укорачивается из этого мира) намекает на понятие «смерть». В этом эвфемистическом фразеологизме применяется приём синекдохи, состоящей в употреблении названия части (рука) для обозначения целого (человек).

2) « فاتحه » [fātehe] (букв. Фатиха, первая сура Корана) вместо «траурное собрание». По исламскими традициям на траурных церемониях читают Фатиху, первую суру Священного Корана, как молитву по умершему. Чтение молитвы по усопшему считается частью мусульманской траурной церемонии, но в этом примере чтение суры «Фатиха» как части этой церемонии используется взамен прямого указания на саму траурную церемонию. Так, в основе этого эвфемизма лежит синекдоха.

Выполненное сопоставительное исследование позволяет сделать вывод, что метонимический перенос считается одним из наиболее продуктивных способов образования эвфемизмов концепта «смерть» в русском и персидском языках. Необходимо упомянуть, что существуют некоторые различия при определении и классификации метонимии в персидском языке, поскольку различаются мировоззрение и совокупность убеждений носителей этих языков. В персидском языке есть такие разновидности метонимии, как «استلزام معنایی» и «کنایه», которые не имеют точного эквивалента в русском языке. Наиболее близкий эквивалент первого в русском языке – «металепсис», а для второго, в некоторой степени, – «метонимия» и «антономазия».

В ходе нашей работы мы распределили русские и персидские эвфемизмы, образованные на основе метонимического переноса, по трём группам. Согласно нашему исследованию, при образовании эвфемизмов семантического поля «смерть» чаще употребляются: 1) смежность в пространстве; 2) материал – изделие; 3) субъект действия – место действия. При образовании эвфемизмов первого разряда тоже указываются либо симптомы, сопровождающие смерть, либо действия, соотносящиеся с похоронным обрядом. Эвфемизмы второго разряда образованы на основе металепсиса. Поскольку в персидском языке не существует точного эквивалента этого понятия, мы включили в этот разряд примеры из персидского языка, образованные с помощью معنایی استلزام (импликатура). В третий разряд входят фразеологизмы, образованные синекдохой. Как видим, синекдоха как разновидность метонимии не является продуктивным способом образования эвфемизмов концепта «смерть» в русском, в отличие от персидского языка.

© Сейед Агаи Резаи М.Х., 2021

Список литературы

1. Гируцкий А. А. Введение в языкознание: Учеб. пособие. 2-ое изд., стер. Мн.: ТетраСистемс, 2003. 288 с.
2. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 80 с.
3. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / М.: Издательский центр Академия, 2007. 240 с.
4. Москвин В. Н. Способы эвфемистической зашифровки в современном русском языке // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998. С. 160-167.
5. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2007. 264 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Прудывус А. Н. Эвфемизмы в современном немецком языке: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург. 2006. 188 с.
8. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 461 с.
9. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. М.: Флинта, 2012.120 с.
10. Томашевский Б. П. Теория литературы. Поэтика. Л.: Гос. изд., 1928. 334 с.
11. انور یحسین فرهن گیزر گسخن. تهران: سخن، 1381.
12. دادسیما. واژه نامهمفاهیمو اصطلاحات ادبیفار. سیوار و پایبیهشبوئه تطبیقیو توضیحی.

- تهران: مروارید، 1378 . 594 ص .
13. کمالیروستا حبیب مجاز هادری زبانو ادبیات آلمانیو فارسی مجله پژوهش و هوش زبان های خارجی، شماره 42، زمستان 1386 . صص 69-87.
14. میرصادق میمنت. واژه نامه هنر شاعری: فرهنگ تفصیلی اصطلاحات فن شعر و سبک ها و کتب های آن. چاپ دوم همراه با افزوده ها. تهران: بررسی زبان 1376 . 500 ص.
15. موسوی سجادی، تهران بررسی زبان شناختی حسن تعبیر در زبان فارسی
- پایان نامه کارشناسی ارشد رشته زبان شناسی گرایش همگانی . دانشگاه کردستان . اسفند 1390 . 108 ص .

References

1. Girutskiy, A. A. *Vvedenie v iazykoznanie: Ucheb. Posobie* [Introduction to Linguistics: Tutorial]. 2-oe izd., ster. Mn.: TetraSistems, 2003. 288 p.
2. Katsev, A. M. *Iazykovoe tabu i evfemiia: ucheb. posobie k spetskursu* [Language taboo and euphemism: studies. manual for special course. L.]. L.: LGPI im. A. I. Gercena, 1988. 80 p.
3. Krysin, L. P. *Sovremenny russkii iazyk. Leksicheskaia semantika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiia: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. Zavedenii* [Modern Russian. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography: studies. A manual for stud. filol. fact higher studies. institutions]/ M.: Izdatel'skii tsentr Akademiia, 2007. 240 p.
4. Moskvina, V.N. *Sposobi evfemisticheskoy zashifirovki v sovremennom russkom iazyke* [Methods of euphemistic coding in modern Russian] // *Linguistic personality: sociolinguistic and emotive aspects* [Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language]. Volgograd; Saratov, 1998. 161 p.
5. Moskvina, V.P. *Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo iazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Izd. 2-e. M.: LENAND, 2007. 264 p.
6. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]/ Rossiiskaia akademiia nauk. Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.
7. Prudivus, A.N. *Evfemizmy v sovremennom nemetskom iazyke* [Euphemisms in modern German language] / dissertation for the degree of Candidate of Philology. St. Petersburg. 2006. 188 p.
8. Senichkina, E.P. *Slovar evfemizmov russkogo iazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. M.: Flint: Science, 2008. 464 p.
9. Senichkina, E.P. *Evfemizmy russkogo iazyka/ spetskurs* [Euphemisms of the Russian language / special course]. M.: Flinta. 2012. 121 p.
10. Tomashevskii, B. P. *Teoriia literatury. Poetika* [Literature Theory. Poetics]. L.: Gos. izd., 1928. 334 p.
11. Anvari, Hasan. *Farhang bozorg sokhan* [The Great Culture of Speech]. Tehran: Sokhan, 1381.
12. Dad Sima. *Farhang estelahat adabi: vaje name mafahim va estelahate adabi farsi va orupai be shive tatbighi va tozih* [Dictionary of literary terms: Glossary of Persian and European literary concepts and terms in a comparative and explanatory way]. Tehran: Pearl, 1378. 594 p.
13. Kamali rusta Habib. *Majazha dar zaban va adabiyat almani* [Permissions in German and Persian language and literature]. *Majale pajoheshhaye khareji* [Journal of Foreign Languages Research], Vol. 42, Winter 2007. P. 69-87.
14. Mirsadeghi meymanat. *Vaje name honare shaeri: farhange tafzili estelahate fan sher va sabkha va kotobhaye an* [Art Glossary: A Detailed Culture of the Terms of the Poetry and its Styles and Books]. Second Edition with add-ons. Tehran: Book Mahnaz, 1376. 500 p.
15. Mousavi, S. *Barresi zabanshenakhti-e hosne tabir dar zabane farsi* [Linguistic Study euphemism in Persian], Master's thesis in linguistics, Kurdistan University, 1391 (2012).

Сведения об авторах:

Сейед Агаи Резаи Моханна Хасан – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка факультета гуманитарных и социальных наук Мазандаранского университета в Исламской республике Иран (Исламская республика Иран, Мазандаран, Балбльсар). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, семантика, лексикология, художественный перевод.
E-mail: m.rezaie@umz.ac.ir

About the author:

Seyed Agai Rezai Mohanna Khasan – PhD, Assistant Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Mazandaran (Islamic Republic of Iran, Mazandaran, Babolsar). Spheres of research and professional interest: linguistics, semantics, lexicology, literary translation.
E-mail: m.rezaie@umz.ac.ir

* * *